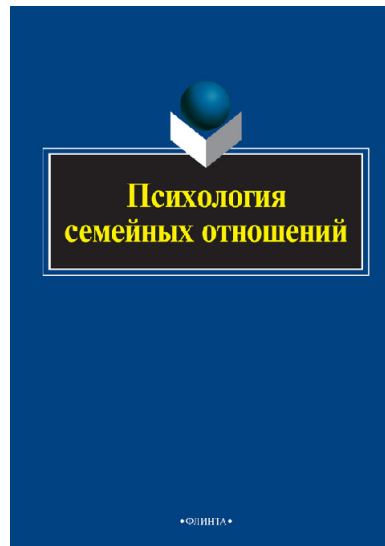

Коллектив авторов Психология семейных отношений

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11645729

«Психология семейных отношений [Электронный ресурс]: монография / под ред. А.В. Литвиновой. – 2-е изд., стер.»: ФЛИНТА; Москва; 2017
ISBN 978-5-9765-1971-8

Аннотация

Монография представляет результаты исследований сотрудников лаборатории психологических проблем воспитания Государственного НИИ семьи и воспитания. В монографии раскрываются детерминанты развития личности в семье: влияние на развитие личности положения ребенка в структуре семьи, влияние согласования и рассогласования образов родителей на формирование личностных качеств ребенка, особенности развития личности в моноэтнических и разноэтнических семьях, а так же гендерные аспекты.

Для педагогов, студентов, психологов-консультантов и социальных работников.

Психология семейных отношений Коллективная монография

© Коллектив авторов, 2015
© Издательство «ФЛИНТА», 2015

Введение

Проблема семьи как детерминирующей системы развития личности приобретает в современном российском обществе особую актуальность в связи с последствиями глобального социального кризиса, в результате которого в России сложился принципиально новый тип общества. С одной стороны, государство потеряло свою жесткую идеологическую платформу, на основе которой прежде организовывались ценности и ориентиры, как для каждой отдельной личности, так и для различных социальных институтов, включая семью. В новом обществе отсутствуют ясные духовные ориентиры, направляющие развитие личности

в идеологически заданном русле. Это, несомненно, усиливает значимость семьи как традиционного института воспитания личности, накладывает именно на семью ответственность за духовную ориентацию развивающейся личности. Значимость семьи в детерминации личности в российском обществе постепенно возрастает.

Однако, с другой стороны, в новом обществе России складывается институт жестких рыночных структур, включающих человека в роли технологического компонента, а не субъекта организации деятельности. В связи с этим в значительной части производства общество уже не нуждается в развитии у людей традиционных личностных качеств, характеризовавших прежний тип личности (следование определенным идеалам, воля в борьбе и пр.). Традиционные схемы воспитания ребенка в семье разрушаются мощным воздействием телевидения, прессы, рекламы и пр. Вместе с тем, разрушению подвергается и традиционный институт семьи. В связи с устранением зависимости государства от идеологических ориентаций личности в современной России исчезла и зависимость государства от качества семейного воспитания, что создало условия для потери реального интереса государства к состоянию института семьи. В новых условиях семья ставится в зависимость от интересов не государства, а отдельной личности. Все это создает особую значимость исследования психологических детерминант жизнедеятельности семьи в современной России.

Однако институт семьи является гораздо более древним образованием, чем формы государственного управления. Семья, как традиционная форма организации человеческих отношений, подчиняется единым социально-психологическим законам, определяющим ее жизнедеятельность в разных типах общества. Понимание общих законов организации семьи предполагает анализ разных форм семьи на разных этапах истории. Поэтому, помимо результатов исследования современной российской семьи, в коллективной монографии представлен анализ форм организации семейных отношений в истории России.

Глава I. Современная семья в изменяющемся обществе

Шабельников В.К

Семья в геополитическом конфликте XXI века

Геополитический конфликт XXI в. разворачивается в виде мировых экономических и политических противостояний и катаклизмов, в форме военных столкновений в Афганистане, на Ближнем Востоке и в других регионах. Много лет разворачивается противоречие традиционного и индустриального общества, противостояние стран Запада и Востока. Глобальный мировой конфликт захватывает и Россию, проявляясь в кавказских войнах, противостоянии регионов и пр.

На фоне военных и политических событий как будто не столь шумно проявляют себя глобальные деструктивные изменения семьи, хотя они происходят в самых разных формах. С разрушением семейной системы связаны реально не решаемые и обостряющиеся проблемы воспитания детей, проблемы деструкции личности, алкоголизма, наркомании, преступности. Судьба семьи, как и судьба всех будущих поколений, рождающихся и формирующихся благодаря наличию семьи, связана с единой логикой мирового противостояния социальных форм организации жизни.

Говоря о семье, мы должны выделить два типа семьи. Традиционная семья – это довольно мощное образование, включающее не только супругов и их детей, но также братьев, сестер, дедушек и бабушек, а также множество других родственников, для определения которых в народной культуре существует множество терминов. Это, по сути дела, целостный родовой ствол или клан, образованный множеством людей и включенный в общую этническую систему. И совсем иное образование – это современная городская семья, состоящая только из родителей и детей или вообще из одного или двух человек.

Традиционная семья – это структура, создающая основу этнической системы. Любые

формы деятельности, как производство условий жизни, включаются в логику жизни семьи, обеспечивая ее выживание и развитие. Охотится ли человек, ловит ли рыбу или убирает урожай, строит ли что-то – все это определяется интересами семьи. Такая семья, как целостный, широко разрастающийся организм, организует своими потребностями все формы деятельности. Сама же семья направлена на воспроизводство и развитие рода, живет интересами рождения и воспитания детей, обеспечивает усиление своей этнической системы в природе и в общем пространстве человечества.

Современная городская семья живет совсем иначе. Она включена в современные формы деятельности и производства, которые сами уже никак не включены в ее собственную структуру. Профессиональные деятельности рабочего, ученого или актера создают свои особые пространства взаимоотношений, где люди действуют как участники этих новых форм производства жизни, общаются и создают семьи. Эти семьи формируются в ритмах городской жизни как ее малые элементы, но сами семьи не определяют своей глобальной структурой и напряжениями логику организации общей деятельности. Общество и производство лишь включают в себя семью. Профессиональные деятельности захватывают людей своими мотивами и целями, заданными вовсе не семейной организацией.

И традиционную семью, и современные формы производства можно рассмотреть в виде больших самоорганизующихся систем, подобных живому организму. Традиционная форма семьи, создающая для себя нужные ей виды производства, и современное производство, построенное по логике своей собственной организации, взаимодействуют как конкурирующие системы. Опираясь на теорию Ж. Пиаже о взаимодействии систем, мы можем представить, что каждая из этих двух систем стремится ассимилировать (поглотить) другую в качестве своего компонента, включить конкурентную систему в логику своего развития. Такая ассимиляция предполагает где-то и диссимиляцию, разрушение целостности конкурентной системы. Такие отношения напоминают встречу волка и зайца на лесной дорожке. Взаимодействие этих животных приводит к тому, что один организм поглощает другой, а более слабый становится компонентом жизни и развития другого.

В центре семьи стоят идеалы дома, рождения и развития ребенка. Традиционный тип жизни создал свои системы мифов и ценностей, сложную культуру отношений, направленную на поддержание семьи и основных функций размножения и воспитания человека, что в итоге обеспечивает жизнь этносов. Веками апробированная система традиций и ценностей семьи организует адекватную схему взаимоотношений и поведения людей. Здесь присутствует уважение к старшим и к опыту предков, культ матери, дома, порядка.

Традиционные мифы народов изначально представляют женщину особым существом, загадочным в ее способности создавать человека. Загадочность женщины подчеркивается мифами ее связи с волшебными силами земли, леса, моря. Царевна-лягушка, царевна-лебедь, Персефона, Золушка или пушкинская Людмила – женщины, имеющие какие-то особые отношения с колдовскими силами природы, похищаемые в загадочные миры или обладающие загадочными способностями. За всеми этими мифами видна особая, сверхсоциальная роль женщины как прародительницы и истока зарождения родовой системы. Этому центру семьи противостоит опасное внешнее окружение враждебных сил, что требует постоянной готовности мужчины к защите дома и семьи, своей родовой системы.

В известной нам истории можно выделить ряд ключевых моментов, когда общественная система, противостоящая семье, подавляет и разрушает родовые мифы. Таким поворотным моментом было, например, появление мощных государственных систем, построенных не на семейно-родовой, а на военно-государственной основе. Это был этап развития общества, когда борьба родовых систем приводила к долгим конфликтам, к войнам и жесткому противостоянию этносов.

Государства формировались как сверхсемейные образования, на базе военных дружин и опирались на принципы мужского взаимодействия. В начале нашей эры это было связано с

распространением христианской религии, направленной на угашение активности родовых систем. В религии утвердились ценности и мифы, направленные на сдерживание рождения и подавление женской функции. Начало рождения передается Богу, принимающему в мужском облике такие функции как создание человека, тепло и забота, любовь, принятие человека в конце жизненного пути. На волне подавления родовой функции женщины, Бог становится как бы всеобщей матерью человечества. Прежние этнические мифы, связанные с поклонением зачатию и красоте женщины приобретают отрицательный смысл, женская красота и очарование видятся где-то в возможной связи с дьявольскими силами. Образом женщины становятся монашки, отказавшиеся от материнской функции. Рождение и зачатие вообще допускаются только по разрешению церкви через ритуал венчания. Само же венчание доступно лишь тем, кто принимает данную религию и подчиняется ей в ритуалах, предлагаемых церковью.

В прежние столетия в России сохранялось уравновешенное взаимодействие в противостоянии государства и этнических систем. Государство стремилось контролировать жизнь народа через институты власти и религии, но народ жил еще этническими традициями, сохраняя семейные мифы и занимая по отношению к государственной структуре оппозиционную установку как к внешней подавляющей силе. Все это сохранялось и в социалистическом XX столетии, где «народ» жил традициями семьи и выполнял свою роль «нарождения» общества.

Это заметно отличает нашу страну от США, где базисные этнические системы были уничтожены вместе с их носителями, загнанными в резервации. Это позволило создать в Америке мощнейший центр самоорганизации и слияния «антиэтнических» систем производства, структурирующихся в виде корпораций, банков и юридических институтов, принимающих на себя функции оценки правильности любых форм жизни. По сути дела, эти институты стремятся заместить собой традиционные институты этносов, семейных мифов и стихийного общественного мнения.

Все эти процессы являются лишь частичным проявлением мощного противостояния современной системы производства системе семьи. Семья перемалывается ассимилирующей ее социальной системой, превращаясь из глобальной этнической сети в осколки прежней системы. Разрушая традиционную семью как конкурентную основу организации общества, стремясь ассимилировать ее живой материал, современные техногенные структуры разрушают и культуру поддержки семьи, мораль, ценности и мифы родового этнического общества.

Современные формы культуры все больше подавляют семью и культуру семейных мифов. Женщина стремится выполнять роли, типичные для мужчин, видит свое основное место во внесемейной системе профессий. Уход интересов женщины за пределы семьи дополняется разрушением базисных оснований воспитания ребенка и обеспечения его развития. Вместо «любви», предполагающей глубокие эмоциональные связи и сложно структурированные отношения между мужчиной и женщиной, распространяются идеалы «свободного секса», вовсе не связанные с задачами воспитания детей и формированием прочной семьи. В культуре выделяются идеалы «свободы» и «свободной личности», независимой от обязанностей перед родом и семьей, формируются ценности противостояния поколений, культивируются наркотики, формируется гомосексуализм как норма отношений.

Новые формы производства, живущие в виде банков, корпораций и обслуживающих их органов власти и информации, затрачивают немало добытых финансовых средств на массированное разрушение мифов и традиций, поддерживающих конкурентную им социальную структуру. Там, где сопротивление традиционных этнических систем принимает жесткие формы, применяются жесткие военные и политические акции. В итоге мировое пространство все более расчищается для его охвата антиродовой системой жизни. В окончательно «развитых» и «цивилизованных» странах семья уже не представляет никакой угрозы новым типам систем, за исключением, возможно, национальных «мафий», воспроизводящих разветвленную структуру традиционной семьи. В европейской системе

формируются свои внутренние структуры квазисемейного типа. Это фирмы и группы, связанные интересами совместного бизнеса. Но семейные структуры традиционного типа – национальные «мафии» – представляют определенную опасность для индустриального рыночного общества тем, что противостоят принципам своей организации его структурам и конкурируют с ними.

Последовательные этапы подавления семейно-родовой системы новыми формами организации общества исторически изменили характер связи человека с семьей. В традиционной родовой системе человек был компонентом семьи всю жизнь до старости, и вся его деятельность была подчинена тем или иным семейным функциям. Вначале он был сыном или дочерью, затем – брак по логике родовых ритуалов и организация своей новой семьи, которая разворачивалась в том же родовом пространстве, затем – роль дедушки или бабушки, с их фиксированными функциями. Появление внесемейной профессиональной деятельности привело к сокращению семейной жизни человека. Детство проходит в родительской семье, но взросление связано с выходом интересов и личностных связей за пределы семьи. Подростковый возраст проявляется в конфликтах с властью родителей, в стремлении утвердиться во внесемейном пространстве. Поиск профессии и личностное самоопределение проходят уже в новой культуре общества. Дальнейшее подавление семейной системы приводит к тому, что и детство ребенок проводит уже не в семье, а в профессиональных детских учреждениях, получая основы мировоззрения не от родителей, а от других детей или от воспитателей.

Противоречия капиталистической системы бизнеса и традиционной семейно-родовой системы сегодня остро выступают в деятельности новых преуспевающих бизнесменов в регионах, где еще сильны традиции родовой семьи. Молодым бизнесменам приходится переживать кризис разрыва отношений с родственниками, конфликт с родителями, пытающимися сохранить традиционное влияние на своих детей в сфере организации их деятельности. Новая система производства и рынка приносит с собой новые формы отношений и мифы, направленные на разрушение старых семейно-родовых привязанностей, на воспитание человека, целиком подчиняющего себя идеалам рыночной борьбы.

Что же лежит в основе столь мощного развития антисемейной мировой структуры, деформирующей своей активностью процессы семейного формирования человечества?

Во-первых, это качественное реструктурирование общественной деятельности, сместившей свои цели с воспроизводства *человечества* на производство *средств* жизни. Как и когда это произошло – это вопрос отдельный. Но факт состоит в том, что прежнее родовое производство регулировалось потребностями рождения и развития человека, а семья задавала необходимые объемы и формы этого производства. Средства жизни создавались лишь по мере нужды в них и были четко ограничены рамками этой необходимости. Но с определенного момента истории центром общественного развития стали не люди, а средства и орудия деятельности. По мере развития производства, направленного на создание средств жизни, это производство начало включать в себя жизнь целых семей и родов, обеспечивая их благополучие лишь как своих компонентов.

Сегодня независимость производства средств от реальной потребности в них видна, когда обостряется проблема не изготовления машин, станков и прочих средств жизни, а проблема их распространения или продажи. Замкнув на себя целостную петлевую систему деятельности, средства жизни превратились в самостоятельную саморазвивающуюся реальность, подчиняющую себе и семью, и рождение, и благополучие людей. Человечество превращается в механизм обслуживания машин, банков и заводов, обеспечивая их автономное и непрерывное саморазвертывание.

Новая мифология служит обеспечению свободного движения рынка сквозь территории этнических систем, вначале противостоящих этому движению своими «устарелыми» мифами и ценностями, но затем разрушаемых новыми мифами и подчиняемых им. Центральная роль машин в мифологии нового общества проявилась в том, что наука XVII–XVIII вв. стремилась представить человека по образу и подобию машины, а мифология XX в.

породила образ спасителя человечества в популярном «Терминаторе» – человекоподобной машине, принимающей на себя функции пострадавшего за мир Спасителя.

Подавление, а затем и методичное разрушение системы семьи связано с таким ключевым моментом, как размножение человечества на планете. Военное по типу государство и христианская религия – эти первые независимые от семьи структуры, противостоящие семье и подавляющие ее, появились именно по причине расширения родовых этнических групп и борьбы между ними. Расширение родовых систем и войны между ними были естественным продуктом функционирования семейных систем. Ведь истинным продуктом семьи и является рождение людей, их воспитание и укрепление мощи и объема этнической системы.

Поэтому не случайно борьба за территории и долгие войны породили антисемейную систему государства и религии. Война породила мифы, где вместо идеала служения семье укрепился идеал служения Богу или государю, а вместо женского культа, культа здоровья и рождения распространились культ мужчины, культ героической гибели, аскетизма и отрицания мирского. Все это богатство мифологии обеспечивало снижение рождаемости, т. е. ограничивало источник, порождающий конкуренцию за территории.

В ситуации конкуренции и борьбы между социальными группами успех зависел от развития средств деятельности: орудий войны, орудий производства, орудий управления сознанием. Ведь усиление социальной группы через увеличение числа ее членов требовало еще большего расширения региона обитания и потребляемых биосферных условий. В условиях дефицита территорий такое развитие было невыгодно, потому что успехи расширения гасились ростом потребления. Усиление же социальной группы через совершенствование средств борьбы и производства позволяло выигрывать борьбу за социальное пространство, не увеличивая числа его потребителей. Так центр общественного развития сместился с производства людей на производство средств и орудий деятельности.

Столкновение систем, направленных на производство средств и орудий, с социальными системами, функционально направленными на производство людей, происходит сегодня на всех уровнях: от политики до глубин подсознания человека. Борьба идет в столкновении систем управления обществом, в столкновении мифологий, ценностей, религий и мировоззрений. Глобальный конфликт Запада, выработавшего юридические нормы, формы правового обеспечения рынка и производства, создавшего идеалы свободы личности и демократии, идет с Востоком и традиционными этническими системами, сохраняющими семейную и родовую мораль, культы и эмоциональные привязанности, ритуалы жизни и глубокие традиции воспитания преданных членов рода и семьи.

Сегодня в массовых процессах управления сознанием все заметнее нарастают технологии выключения личности из реальной жизни и общественной активности. Время жизни людей все больше заполняется играми, погружением в судьбы героев телесериалов, отгадыванием кроссвордов и прочими захватывающими процедурами, уводящими от деятельности в реальном пространстве общества и природы. Этими новыми ритуалами общество стремится угасить избыточную личностную энергию в ситуации большой плотности населения.

Последствиями полной и безоговорочной победы орудий над людьми становится глубокая любовь и привязанность человека к средствам и орудиям жизни. Выдающийся американский философ Э. Фромм представил подобную любовь как особую форму «некрофилии» – предпочтение всего мертвого и послушного, лишнего жизни, всему живому. «Некрофилия» как черта психологии может, например, проявляться в большей любви мужчины к машине, чем к женщине и т. п. Последствием такой победы становится разрушение семейной системы, формирование «семей», состоящих из одного человека, воспитание и развитие детей во вне-семейном пространстве города, глубокое изменение психологии женщины и мужчины.

Сегодня крайне передовые страны Америки и Европы, где система саморазвивающегося производства вещей глубоко разрушила родовые структуры, живут за

счет притока мигрантов из Азии, Африки и России. Эти миграционные потоки компенсируют дефицит человеческой энергии, необходимой для поддержания производства средств. В России, имеющей двухслойную или двухуровневую структуру, отмечается сходная миграция людей из села или из традиционных этнических систем в большие города, где семейно-родовая структура перемалывается так же как в странах Запада.

Глобальность конфликта XXI в. определяется тем, что в стадию своей дестабилизации и индустриализации вступают традиционные страны и регионы Азии и Африки, многие века сохранявшие свою семейно-родовую организацию. Подобная дестабилизация закономерно связана с нарастанием агрессии общества и его отдельных групп, усилением войн и личностных психологических кризисов.

Ведь родовая система общества обеспечивает не только рождение человека, но и систему его мотивов, смыслов, стремлений и привязанностей. А это структурирует жизнь и деятельность каждого человека от рождения до смерти. Разрушение же родовой системы оставляет человека, по сути, в мотивационном смысловом вакууме. Поиск смыслов и векторов жизни в разрушенном пространстве мифов часто не приводит к успеху. А это ведет к потере мотивов, росту суицида, к наркомании как форме психического ухода из мира. Нарастает потребность в новых мифах и религиях, способных обеспечить организацию мотивов и смыслов деятельности в распадающемся родовом пространстве.

Вряд ли в силах психологов, педагогов или даже политиков снять остроту противостояния между конкурентными системами организации общества. Но определение векторов собственной активности и профессиональных приоритетов требует изучения механизмов существующего противостояния, понимания логики его развертывания в глобальном конфликте нашего времени. Где-то усилия общества сосредотачиваются на продуктах разрушения семейно-родовой системы, проявляющихся в беспризорности детей и стариков, в одиночестве женщин и мужчин, в наркомании или преступности. Но где-то эти усилия должны быть направлены и на сами механизмы общественного развития, порождающие эти следствия. Возможно, путь изучения и профилактики причин окажется продуктивнее встревоженной суеты вокруг последствий.

Литвинова А.В

Психологическая структура российской семьи в разные периоды истории страны

Происходившие в России в прошлом веке исторические события как в зеркале отразились в стремительном изменении функционирования современной семьи. Тревожным фактором времени становится углубляющийся кризис семьи, который разъединяет родных и близких людей, но в то же время выходит за пределы семейного пространства и определяет состояние, охватившее разные сферы общественной жизни. Усилия социологов, антропологов, психологов, этнографов и других ученых, изучающих семью, направлены на выявление и анализ психологических проблем семьи, поиски путей их решения.

Социальная ситуация, сложившаяся в настоящее время, характеризуется кризисом традиционных форм организации семьи. Эволюционное развитие цивилизации приводит к росту личностной свободы каждого человека. Поэтому изменения в характере организации семьи мы в большей мере связываем со своеобразием личностных отношений между супругами, чем с традициями общества. Снижение роли внешних факторов (обычаи, нормы, экономическая необходимость), обеспечивающих устойчивость семьи, приводит к повышению значимости ее внутреннего содержания (В.К. Шабельников и др.). В исследовании мы рассматриваем два типа семьи: традиционную и современную. Традиционный тип семьи представляет собой многоуровневую систему, со сложными внутрисемейными и межсемейными отношениями, лежащими в основе родовых и этнических социальных систем и создающими устойчивую структуру общества. Современный тип семьи, в отличие от традиционного, характеризуется, прежде всего,

разрушенностью стабильных межсемейных родовых отношений (В.К. Шабельников).

Противоречия в психологии и культуре разных слоев и групп российского общества ярко проявляются в стабильных и изменяющихся формах семейных организаций и выражаются в утрате ценности семьи в системе ценностных ориентаций личности. Так, результаты проведенных исследований (Н.Г. Марковская, И.В. Проневская, Т.Ю. Соловьева, Н.Л. Москвичева, А.Б. Любимова и др.) раскрывают, что распространение внесемейных организаций ведет к понижению ценности семьи в системе личностнозначимых ценностей. Это приводит к формированию мнимых идеалов и ценностей, вследствие чего появляются затруднения в воспитании детей в неполных семьях, в повторных браках, в семьях с единственным ребенком. В семьях с разным соотношением традиционности – современности ролевых установок мужа и жены удовлетворенность супругов своим браком связана с разными сторонами их взаимоотношений (Е.В. Антонюк, Л.П. Ефимова, А.И. Егорова, А.М. Олисаева и др.). Деструктивные изменения в ролевом взаимодействии связаны не столько с реальным распределением ролей, сколько несогласованностью ролевого взаимодействия супругов, ролевых ожиданий и представлений о ролевом поведении друг друга. Исследования особенностей внутрисемейных отношений (С.Д. Лаптенко, Т.И. Дымнова, А.Н. Авдеенок и др.) раскрывают влияние структурных особенностей и дисфункций родительской семьи на создание супружеской семьи. Выявлено, что менее адаптивны в семейных отношениях супруги, которые воспитывались в неполных семьях, или были единственными детьми.

Деформация семьи в системе общества отражается также в изменении ее функций в воспитании личности человека, оказывает существенное влияние на формирование субъектных позиций и личности ребенка. В связи с этим, анализ распределения функций субъектов (Е.В. Трифонова, С.А. Лукьяненко, А. Давлетова) между членами семьи в их взаимодействии, а также влияния особенностей этого распределения на формирование их субъектных позиций, является важной проблемой психологии.

Необходимо отметить, что при всем многообразии подходов в исследовании проблем семьи отечественными психологами, в научной литературе недостаточно работ, посвященных анализу изменений психологической структуры семьи в современном российском обществе. В нашем исследовании психологическая структура семьи рассматривается как функциональный компонент детерминирующей ее социальной системы, позволяющий выяснить в конкретных ситуациях определенные детерминанты, отвечающие за развитие психологических особенностей семьи (В.К. Шабельников). Для выявления специфики взаимосвязи изменения социальной ситуации и психологической структуры семьи как детерминирующей системы развития личности нами рассмотрен ряд социальных ситуаций, представляющих, разные этапы исторического развития страны прошлого века. Мы стремились раскрыть социально-психологические причины и механизмы изменения семьи, на каждом из этих этапов, выявить объективные процессы, определяющие деструктивные изменения ее психологической структуры. Логика изменения психологической структуры российской семьи в XX в. изучена на примере семейных ценностей, функций, ролей, выбора субъектных позиций во взаимодействии членов семьи.

Ситуация демократизации общественного устройства (1860–1900). В первых работах, посвященных великорусской семье, появившихся в первой трети XIX в. (Н.В. Калачев, Н.С. Стемоухов) и во второй половине XIX – начале XX в. (А.Я. Ефименко, С.М. Пономарев, М.Н. Харузин, Д.К. Зеленин и др.) были проведены обстоятельные исследования семейного уклада. Как известно, в начале XX в., накануне первой мировой войны, большинство населения России составляло крестьянство, только 18 % населения и проживало в городах. Уклад крестьянской жизни определяла община, которая владела землей и распределяла ее по числу женатых родственников в семье, поскольку брак был основным критерием доступа к землепользованию. Мужчины и женщины, не состоящие в браке, не считались полноценными членами общества, что в определенной мере определяло ценность семьи, ее жизненную необходимость и устойчивость. Важно отметить, что по числу браков Россия в

начале прошлого века занимала первое место в Европе.

Революция привела к разрыву вековых семейных связей. Семья отвергается новой политической системой. С психологической точки зрения революционные преобразования явились возвращением к ранее пройденным отношениям. Лишаясь частной собственности, человек потерял приобретенную в процессе эволюции ответственность за свою жизнь и жизнь своей семьи. Основное условие тоталитарного режима – полное подчинение и зависимость человека от системы, что определяло отказ от права собственности, от семьи и от свободы.

В ситуации социалистического переустройства общества (1917–1936) изменения психологической структуры советской семьи определили взгляды основателей коммунистической идеологии. Классики марксизма считали, что в экономике пролетариат действует как целостная система, а в быту он раздроблен на клеточки семей. По их мнению, необходимо упразднить семью, основанную на частной собственности, праве наследования и домашнем воспитании детей. Основная задача большевиков состояла в том, чтобы лишить отца возможности отвечать за семью, обеспечивать ее существование и главное воспитывать своих детей. Так, К. Каутский считал, что с ликвидацией товарного производства, «экономического основания» для родительских чувств, отомрет и семья. Луначарский, Крыленко и Коллонтай подменяли семейные отношения («муж – жена», «отец – мать») брачными и любовными («мужчина – женщина»). Мужчина и женщина, на их взгляд, должны быть связаны любовью и товариществом, сознанием коллективной ответственности и верой в коллектив как носителя коллективной морали, а бытовая и воспитательная функции семьи должны делегироваться государству. Семья как основа воспитания детей не вписывалась в тоталитарную систему, поэтому реализовывалась идея о смене буржуазной семьи на советскую, прогрессивную и социалистическую. Политика советской власти заключалась в лишении отца его роли в социализации ребенка и возложении ответственности за воспитание детей на общество. В этот период наблюдается противостояние поколений, борьба детей с властью родителей, смещение ответственности за семью на женщину. Предпосылкой становления матери центром семьи был культ Богородицы в православной традиции, определявший значимость материнства. Стремление заменить семейное воспитание общественным воспитанием «нового человека» привело к девальвации духовных и моральных ценностей, подмене авторитета родителей авторитетом власти, осложнению идентификации с родителями. Функции семьи фактически были сведены к биологической репродукции.

В ситуации победившего социализма и строительства коммунизма (1936–1985) разворачиваются драматические события для судеб страны, всего советского народа и семьи. Массовые репрессии предстают как искусственный отбор не только физический, но и генетический, в котором люди уничтожаются целыми семьями. Уходят из жизни люди независимые, самостоятельные, способные к свободному выбору и ответственности. А.И. Белкин, изучая разные типы личности, складывающиеся в семьях разного социального типа, раскрывает, что дети «врагов народа» отличались низкой самооценкой, безликостью, безынициативностью. Их безропотность, угодливость и покорность – следствие того, что они, скрывая факт ареста, меняли место жительства, фамилии, жили в состоянии постоянного стресса из-за боязни своего разоблачения. Дети гонимых «врагов народа», в условиях принуждения к публичному отречению от родителей, противопоставления им через донос и предательство, идентифицировали себя не с родителями, а с вождем, рационализируя свои поступки служением высшей цели «во имя справедливости». У детей репрессированных, в семьях которых поддерживались семейные устои, традиции, сохранялось уважение к родителям, присутствовало критичное отношение к власти, воспитывалась способность рассчитывать в жизни на свои силы.

После отечественной войны наблюдается массовое появление структурно разрушенных семей, детей-сирот, что углубляет нарушения развития мужского и женского характеров, являющихся результатом многовековой эволюции и исторического взаимодействия.

Нарушаются непосредственный эмоциональный контакт во взаимодействии с детьми. Разрушаются первичные привязанности и обусловленная ими идентификация с родителями, а так же социализация в условиях семьи на основе примера родителей. Дисбаланс мужского и женского населения приводит к смене моральной нетерпимости на лояльность к супружеским изменам и внебрачному рождению детей, долгое время жестко определявших внутрисемейные взаимодействия.

В послевоенное время человек становится средством производства, его производственные достижения и успехи выступают ценностными приоритетами, снижают значимость семейных отношений. Семейная политика сводится к установке на наибольшее воспроизводство населения при наименьших затратах государственных средств. На начальном этапе, периода развитого социализма, экономическая взаимозависимость, материально-имущественные связи полов и поколений в семье ослабляются и уже не играют прежней первостепенной роли. В условиях повышения материального благосостояния советских людей отношения супругов, детей и родителей переносятся с экономических на нравственно-психологические и эстетические. В этом положении проявляется обострение противоречия между желаемым и действительным. Как желаемое в стране провозглашалось то, что для духовного мира советского человека данного этапа характерны товарищеское содружество, отцовские и материнские заботы, поддержание связи с жизнью всего советского народа. Действительностью же были деформация семейных ценностей, «падение» роли отца (Советский Союз считался страной «потерянных мужчин»), увеличение разводов, неполных семей, что повышало проблемность воспитания детей

Для ситуации перестройки и вхождения страны в рыночную экономику характерны изменения сложившихся установок, привычек, ценностных ориентаций, связанных с поиском самого себя в стремительно изменяющемся мире. В новой ситуации намечаются условия стабилизации семьи и возрождения ее автономии. Исследователи отмечают, что появляются надежды на возвращение семье права собственности и обретение ею суверенности в источниках существования, социальную реанимацию разрушенной в советский период исторически сложившейся символической среды обитания и образа жизни, общественное признание приоритета семьи в воспитании и социально-культурной адаптации подрастающих поколений.

Важно отметить, что среди факторов, влияющих на ценностное отношение к семье в России, выделяются общие цивилизационные процессы, свойственные современным семейным отношениям во многих странах, выражающиеся в повышении роли межличностного общения и эмоциональной поддержки. Изменения ценностного отношения к семье так же определяется спецификой российской культуры, противоречивыми результатами развития семьи, в условиях бывшего Советского союза, кардинальными изменениями, охватившими все общество в настоящее время.

Нас интересовал вопрос, на какой образ семьи ориентируются студенты, получающие педагогическое образование, какие социальные ситуации исторического развития страны и их значимые элементы оказывают влияние на формирование образа семьи. Целью нашего эмпирического исследования было изучение особенностей формирования образа семьи у студентов в зависимости от включенности их в социальную ситуацию. Мы предполагали, что включенность студентов в разные социальные ситуации способствует созданию определенных образов семьи и влияет на ценностное отношение к ней: у студентов, включенных в социальную ситуацию согласования схем действий и логики ситуации, формируется образ традиционной семьи; у студентов, включенных в ситуацию рассогласования схем действий и логики ситуации, формируется образ современной семьи.

В эксперименте принимали участие 36 студентов Педагогического колледжа № 5 в г. Москве. Для исследования был использован комплекс методик: «Ценностные ориентации» М. Рокича и стимульный материал PS-Study теста С. Розенцвейга – выявление включенности студентов в социальную ситуацию; Сочинение «Тема семьи в произведении...» (по выбору) – определение особенностей образа семьи.

Методика «Сочинение» явилась информативной и надежной для диагностики особенностей предпочтения респондентами семейных функций и выбора субъектной позиции героев литературного произведения. Студентам было предложено написать домашнее сочинение «Тема семьи в произведении...». Литературное произведение они выбирали из списка произведений, составленного преподавателем литературы, в соответствии с планом углубленного изучения проблем семьи, учитывающим логику социальных ситуаций исторического развития страны.

Так, многопоколенная семья, обеспечивающая сохранение и распределение ролей и обязанностей среди членов семьи раскрывается в произведениях А.Н. Островского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.М. Горького, М. Шолохова. Характерным для героев XIX и начала XX в. является принятие во взаимодействии с окружающими позиции субъекта исполнителя, позволяющей успешно реализовывать семейные роли и обеспечивать необходимую связь времен и поколений. В произведениях М. Шолохова «Тихий Дон», А.Н. Толстого «Хождение по мукам», М. Булгакова «Белая гвардия» и др., раскрываются драматические события разрушения, как внешнего социального пространства, так и внутреннего пространства семьи в ситуации социалистического переустройства общества. Главные герои этих произведений находятся в ситуации отказа от привычных традиционно заданных обязанностей и болезненного налаживания новых семейных отношений. Жизнь героев А. Приставкина «Ночевала тучка золотая», «Кукушата», В. Тендрякова «Хлеб для собаки», А. Рыбакова «Дети Арбата» разворачивается в ситуации массовых репрессий, как в отношении всего советского народа, так и семейной организации. Сложные жизненные судьбы взрослых и детей, связанные с периодом войны и послевоенного времени раскрыты в произведениях Б. Горбатова «Непокоренные», М. Шолохова «Судьба человека», В. Розова «Вечно живые», «Летят журавли». Многие психологические проблемы семейных отношений, складывающихся на начальном этапе, периода развитого социализма ярко выражены в произведениях А. Лиханова «Дети без родителей», А. Арбузова «Таня», А. Володина «Старшая сестра» и других. Дезинтеграция семьи, возрастание семейно-бытовой конфликтности, отчужденности детей и родителей ситуации перестройки и вхождения страны в рыночную экономику раскрыты в литературных произведениях Ч. Айтматова «Плаха», В. Пелевина «Поколение "П"», А. Трапезникова «Механический рай», В. Токаревой «Гималайский медведь», А. Петрушевской «Как ангел» и др.

В сочинениях, выполненных студентами, оценивались такие параметры как выбор произведения (классическое, современное), соотнесение событий, происходящих в произведении с социальной ситуацией, психологическая структура семьи: соотношение семейных функций, семейных ролей и принятия субъектных позиций.

Полученные в исследовании статистически значимые различия в ценностных ориентациях и выборе субъектной позиции во взаимодействии позволили нам выделить две группы студентов. Для студентов, включенных в ситуацию согласования схем действий и логики ситуации характерны цели-ценности «интересная работа» «счастливая семейная жизнь», «наличие верных друзей». Им свойственен выбор субъектной функции субъект-оценщик и субъект-исполнитель по типу ассимиляции, проявляющейся в стремлении подстраивать действия других под схему своих действий. Студентов, включенных в ситуацию рассогласования схем действий и логики ситуации, отличают цели-ценности «активная деятельная жизнь», «развитие», «свобода» и выбор субъектной функции субъект-оценщик и субъект-координатор по типу аккомодации, т. е. подстраивания своих схем действий под логику ситуации. Необходимо отметить, что цель-ценность «счастливая семейная жизнь» не входит в число приоритетных. Это можно объяснить тем, что большинство опрошенных студентов воспитывались в неполных семьях и у них наблюдается предпочтение целей-ценностей самореализации.

По результатам методики «Сочинение» установлено, что студенты, включенные в ситуацию согласования, схем действий и логики ситуации, для сочинения выбирали классические произведения (85,7 %) – «Гроза» и «Бесприданница» А.Н. Островского, «Анна

Каренина» и «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Отцы и дети» И.С. Тургенева. Большинство студентов, включенных в ситуацию рассогласования, предпочли произведения современных авторов (80,1 %) – «Жизнь насекомых» В. Пелевина, «Лавина», «Инфузория-туфелька» и «Гималайский медведь» В. Токаревой и др. Полученные результаты показывают, что студенты в создании образа семьи ориентируются на крайние ситуации – дореволюционную и современную. Советский период, связанный с массовым разрушением семьи, не является для них привлекательным.

При анализе функционирования традиционной и современной семьи представленного в литературном произведении было выделено преобладание трех функций – хозяйственно-экономической, воспитания детей и эмоциональной поддержки и защиты. По мнению студентов, муж и жена, реализуя семейные функции, выполняют определенные традиционные роли. Хозяйственно-экономическая функция выполняется хозяином и хозяйкой, воспитывают детей отец и мать, а эмоционально поддерживают и защищают – друг, помощник или психотерапевт. Результаты исследования показали, что, несмотря на то, что семейные функции и роли являются сходными в разных типах семей, они значительно различаются по выбору субъектной позиции во взаимодействии. Студенты, включенные в ситуацию согласования схем действий и логики ситуации, считают, что у отца как «хозяина» более выражены функция субъект-исполнитель по типу аккомодация раскрывающая стремление проявить активное личностное участие в семейных делах. У матери в роли «хозяйки» преобладает субъектная позиция субъект – объект потребности по типу аккомодация, выражающая стремление матери учитывать потребности и желания членов семьи. Роль «друга» больше выражена у матери и реализуется через функцию субъект-исполнитель по типу аккомодация. Роль «помощника» свойственна отцу и выполняется через функцию субъект-оценщик по типу аккомодация, выражающуюся в стремлении дать адекватную оценку действиям членов семьи и взять ответственность на себя.

В современной семье студенты, включенные в ситуацию рассогласования схем действий и логики ситуации, показывают, что субъектная позиция субъект-исполнитель по типу аккомодация переходит к женщине, в отличие от мужчины, который реализует субъектную позицию субъект-исполнитель по типу ассимиляция как удовлетворение собственных потребностей, что не предполагает активного выполнения основной семейной роли. Еще более пассивная субъектная позиция характерна для «отца» – субъект-оценщик по типу ассимиляция, выражающий негативную оценку действий и поведения других при позитивной оценке своих действий. Функцию эмоциональной поддержки и защиты выполняет только жена, она, как и отец в традиционной семье, реализует роль «помощника», но уже через активную субъектную позицию субъект-координатор по типу аккомодация, выражающую стремление помочь другому выполнить роль адекватно.

Таким образом, включенность студентов в разные социальные ситуации способствует формированию различных образов психологической структуры семьи и влияет на ценностное отношение к ней: у студентов, включенных в социальную ситуацию согласования схем действий и логики ситуации, ценность «счастливая семейная жизнь» является приоритетной, у них формируется образ традиционной семьи с ориентацией на семью с активными субъектными позициями отца; напротив, у студентов, включенных в ситуацию рассогласования схем действий и логики ситуации, приоритетными выступают ценности самореализации, они ориентированы на современную социальную ситуацию. У студентов этой группы формируется образ современной семьи с пассивными субъектными позициями отца и реализацией матерью активных субъектных позиций субъект-исполнитель и субъект-координатор по типу аккомодации, подстраивания схем действий в логике ситуации.

В результате анализа художественных произведений русской и советской тематики раскрыты существенные изменения в функциях, семейных ценностях, выборе субъектных позиций. В произведениях классической литературы семейные отношения подразумевали выполнение таких супружеских функций как рождение и воспитание детей, достижение

семьей экономического успеха, участие обоих супругов в общественной жизни. В произведениях отечественной литературы XX в. значение приобретает достижение личного счастья, гармонизация личности, сексуальное удовлетворение, совместная реализация личностных целей. Названные факторы присутствовали и в классической литературе, но они не являлись доминирующими в момент заключения брака и дальнейшей семейной жизни. Выполнение хозяйственно-бытовой функции в начале века неразрывно связано с постоянным трудом всех членов семьи. Во второй половине XX в. семейный труд становится «многозанимающим время бытом» и сдает свои позиции более престижному профессиональному труду.

Итак, в нашем исследовании рассмотрены социально-психологические причины изменения семьи в современном обществе, раскрыты объективные процессы, определяющие деструктивные изменения психологической структуры семьи. Значимость логики изменений психологической структуры семьи в истории России показана при изучении семейных функций, ценностей, выбора субъектных позиций во взаимодействии членов семьи. Установлено, что логика изменений психологической структуры семьи в истории России прошлого столетия, четко выражена в разрушении жестких структур семейных отношений, и переходе к аморфным, расплывчатым и неполным связям.

Осипова О.С

Логика изменений брачно-семейных отношений в истории России: аксиологический анализ на материале славяно-русской культуры

Современная ситуация делает аксиологический, а шире – философский и психологический, анализ логики изменений брачносемейных отношений в истории России своевременным и жизненно важным. Важность исследования определяется радикальным характером социальных изменений в России, имманентных современному миру, и вызванным ими ростом интереса к взаимосвязи института брака и семьи с общественным сознанием народа, выраженным в совокупности идеалов – религиозных, социальных, политических и экономических. Система общественных идеалов детерминирует процессы структурирования социальных институтов, включая и брачно-семейную сферу, действуя в аспектах задания функциональных проявлений формируемых типов, норм и организации матримониальных, воспитательных и личностных взаимоотношений людей. Россия не избежала большинства проблем, стоящих перед мировой цивилизацией в целом, как в естественнонаучном, экономическом и социально-политическом отношении, так и в культурно-духовном плане. Требуется осознания проблема собственного пути развития, причин и следствий переживаемого момента, вариантов выхода на качественно иной уровень. А для этого важно осмысление своего культурного прошлого, начиная с самых древнейших времен.

Актуальность обращения к началам отечественной культуры определяется и утверждением в обществе идеи национального самосознания. Для конкретного социума основополагающий фактор здесь национальные мировоззренческие истоки, взаимосвязанные с общечеловеческими архетипами сознания и присущие народу в пору его сложения как этноса. Именно этот древний фундамент определяет сформировавшийся менталитет нации, проходит через все последующие духовные наслоения, формируя базисные особенности национальной культуры и соответствующий детерминируемый тип брачно-семейных отношений. К сожалению, славяно-русское самосознание очень редко связывается со своей древней праосновой. Однако существующая здесь историческая зависимость нуждается во всестороннем рассмотрении. Такими же значимыми вопросами истории предстают и традиционные, зародившиеся в далекой древности, культуры всех народов, образующих этническое пространство России. Эта задача предполагает проведение постоянного комплексного цикла научных исследований, ориентированного и на подробный анализ российской исторической и современной этнической специфики брачно-семейных

отношений.

Рассмотрение проблем брака и семьи в этническом и историческом измерении необычайно актуально в силу требований современного мира к толерантности взаимодействия во внешней и внутренней политике государств, образованных народами с разной культурой и историей, уходящей в глубину веков и даже тысячелетий. Многие процессы в брачно-семейной сфере нашего времени могут быть поняты только в свете их предпосылок в истории человечества, в том числе архаичных этносов. Перспективы будущего также ярче вырисовываются при обращении к истории брака и семьи, ее урокам, наставлениям и морали.

Традиционная культура почти всех народов имеет очень много общего. Как вариант традиционного поведения и системы нравственных ценностей в брачно-семейных идеалах рассмотрим славянскую традицию, предтечу обычаев одного из многочисленных российских народов – русского. В сфере дома, семьи и брака, особенно в свадебных, родильных и похоронных обрядах, в наибольшей степени сохранились традиционные славянские идеи, что восполняет функциональную потребность народа в архаическом восприятии мировых зависимостей.

Архаичное мировоззрение древних славян религиозно и, одновременно, имеет яркий мирской характер и естественную экологическую направленность. Обогащение Природы – исконная архетипическая черта традиционных народов. Люди обращались к Природе, ища помощи, удачи и здоровья, силы для надлежащей общественной и семейной жизни, воспитания детей. Мир людей воспринимался славянами слаженной системой телесных и духовных взаимодействий, проявлением и составной частью единого Мироздания. Для древних славян семейно-родовая, домовая и хозяйственно-бытовая сферы были наполнены глубоким сакральным содержанием, обусловленным пониманием взаимосвязанности всех уровней Мироздания, осознанием высшей силы, предписывающей правила жизни, реализующиеся в этических традициях. Сюда входят любовь и забота о детях и старших по возрасту, уважение брачных и семейных обязанностей, верность и долг, развитое гостеприимство.

Жизнь древних славян подчинялась строгим императивам, которые задавали нормы морали, диктовали семейно-родовые и домовые заповеди. Славянский пантеон освящает идеалы социального порядка, плодородия природы, здоровья, любви, брака, семьи, деторождения и домоводства. Это индикатор и концентратор общественной морали. Боги семейной, родовой и домовой сферы имеют благоприятный покровительствующий характер и отражают светлое и возвышенное восприятие славянами семейно-родовых отношений и соответствующую народную этику. Это – Сварог, Ярило, Лада, Волос, Мокошь, Род, рожаницы и духи-покровители: домовой, ови́нник, банник и т. п. Правила брака установил Сварог: «женамъ за единъ мужъ посагати и ходити говеючи. А иже прелюбы деючи казнити повелеваше». Ярило дает храбрость, молодость и плотскую любовь людям. Лада покровительствует красоте, любви и бракам. Идеалы преемственности поколений и деторождения выражают Род и роженицы. Волос связан с достатком, хозяйством, Мокошь – с женскими работами, прядением, ткачеством.

Священный статус брака и семьи виден в поклонении славян природе. Супружеский обет освящали вода и огонь. Небо и земля издревле представлялись в брачном союзе, причем небу придавался действующий мужской тип, а земле воспринимающий женский. Народ называл небо отцом, батюшкою, а землю – матушкою, кормилицей. Отголоски традиционного поклонения Небу как отцу и Матери-Земле проявились в христианской ереси стригольников в конце XIV в. Стефан Пермский в «Поучении против стригольников» писал, что они велят «каяться земле, а не попу». А митрополит Фотий обвинял их в том, что они «преданий апостольских и отеческих не верующее», тогда как «на небо взирающе бежу, тамо отца соби нарицают». Стригольники желали молиться под открытым небом – «ширины градные» или дома в «малой церкви» (выделено мной. – О.О.)¹.

1 Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века //

Почитание брачно-семейных отношений славянами прослеживается в обрядовой сфере дома и повседневного быта. Дом обладает духом-покровителем – домовым. Огонь на очаге защищает родственные связи, представляя нравственный мир дома. Сакрализированы хозяйственный и домашний инвентарь, еда – блины, каша, пироги. Семейные торжества – новоселье, свадьба, встреча гостей наполнены символами плодородия, богатства и счастья. Праздники сопровождаются выражением памяти предкам, посещением кладбищ и поминками.

Развивающиеся этические отношения древних славян утверждали верность супругов в браке, любовь и всестороннюю заботу о детях и, обоюдно, о родителях, поддержание добрых родственных отношений со всеми членами нередко очень многочисленной семьи. О семейных ценностях, целомудрии и верности в жизни славян оставили свидетельства многие античные и восточные писатели. Особая любовь и верность славянских жен своим мужьям засвидетельствована, в частности, в «Стратегиконе» Маврикия в VI в.: «Племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни и по нравам... Жены же их целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве». Аналогичное свидетельство принадлежит и Бонифацию: «Ибо и язычники... в силу самой природы соблюдают в этом деле то, чего требует закон и что изначально установил Бог, так как, блюдя брачные союзы с собственными женами, они карают развратников и прелюбодеев... И винеды... со столь взаимным усердием блюдут супружескую любовь, что жена после смерти своего мужа отказывается жить. И достойной похвалы считается у них жена, когда она собственной рукой предает себя смерти и сгорает на одном костре со своим мужем». Подобные свидетельства оставили также Титмар Мерзебургский, ал-Масуди и Ибн Доста. О суровых наказаниях для нарушителей супружеской верности у южных славян в X в. писал Ибн-Фадлан: «Мужчины и женщины ходят к реке и купаются вместе голыми и ничем не прикрываются друг перед другом, но при этом никоим образом не блудствуют, а когда кто провинится в этом, будь он кто будет, они вбивают для него четыре шеста, привязывают к ним его руки и ноги, просекают его секирой от шеи до ляшек; таким же образом они поступают и с женщиной, за тем они вывешивают каждую часть их обоих на дереве». Возможно, что жестокость к нарушителям принятых ценностных установок общества могла предотвращать распространение безнравственных тенденций в народной среде и способствовать поддержанию прочных морально-бытовых устоев и порядка. Крепкие родовые и семейные узы позволяли славянам сохранять на протяжении веков преемственность поколений.

Славянская брачно-семейная традиция исторически экстраполировалась сквозь призму православия. Христианская интерпретация древнерусских летописей и поучений отражает, по идеологическим причинам, весьма неоднозначно и тенденциозно традиционные славянские брачные и семейные отношения: «И жили между собой в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты... Поляне... стыдливы пред снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровями и деверями... и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят за нее – что дают. А древляне жили... браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай... браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни, и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены». По-разному описаны брачно-семейные обычаи полян, предков киевлян первыми принявшими крещение, и остальных славян. Но из свидетельств античных авторов известно, то древние славяне имели схожие нравы и обычаи. Помимо упомянутого в «Стратегиконе» Маврикия, в «Истории войн» Прокопия Кесарийского сказано, что «склавины и анты... издревле живут в народовластии, и также одинаково и остальное... все у тех и у других» в плане этно-

социальных характеристик как религиозные верования, типы поселений, ведение хозяйства и войны, одежда, язык, внешний вид, образ жизни и нравы.

Несмотря на сложные исторические условия полного исчезновения древней славянской традиции не произошло. Народ не хотел расставаться с родными обычаями и по-своему воспринял православие, выработав компромиссные обрядовые формы с привнесенным христианским содержанием. В сфере дома, семьи, врачевания, сельскохозяйственной мудрости и народной поэзии, где давление христианства было слабее, можно наблюдать непосредственное сохранение элементов язычества. В христианских поучениях XII–XVII вв. отразились неискоренимые в народе архаичные домашние и семейные обряды. Согласно «Слову Григория Богослова»: «Словянский же язык... и огневи – скварожичу поклонение и молитву творят, из теста делают мосты и... родопочитанию». В «Слове Иоанна Златоуста» добавлено: «Мнящиеся христиане, а погански дела творят... мосты и просветы... и через огонь скачут. В банях чары творят, и пепел посред сыплут и наговаривают над мясом и молоком, маслом и яйцами и вся потребная бесом; льют в банях на печь и велят им мыться и вешают рубашки и полотенца в мыльнице». Еще ярче описание в «Слове некоего Христолюбца»: «Ставят трапезу рожаницам, молятся короваям, вилам и огневи... Неподобает крестьяном игор бесовских играти иже есть плясба, гудьба, песни бесовския и жертва идольская, иже огневи молятся под овином... Роду и Рожаницам». Из приведенных отрывков видно, что славяне и в XII–XVII вв. продолжали сакрализировать сферу брака, семьи и дома, как пространства их локализации – по-прежнему почитали огонь на очаге (Сварожича), ритуализировали пищу и домашние работы, обращались к помощи Рода и рожаниц, общались с духами дома, бани, овина и т. п.

Христианство внесло в область брака и семьи свои требования, пытаясь преобразовать языческую семью, по словам Иоанна Златоуста, в «малую церковь» по образу союза Христа и Церкви. Но позиция христианства с первых веков не была однозначной в отношении значимости и необходимости брака для праведности. Защитниками святости брака были Игнатий Богоносец, Тертуллин, св. Ириней, Климент Александрийский, в какой-то мере Иоанн Златоуст, а на нечистоту, греховность брака указывали Григорий Нисский, блаж. Феодорит, Иоанн Дамаскин, Симеон Солунский и др. Преобладала последняя позиция. Активные усилия церковь с самого начала направляла на контроль полового сожития мужа и жены. Апостол Павел в первом послании к Коринфянам подчеркивал, «во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа... Впрочем, это сказано мною как позволение, а не как повеление», а в послании к Тимофею уточнял, «жене... не властвовать над мужем... Ибо прежде был создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление; впрочем спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием». Церковь, пытаясь соединить свои представления о плотском грехе с идеей святости брака, лишь терпела телесную сторону последнего, резко отграничивая ее, например, супружеская близость не позволялась, согласно Карфагенскому собору IV в. в день благословения у священников.

С введением христианства на Руси церковь сделалась единственным законным институтом браковенчания. Монополизация сферы брачно-семейных отношений осуществлялась через благословение на брак и венчание. Но до XII в. не была установлена единая церковная позиция и еще долгое время сохраняли законную гражданскую силу и невенчанные браки, особенно на периферии. Строгие требования церковь предъявила к фактам разводов и повторных браков. Венчание второбрачающихся сокращено, в нем отсутствует возложение венцов и добавляется специальная молитва о снисхождении Господа к «немощам человеческого естества», т. е. к людям, утратившим девство и целомудрие первобрака, не способным жить в одиночестве или справляться со страстями. Им испрашивается покаяние и прощение грехов в символическом ряду: «даруй им мытарево обращение, блудницы слезы, разбойничье исповедание». Во внимание христианских пастырей на Руси также попала интимная сторона брака, вызывая нередко критическое осуждение, в том числе терминологическое и регламентационное. Церковь сформировала

свою систему половых запретов: «Женоложью похотенью время и мера... живущему в вере чистей крестьянстве». Супруги должны по норме поститься, а зачатый в постные дни детям церковь приписывала болезни и преступные склонности. Прот. Аввакум подчеркивал: «Немощи ради нашия дан нам бысть закон; безгрешно и чисто законное ложе по согласию ко времени; еже есть время, глаголет апостол, понедельник, вторник, четверток, аще праздника нет; среда же и пяток, суббота и неделя да хранима бывает, и праздники во весь год, и Великий пост, и Пасха до Фомины недели... Аще, не измывся по мечтании, со женою падеш, и зачнет во утробе детище, или бесно родится, или безумно, или инако развращено и недостаточно». Существовали наказания за ослушание и невенчальное сожителство, рождение «выблядков не у венчальные жены»: в XII–XIV вв. гражданская смерть и пострижение, в XV в. – епитимья, а с XVI в. – битье батогами и «почеревная» пошлина.

Женщина, ее место и значение, начиная с XII в. в православном понимании определялись вне ценностных и экзистенциальных аспектов личностного бытия и статуса Жены, Матери: «Для единой потреби мужу жена сотворена бысть – детородства ради». Однако наличие или отсутствие детей в христианском браке было не важно, поскольку воля божья дать или не дать детей. Так, с одной стороны, близость супругов вызывалась необходимостью размножения, а с другой, наличие детей рассматривалось лишь в ракурсе законности и дозволенности их зачатия и рождения. Дети приобретали значение только в форме православного потомства, а не осмыслились в аксеологическом качестве как естественная самоценная данность. Сам процесс рождения и роженица, как центральная фигура в нем, мать, занимали в христианском семейном регламенте посредственное место. Требники XV–XVI вв. резко разграничивают «высокое» и «низкое» в ситуации родов. Дом, где произошли роды, надо было не просто вымыть, а «очистить» молитвами, читаемыми обычно над оскверненными сосудами; с роженицей нельзя было есть; а умирающую женщину следовало перенести в отдаленное место и т. п. Умерших младенцев хоронили вне кладбища. Церковь беспокоило и потребление младенцами грудного молока в постные дни, т. е. скоромничанье, она постоянно сокращала этот неизбежный «преступный» срок, ставший практически меньше года, вскармливание также не позволялось, если младенец был в предсмертном состоянии для причащения.

Супружеская жизнь и чадородие не допустимы для высших церковных иерархов и, вообще, для ведущих «истинно праведный» образ жизни – святых, блаженных, праведников и т. п. Здесь предписан идеал девственности, причем к церковному подвигу отнесено и сохранение девства в браке. А смерть юной девственницы на пороге замужества означала особый дар Господа – «венец мученичества» вместо суетности и опасности брака. Святые часто имели чудесное зачатие и рождение, подчеркнутое сиротство, чем противопоставлялись как ценности святость и брачно-семейная сфера в аспекте высокого и низкого, устремленного к Богу и лишь допустимого, богоугодного и боготерпимого.

Как символ образцовых супружеских отношений в христианстве отмечается день памяти Петра и Февронии. В «Повести о Петре и Февронии» в поведении главных героев подчеркнуто пренебрежение светской брачно-семейной и государственной этикой. По сюжету повести, Феврония, будучи крестьянкой, предлагает брак князю Петру, пострадавшему в борьбе со злом-змеем, обещая лечение. В выборе Февронией мужа заочно, не зная его поступков и взглядов, даже усердия в вере, видно отсутствие личностной ценности. Христианский идеал неприличия любви до замужества отмечен Д.С. Лихачевым, но это сводит ценность христианского брака к совместному подвижничеству в вере. В браке «без порока, пребывая в непрестанных молитвах», естественно, нет детей, что отдаляет супругов от родовых и семейных связей. Кульминацией брака Петра и Февронии оказывается предсмертное принятие монашества, т. е. отказ от мира и тем самым от самого брака, а итоговая идеологема – общий супружеско-монашеский гроб, который не дано разъединить людям, символизирующий совместный уход в чаемый и ожидаемый в суетной земной жизни Божий мир.

Православие заботится о своей пастве, полностью взяв под контроль частную жизнь

народа, включая сферы брака, семьи, воспитания. Но в христианской интерпретации, супружеские и семейные отношения, особенно интимные связи и деторождение не взаимосвязаны с идеалами счастья. Брак и семья были уступкой человеческой природе, светскому миру. Добродетельность христианского брака базируется на жестком запретительном контроле и церковном наказании: регламент супружеской близости, зачатия, законнорожденности детей, их воспитания вовлечением в круговорот церковных действий. Православие пересматривает ценность светской брачно-семейной и государственной этики: не жизнь, а смерть открывает путь в значимый божий мир.

Семейный вопрос утверждался в христианстве очень сложно. В русском народе в результате наложения на архаичные идеалы и традиции брака и семьи христианских представлений возникло своеобразное двоеверное синкретическое переплетение взглядов. Это, например, наглядно отразилось в неоднородности и явной противоречивости пословиц и поговорок на брачно-семейную тему: «Холостой – простой, женат – богат, а вдовец – что зяблец», «У кого детей много, тот не забыт от Бога» и, одновременно, «Муж в бане, а жена в амбаре – уговориться не могут», «У кого детки, у того бедки». Но в целом народная двоеверная этика сформировала требовательное отношение и соответствующий высокий ценностный статус брака и семьи.

В начале XX в. сфера брачно-семейных отношений в России была еще раз значительно преобразована декретами и постановлениями советской власти. В результате стал формироваться новый светский тип матримониальных и юридических нормативов и поведения. Идеалы советской семьи взаимосвязывались с тенденциями равноправия мужчины и женщины, перемещения ведущей части их интересов в общественное производство, развитие государственной сферы услуг и общественного воспитательно-образовательного процесса через сеть яслей, детских садов, школ, училищ и вузов. В условиях государственного планирования и материалистической светской идеологии довольно быстро возникли новые брачно-семейные отношения.

В России в XXI в. институт брака и семьи снова испытывает существенную трансформацию, вызванную становлением капиталистических взаимоотношений. Изменившаяся социально-экономическая ситуация усиливает нестабильность брачносемейных отношений, выражающуюся в увеличении разводов, неполных и проблемных семей, детской неустроенности и т. п. Детерминируется экономическое измерение матримониальной сферы вплоть до условного «брака капиталов», но капитал ограничивает свободу выбора брачного партнера, диктует интимную жизнь посредством скрупулезных «брачных контрактов». Эта тенденция из стран западной Европы и США постепенно проникает и в Россию.

Состояние российского общественного сознания характеризуется значительным плюрализмом и синкретизмом взглядов – экономических, правовых, политических, религиозных и философских. В русской мысли пересекаются рационалистические, мистические, религиозные и атеистические направления. Религиозная жизнь людей все более отходит от формализма мировых религий. Устойчивость в России христианства, мусульманства и буддизма, их недавнее паритетное сосуществование становятся подвижными и в территориальной, и в адептной сферах. Православие, пережив в конце XX в. период успеха, оказалось в ситуации жесткой конкуренции с другими религиями, альтернативными христианскими конфессиями и сектами. Противоборство направлений и борьба за господство идет и в мусульманстве. Развиваются школы в буддизме. И, одновременно, возрождаются традиционные народные верования, шаманизм. Нарастает синкретизм религиозного общественного мировоззрения. Будущее человечества при тенденции роста уважения к правам личности и собственного выбора своих духовных ориентиров, не дает ни одной религии шанса на монополию.

В России совокупная религиозность общества относительно возросла и в новых конституционных условиях христианские, мусульманские и буддийские верующие могут добровольно выполнять требования своих религий к организации брака и семьи. Но

многочисленные проблемы современной семьи в целом не охватываются полем религиозных идеалов, это не только все внеконфессиональные, атеистические, многонациональные, но и гражданские, повторные браки, рожденные в них дети, неполные семьи одиноких матерей и др. Жизненные реалии ставят под сомнение попытки возложить на религиозную сферу все функции морального контроля людей и регуляции брачно-семейных отношений.

Мир XXI в. переживает интенсивные процессы секуляризации всех сфер жизни. Это вызвано тенденциями индустриализации и информатизации человеческой цивилизации, развития личности во всем богатстве светской культуры и науки, вошедшими в противоречие с жесткими религиозными догматическими схемами. Толерантность и плюрализм становятся спецификой современной формы секулярного общества. Это предполагает выстраивание государственной политики и практики нравственного воспитания и сплочения социума, в том числе поддержания института брака и семьи, в должном светском моральном статусе. В свете этой задачи выделяется роль и значение этической философской проблематики в теории и традиционных народных требований в практике. Этика противопоставляет частной, догматичной религиозной морали теоретические концепции, рассматривающие в функциональной и системной комплексности человека и общество, их гармоничное единение и развитие. Светская культура ценна и значима вне зависимости от религиозных или, напротив, утилитарных сфер жизни людей. Присущие жизни идеалы человеческой любви, верности, дружбы, взаимопомощи осмысляются в светской культуре – философии, литературе и искусствах. Оптимизация этикой жизненных реалий определяет ее практическую значимость и целесообразность. Этические детерминанты в полной мере отражаются на комплексе брачно-семейных отношений, включая демографические, педагогические и психологические аспекты. Религиозные и социальные идеи трансформируются в обыденной мирской среде, в общественном сознании не фиксируются чрезмерно радикальные, утилитарно-прагматические или абстрактно-религиозные идеи. Так, не прижились экстравагантные революционные требования коммун, «социализации женщин», отмены брака либо представления о его «греховности» и т. п.

Глобальные вопросы современности также отразились на осмыслении места брака и семьи в социуме. Экологическое измерение проблем, стоящих перед человечеством, послужило основой для формирования в западной социологической мысли социально-экологического подхода к оптимизации взаимодействия семьи и ее членов с различными уровнями окружающей биосоциальной среды. Этот подход нашел поддержку и в российской фамилистике, актуализированы и экологические аспекты воспитания в педагогике. Социально-экологический подход рассматривает последовательное вписывание друг в друга личности; круга семьи;

родственно-дружеских связей; социальных учреждений; этнокультурной, религиозной, политической и экономической подсистем и, наконец, всей человеческой цивилизации. Этим социально-экологическая модель вступает в аксиологическую параллель с традиционным народным, в том числе и славяно-русским, восприятием комплекса человек – семья – общество – мир. Традиционные культуры имеют взаимосвязь сакральных доминант с обоснованием на биологических природных циклах в биосферной детерминации.

Брак и семья утратили свой традиционный сакральный статус в современной России и испытывают значительную дестабилизацию, но кризисные ситуации вызывают заметную трансляцию архетипических ценностей и идеалов в российское общественное сознание. Соответственно, и брачно-семейные отношения приобретают тенденции к восстановлению традиционных форм в психологической структуре семьи, распределении ролей, экономической и социальной взаимосвязи с внешним окружением, несмотря на сопутствующий рост противоречивых и конфликтных социально-экономических ситуаций и сложных психологических проблем, что показывают социологические опросы, начиная с 90-х годов XX в. Актуализация традиционных брачных и семейных идеалов в современной России в целом неуклонно повышается.

Институт брака и семьи претерпевает в настоящее время напряженный поиск новых форм, адекватных современному состоянию общества. Анализ взаимодействия популярных западных образцов брачно-семейных отношений и формирующихся российских идеалов брака, типов психологической структуры семьи, с учетом эволюционного пути русского и других народов, позволяет видеть решение многих проблем современного брака и семьи в оптимизации традиций и новаций. Традиционные принципы ориентированы на союз природы, общества и человека, именно этим они, несмотря на свою архаичность и пребывание в прошлом, близки и могут учитываться в современной светской этике. Придать институту брака и семьи должный статус можно повышением всей культуры общения людей, признанием обществом ценности брачного и семейного состояния граждан с соответствующей юридической и экономической гарантией его высокого достоинства.

В России XXI в. базисом для формирования официальной фамилистической позиции должна стать корреляция этических идеалов с традиционным культурным поведением и толерантность религиозных подходов.

Наговицын А.Е

Использование принципов родо-семейных отношений для воздействия на личность в различных религиозных сектах

Рассмотрев способы и методы управляющего воздействия в ритуалах различных сектантских направлений, можно констатировать в них ряд воздействующих моментов.

Основным таким моментом является создание иллюзии родо-семейных отношений кланового типа для формирования чувства социальной защищенности у членов секты. Достигается это следующими способами:

Использование специальных обращений между членами секты, типа «брат», «сестра», «отец» и т. д. Подобный тип обращений подсознательно воздействует на человека и подменяет собой настоящие семейные отношения, перенося на посторонних людей выработанные тысячелетиями принципы семейно-родового единства.

Использование приема повышенной благожелательности к неофитам и рядовым членам секты на начальном этапе вхождения в секту. Данный прием требуется для создания контраста эмоциональной атмосферы внутри секты и во внешней реальной жизни. Он формирует у неофита желание чаще или постоянно пребывать внутри секты. Данный прием особенно хорошо влияет на людей с пониженной социальной активностью, не способных активно противостоять трудностям, возникающим в социальной жизни. Он также дает хорошие результаты при воздействии на одиноких и разочарованных в жизни людей, которым секта представляется на начальном этапе их вхождения в ее структуру идеальным типом социальных отношений, своего рода «большой семьей единомышленников». Подобный прием восходит ко временам родовых отношений, когда понятие людей относилось только к членам рода и родственным родам, а остальной мир воспринимался как чужеродная и враждебная среда.

Прием снятия ответственности за принятие решения. Во всех сектах принята строгая система иерархических отношений, при этом принятие решения полностью снимается с младшей «кастовой группы». Они должны следовать указаниям своих наставников и безусловно выполнять «боговдохновенные» откровения и наставления своего высшего Учителя (гуру). При этом им дается понять, что чем лучше и точнее ими будет выполнены требования старших, тем скорее и они сами смогут продвинуться по иерархической лестнице секты. При этом в случаях с сектами материальный стимул, а иначе разрешение пользоваться теми или иными благами мира, имеет для неофитов второстепенное значение, так как в ряде сект их заставляют «добровольно» передать все свое имущество или его часть на нужды секты. Добровольный отказ от имущества создает у неофитов психологическое состояние «псевдомонашеского отказа от земных благ». Основным стимулом для продвижения в системе иерархии является стремление стать ближе к Учителю и его откровениям. При этом

подразумевается и появление откровений у самого члена секты. Прием снятия ответственности за принятие решений уменьшает тревожность неофита. Он освобождает его от любых самостоятельных социальных действий и заботы о своем будущем и будущем своей семьи и близких. Все это также способствует созданию иллюзии защищенности и уверенности в будущем. Подобный способ снятия личной ответственности и строгих иерархических отношений также восходит к родо-семейным отношениям, построенным на жесткой иерархии. Однако, в таких отношениях присутствовала строгая личная ответственность за социальную деятельность того или иного члена рода, при этом не подавлялась его свобода воли. В религиозных сектах, напротив, стремятся подавить волю сектанта, подменяя свободу воли и желание принять то или иное социальное решение необходимостью выполнять волю Учителя, как бы переданную ему свыше.

Метод создания иллюзии своей исключительности. Подобный метод с одной стороны отгораживает членов секты от остального социума, «который не может спастись» не получив откровений Учителя, а с другой стороны заставляет членов секты активно привлекать новых неофитов, так как в сектах часто происходит игра в «человеколюбие». Данный метод основывается на использовании повышенной самооценки, выступающей как компенсаторный механизм у социально не состоявшихся людей, в первую очередь молодежи. Данный метод также восходит к традиционным родовым отношениям, так как каждый род верил в свою исключительность, что способствовало его сплочению и увеличению шансов выживания в сложных природных и социальных условиях.

В ряде сект базирующихся на различных мировых религиях (христианство, мусульманство, буддизм и т. д.) используются священные писания данных учений. При этом из контекста выдергиваются отдельные цитаты, которые вставляются в авторский текст Учителя и при этом кардинально меняют свой смысл. Например, известное изречение Иисуса Христа о том, что следует подставить левую щеку, если ударили по правой, сказанное в контексте того, что следует игнорировать религиозные нападки фарисеев и саддукеев, а также властей, может трактоваться как полное непротивление злу насилием (толстовцы) или как полный уход от социальной жизни. Или кришнаитами используется Бхагават Гита, как единственный источник мудрости, тогда, как она является только незначительным отрывком великого индийского эпоса Махабхарата и вырванная из контекста основного смыслового поля полностью меняет смысл. Дело в том, что данный отрывок связан с войной царских родов кауравов и пандавов, которая в целом отражает конфликт перехода от родоплеменного строя к ранее государственному с отказом от семейных и родовых связей, а без контекста напутствие Кришны перед битвой может использоваться как руководство к борьбе с любым указанным Учителем противником.

Подобный метод восходит к родо-семейным отношениям, при развитии которых формировались различные семейные и родовые предания с обожествлением предков и возникновением ранних религиозных представлений составляющих священную традицию и историю рода.

Перейдем к рассмотрению ритуальных методов воздействия на членов секты. Одним из самых распространенных методов в сектах закрытого типа или тайных сектах является *использование тех или иных наркотических средств при совместном богослужении*. Такой способ хорошо известен в различных шаманских практиках и широко использовался и используется по всему миру. Как правило, используются слабые наркотики или галлюциногены передаваемые членам секты в виде напитков, а чаще воскурений. Целью подобного действия является создание у членов секты массовых видений подготовленных внедрением в их сознание определенных психологических установок, переходящих в навязчивые идеи.

Метод запугивания. В процессе ритуалов, лекций и собеседований происходит навязывание идеи близкого Армагеддона или конца света, когда все кроме членов секты погибнут не только в физическом, но и духовном смысле. Данный метод усиливает психологическую зависимость человека от секты и страх перед возвращением во внешний

мир. В ряде случаев умеренные секты (Новый Акрополь) апеллируют к личной неуспешности и незащищенности во внешнем мире.

Использование хорошо известного в ритуальной практике метода однотипных ритмических движений. Повторяющиеся продолжительное время однотипные ритмические действия способствуют кодированию в образе мира члена секты определенных понятий как наиболее значимых. Например, повторение кришнаитами одной и той же фразы при однообразных движениях.

Использование специальной музыки во время ритуальных действий. Подобный тип музыкальных произведений принято называть медитативной музыкой. Ее характеристиками, как правило, является многократно повторяющийся музыкальный рисунок. Само исполнение музыки монотонно и «усыпляющее». Хорошо известно, что в состоянии перехода от сна к бодрствованию и наоборот, сознание человека наиболее восприимчиво к внешним формирующим воздействиям. Выбор для религиозных ритуалов сектантов подобной медитативной «усыпляющей» музыки с однотипным музыкальным рисунком на который ложатся постоянно произносимые фразы, является достаточно действенным способом внедрения в сознание членов секты определенных идей и постулатов.

Прием – «Внемирность» Учителя. В целом ряде религиозных сект, особенно восточного направления, например, Аум Синрике – Асахара, Белое Братство и т. д. принято обожествление Учителя. Он является как бы двойником Иисуса Христа или Магомета. Само поведение такого Учителя (Саи Баба) на людях имеет оттенок некоторой священной отстраненности. Иными словами, моделируется культ священного царя как проводника божественной энергии на землю в раннеклассовом обществе. Авторитет такого типа Учителя (Саи Баба, отец Виссарион, Асахара и т. д.) не подлежит сомнению, а действия – обсуждению. Подобный прием используется для целей возникновения у сектантов чувства избранности и защищенности, а также снятия с себя социальной ответственности.

Ритмо-фонетическое воздействие состоит в том, что в целом ряде сект подбираются для заучивания и постоянного повторения фразы имеющие кроме смыслового еще и ритмо-фонетическое содержание. Например, часто используемое в сектах восточного направления слово АУМ мотивирует бессознательное подчинение родовым или псевдо родовым структурам – сектам. Или повторяемое кришнаитами изречение: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна, Кришна, Кришна Харе Харе. Харе Рама, Харе Рама. Рама, Рама, Харе Хааре». Содержит во всех 16 словах фонетический знак «Р», который при частом повторении вызывает «стадную немотивированную агрессию» в силу того, что он и в природной среде используется как знак угрозы – «рычание». Кроме того, фонетический знак «К», повторяющийся в 16 словах четыре раза, мотивирует установку на направление против чего бы то ни было. Фонетический знак «Х» повторяемый 8 раз подсознательно мотивирует на устойчивые и неизменные взгляды и убеждения с оттенком священности данных взглядов, что в свою очередь в сочетании с музыкальным воздействием усиливает привязанность и зависимость членов секты от ее руководителей.

Также важнейшим фактором закрепления людей в секте является *прием совместной религиозной и социальной деятельности*, где каждый член секты чувствует свою деятельность частью чего-то большого и поэтому важного и значимого.

В целом психологическое воздействие в сектах проходит через моделирование традиционных родоплеменных и родо-семейных отношений в псевдосемье – секте с использованием той или иной религиозной составляющей. Религиозный аспект, по большому счету, может быть любым, но как правило, он базируется на своей трактовке уже имеющихся и зарекомендовавших себя священных писаниях или их синтезе.

Подобное моделирование создает на начальном этапе пребывания в секте иллюзию социальной защищенности и избранности, снимает ответственность в принятии личных решений. Как правило, все вышеперечисленные методы приводят к «обобществлению» личного имущества и сбережений. Такое обобществление является прямым отъемом собственности граждан через применение к ним методов психологического воздействия.

Более того, сам принцип обобществления имеет в родо-семейных отношениях многочисленные аналоги. Например, до реформ Столыпина в Российской деревне сохранялись общинные – общественные угодья: пастбища, лес рыболовные угодья и т. д. Другой исторической базой отъема – обобществления средств являлись советские коммуны и колхозы, где роль предводителя родовой псевдородовой общины брало на себя государство.

Шабельников В.К

Россия: стабильность, изменчивость и перспектива развития

Психология личности и социальные реформы в России – это проблемы, имеющие общие корни. Распад СССР и дальнейшие центробежные процессы поставили вопрос о природе государства как целостного субъекта этих процессов. Вопрос состоит в том: кому вообще нужна эта огромная страна, создававшаяся трудами наших предков, их кровью и энергией? Чем порождается энергия структурирования России как целостного субъекта мировых процессов?

Распад России как великого государства, происходящий на наших глазах, вряд ли проходил бы без основательных причин. И остановить распад тоже вряд ли возможно, не поняв этих причин и не найдя достойных оснований для сохранения России как преемницы своей истории. Но как будто бы мало других проблем у мыслящих граждан России? Рассуждают с экранов и волнуются умы по многим поводам, кроме такой мелочи как исчезновение с мировой карты единого дома на одну шестую часть планеты. Вполне добродушно был воспринят распад великой страны по итогам реформаторства 1991 и 1993 гг., и достаточно спокойно взирает народ нынешней усеченной России на дальнейшую перспективу кавказских и прочих центробежных событий.

Что ни говори, но подобное отношение к своей стране есть вещь уникальная и уже тем самым достойная внимания не только российских психологов. Столь благодушное отношение к развалу своих стран вряд ли способны продемонстрировать миру англичане, немцы, японцы или американцы. Европа с интересом взирает на феномен саморазрушения великой России. А мы можем поражать воображение иностранных наблюдателей загадками само-агрессии, на фоне всеобщей войны стран за раздел территорий.

Представление Л.С. Выготского² о социальной детерминации развития личности предполагает обнаружение сходных черт в строении и личности, и детерминирующего ее социального поля. Ведь личность интериоризирует определенную логику действий из логики социальной «интерпсихической» деятельности. Мы можем ожидать, что и в функционировании личности отдельного россиянина, и в функционировании России как целостного социума существуют сходные проблемы организации их субъектности.

Более столетия мы привыкали к идее, что основы социального субъекта лежат в экономике. Экономика была провозглашена базисом культуры и психологии. Умение «раскручивать» финансы является сегодня достаточным основанием для принятия на себя роли руководителей криминальной, воюющей и раскалывающейся страны. «Психология – надстройка над экономикой». Но является ли экономика вполне самосоздающейся и саморазрушающейся системой, или она является компонентом более общих и глубинных процессов развития?

То, что социальная деятельность наиболее наглядно и зримо проявлялась в экономических процессах, стало основанием мифа, представившего экономику базисом и субъектом организации всех деятельностных процессов (культурных, психических, политических). Миф этот охватил в XIX–XX вв. умы многих мыслителей Запада и России. Он не был только марксистским. К. Маркс, как и другие философы Европы, был увлечен размахом и энергией экономической системы Запада. Он увидел в экономике ее

² Выготский Л.С. Собрание сочинений. – М., 1982–1984.

самодвижущуюся силу и придал ей логический смысл заместителя Бога, источника развития общества. Космос, представлявшийся восточными и древнегреческими мыслителями как единый Субъект, был урезан философами-экономистами до размеров рыночной системы. Подобно Богу, рынку были приданы способности самоорганизовываться и продуцировать из себя духовно-психическую реальность.

Понимание производства, рынка, экономики как саморазвивающейся и детерминирующей нас системы выражает скрытое противоречие в образе субъекта деятельности. С одной стороны, такое понимание позволяет рассматривать людей детерминированными, видеть в экономической системе нечто грандиозное, включающее человека в качестве движимой песчинки. Наглядно мы видим великие исторические силы, направляющие жизнь миллионов. С другой стороны, такое представление позволяет реализовать претензии самого человека на роль субъекта истории. Ведь экономическая система не так уж недоступна как Бог, которого и не ощутишь, и не представишь. Да и не для всех она Бог. Для кого-то экономика видится в функции Бога, а для иных она вещь вполне управляемая, реформируемая и подчиненная воле. Тут уж и сам чувствуешь себя богом: разрушай до основания, строй новую систему и управляй хоть Россией, хоть всем миром через экономические законы, указы, финансы и распоряжения. И В.И. Ленину, и нынешним мировым магнатам такой «бог» приятен своей послушностью.

Реформирование России на основе философии «экономического базиса» реализует определенную частную позицию, за которой стоят мотивы покорения мира, мотивы овладения всем вокруг. Мотивы эти не являются общечеловеческими. Более всего они развиты в традициях западных иудео-христианских религий. В этих религиях проводится сопоставление человека с Богом как творцом Вселенной. Стремление к богоподобности, хотя и несет с собой ориентацию на идеалы прекрасного, вместе с тем выражает боль противостояния человека природе. Стремление к богоподобности, выразившее себя в образе человекоподобия Бога, реализует протест людей против необходимости подчиняться отчуждающимся от них условиям жизни. Противостояние человека природе реализуется в мотивах творчества, революционном переделе общества и природы, в стремлении к безмерному богатству и максимальному овладению миром.

Можно бы не останавливаться на странности идей, заменивших детерминирующее пространство космоса и гео-биосферы узким кругом экономических процессов. Однако миф «экономического базиса», лежавший в основании реформ России в первой половине столетия, не менее жестко проявляет себя и в конце нашего века. Сегодняшние усилия реформировать страну также сосредоточены на экономической стороне проблемы. Полагается, что рынок может стать базисом рождения нового духовного пространства и нового человека. В основу реформирования российской духовности ложится философия обогащения как ведущего смысла жизни.

Мы можем видеть, как амбиция человека на роль субъекта наталкивается на слабость и ограниченность возможностей человека. И тогда, вместо бесконечного усиления своих духовных и физических возможностей, что уравнивало бы личность с образом подлинного Субъекта мира, человек начинает усекать безмерный мир до уровня своих слабых возможностей. В подчеркнутой Э. Фроммом альтернативе «Иметь или быть?»³, отражающей опасную деградацию мотивов западного общества, российские реформаторы выбирают примитивные цели существования, отразившие девальвацию субъектности человека – «жить, чтобы иметь». Лозунг – далекий от высших идеалов российской духовности.

Противостояние двух образов субъектности – подчинение силе космического субъекта, управляющего нами, или же признание за человеческим индивидом функций субъекта деятельности – предполагает различную организацию мотивов и разную стратегию поведения. Ценности демократии как участия народа в управлении государством могут возникнуть лишь в том случае, если люди принимают на себя функции субъектов

3 Фромм Э. Иметь или быть? – М., 1986.

управления деятельностью.

Противостояние образов субъектности «человек или космос» имеет выраженную географическую детерминированность. Личность как субъект активного преобразования мира – явление западной ориентации. Покорное признание космической детерминированности судьбы – традиционная позиция Востока. Россия, находящаяся в зоне взаимодействия Запада и Востока, переживает всю сложность единства этих противоположных тенденций.

Нужно вспомнить, что материальная природа едина и ее субъектные способности лишь проявляются на разных уровнях организации – от космоса в целом, до общества как субъекта и отдельного человека, получающего свои субъектные свойства от той же природы. Психика человека есть один из уровней организации природы, компонент самоорганизующейся и самодвижущейся природы. Социум, как детерминирующий человека субъект, также является органической частью природы, а не привнесенным в нее образованием, как это видится в традициях западной культуры. Противоречие между субъектностью природы и субъектностью личности – это внутреннее противоречие в организации единого космического Субъекта, частью которого мы являемся, а вовсе не противостояние изначально раздельных субъектов: «человек-природа», «человек-общество» или «человек-Бог». Поэтому механизмы формирования тех или иных субъектных качеств личности у представителей разных народов стоит поискать в особенностях организации природы, детерминирующей становление человека. Противопоставляет ли себя человек природе как самостоятельный субъект деятельности или же он признает право субъектности за природой – это, конечно, внутренняя личностная позиция. Но психология эта зависит не от капризов человеческой амбициозности, а от состояния Субъекта в целом. Человек вторичен, а природа первична. Именно в особенностях детерминирующей нас природы, заложены причины формирования у людей стремления к принятию на самих себя субъектных функций.

Ни общинная Русь, ни племенная Европа, ни Африка, ни Азия или доколумбова Америка не знали всенародных демократических устремлений. Власть и богатство не были объектом мечтаний, а были ответственной миссией единиц, сложной судьбой рожденных для этого. Человек же обычный, массовый был занят проблемами своего клана и решал их в соответствии со своей ролью и миссией в родовой структуре. Он не только не стремился к государственному управлению, но был бы просто шокирован такой неожиданной задачей, если бы ему ее предложили. Ощущая себя органической частью родовой системы, человек выполнял заданные ему функции, направлял агрессию не на разрушение или преобразование общества, а на расширение зоны жизнедеятельности рода. До идеалов «свободы личности» было еще далеко. Не было смысла «свободы», поскольку еще не сформировалось и само чувство несвободы человека от общества.

Для большинства жителей планеты такое положение дел естественно и сегодня. Миллиарды людей живут в отрыве не только от декларируемых демократических ценностей, но и вообще от текстовой культуры, формирующей эти ценности. Ф. Ницше⁴ и А. Адлер⁵, определявшие стремление к власти в качестве одного из базовых мотивов жизни, на самом деле выразили лишь взгляды позднехристианской Европы и представления о человеке уже разрушенного родового общества.

Для большей части населения России внешне пассивное отношение к власти и государству было характерно всегда. Российская ментальность и государственность соотносятся между собой довольно своеобразно. Так же своеобразно соотносятся между собой российская психология и идеалы богоподобия, мотивы власти над миром и демократии. Ведь демократия – это «власть народа» (если он к ней стремится). Для понимания природы взаимоотношения российского сознания и власти, для понимания

4 Ницше Ф. Воля к власти // Избр. произв. – Т. 1. – М., 1994.

5 Адлер А. Наука жить. – СПб., 1997.

восприятия русскими демократии и отсутствия у многих россиян стремления к обогащению как идеалу жизни – мы должны разделить два различных типа организации общества. В прежних работах эти два типа организации общества были определены нами как «жесткая» и «жидкая» социальные структуры⁶.

«Жесткая» структура характерна не только для социальных систем Азии и Африки, но и для всех начальных форм организации общества. Речь идет о целостных этно-родовых образованиях, изначально включающих в себя индивидов, задающих каждому место и функции в связи с его рождением и семейным положением. В таком обществе человек всегда участник общей деятельности и совместных действий, он не планирует своего будущего отдельно от жизни своего клана. В основе организации этно-родовых систем лежит деятельность, адаптированная к определенным природным условиям. Общество складывается как органическая часть общего биосферного процесса, живет мифами, организующими деятельность в соответствии с условиями лесов, степей, гор, морей. Условия природы властвовали над обществом, отражаясь в образах частных природных богов. Ни богатство, ни власть еще не были реальностью, оторванной от природы. Миром управляли силы космоса и биосферы, которые были мало похожи как на людей, так и на создаваемое людьми производство. Зависимость от природы мало способствовала вере во власть личности над природой и обществом. Стремление к власти как ценности жизни не характерно для «жестких» социальных систем. В религиях еще не было образа Бога-творца, который, с одной стороны, похож на человека, а с другой стороны, господствует над всем миром.

«Жидкие» же социальные системы формировались в Европе в течение двух тысяч лет, в ходе разрушения этно-родовых систем. В обществе с «жидкой» структурой индивиды сами планируют и строят свою деятельность, их жизненные траектории подобны свободному движению молекул жидкости. Именно в ходе «таяния» социальных систем формируются идеалы свободы и демократии, стремление личности к независимости от общества и к власти над ним.

Демократическая идеология выражает собой достаточно высокий уровень развития субъектности людей – массовые претензии на участие в управлении социумом. Формирование субъектности личности как стремления индивидов к организации деятельности было следствием глобальных изменений в организации целостного Субъекта природы. От первоначальной растворенности своей деятельности в едином гео-биосферном процессе человек переходил к психологической организации деятельности. Он постепенно забирал у природы функцию организации и локализовал субъектность в своей личности.

И события истории, и особенности формировавшейся психологии народов детерминировались изменением гео-биосферной ситуации. Разрушение традиционных биоценозов в Европе привело к распаду «жестких» этно-родовых систем, к миграциям и войнам, в ходе которых люди теряли плотную включенность в исходные родовые группы. «Таяние» социальных систем началось в приморских регионах Европы, привлекавших мигрантов и захватчиков. Особенно активно смешивание народов происходило в Средиземноморье. Истощение природного базиса деятельности разрушало прежние родовые системы и провоцировало миграцию. Люди уходили из своих общин, бродили в поисках лучшей жизни. Смешение народов и культур привело к противостоянию разных типов жизни, к напряжениям во взаимодействии личности и общества, развитию чувства несвободы, стремления к свободе и самоутверждению личности. Люди стали ощущать более тесную связь с невидимым Богом, чем со своим родом. Власть перестала быть достоянием заранее определенных природных и социальных образований, стала достигаться с участием

⁶ Шабельников В.К. Биосферная детерминация в развитии психологии народов // Национальные процессы в Казахстане. – Алма-Ата, 1992; Шабельников В.К. Психологические следствия полиэтнического и моноэтнического развития. Европа и Азия // Национальное и интернациональное в воспитании: сб. – Алма-Ата, 1994.

воли людей.

Формирование образа человекоподобного Бога было определено логикой реорганизации природного Субъекта и психологической функцией этого образа. Согласно концепции П.Я. Гальперина ⁷, образы возникают при рассогласовании деятельности индивидуального субъекта с изменяющимися внешними ситуациями, к которым приспосабливается схема деятельности. Структура деятельности всегда формируется в соответствии с логикой детерминирующей ее ситуации. Но если внешняя ситуация меняется, то и структуру деятельности нужно перестраивать. Опробование новых форм действий производят с опорой не на опасную реальную ситуацию, а на замещающий ее психический образ. Образ объекта формируется вследствие рассогласований этого объекта с деятельностью.

Формирование образа Бога как единого космического Субъекта было предопределено рассогласованием прежних социальных схем деятельности с биосферными ситуациями, выражавшими логику геокосмического Субъекта. На разных уровнях эта логика отражалась и в природных ситуациях, и в деятельности людей. Гео-биосферные ситуации в регионах Европы изменялись экстремально, и адаптация к ним схем человеческой деятельности потребовала создания психического образа единого космического Субъекта, проявляющего свою власть над человеком.

Особое значение для адекватной реорганизации деятельности имеет человекоподобность Бога. Ведь образ Субъекта, формировавшийся при рассогласовании схем деятельности с геосферными ситуациями, мог бы не иметь человекоподобных черт. Но функция образа Бога как субъекта вселенной была не только в том, чтобы отразить субъектность космоса, но и в том, чтобы передать часть управляющих функций этого целого нелокального Субъекта людям – отдельным локальным индивидам, вынужденно принимающим на себя работу по организации своей деятельности. Для активизации человеческой субъектности важны были черты человекоподобности Субъекта. Если космический организатор похож на человека, следовательно, человек тоже может стать организатором и своей деятельности, и окружающих его ситуаций. Человекоподобность Бога провоцировала принятие человеком субъектных функций от детерминировавших его деятельность ситуаций.

Образ человекоподобного Творца и абсолютного властителя мира стал распространяться в религиях народов, терявших свои биосферные ниши, разрушивших природные условия хозяйства или же изгнанных со своих земель. От иудаизма образ независимого от природы Бога перешел к христианам и мусульманам, к народам, терявшим плотную связь с природой. В сознании людей распространялся миф о реальной зависимости человека не от природных сил земли, а от внеземных бого-духовных сущностей. Миф этот позволял людям не только сохранять уверенность в себе при потере привычных биосферных условий, но и компенсировать чувство собственной незащищенности представлением о своем превосходстве над природой.

Нестабильность жизни и потеря защищенности в условиях распада родовых систем породили потребность защититься, обеспечив себе особую силу над миром, иметь устойчивое социальное положение и власть. Именно потеря стабильности прежних социальных и природных ситуаций породила стремление людей к богатству и власти, реально превышающим необходимость адаптации к стабильной природе.

Иная логика субъектности развивалась в Азии. Сохранение общинных традиций и «жестких» социальных структур обеспечивалось здесь особой гео-биосферной обстановкой. Сухие и жесткие степи Центральной Азии, жаркие и влажные леса Индии, морозы Сибири, суровый Памир и Тибет не привлекали массы мигрантов, не манили к себе легкой жизнью. Выживание здесь требовало терпения и сохранения традиций. Так, например, новые земли, осваиваемые под рисоводство, часто начинали давать урожаи лишь для следующих

⁷ Гальперин П.Я. Введение в психологию. – М., 1976.

поколений. Природа Азии не способствовала формированию индивидуализма и авантюризма.

Специфика России состоит в том, что она не принадлежит ни к странам с «жесткой» структурой, ни к странам Запада, пережившим кризис разрушения этно-родовых систем. Россия, по своему гео-биосферному состоянию, не была страной, благоприятной для заселения и массовых миграций. Непростые условия морозных лесов требовали общинной жизни крестьян, с сохранением родовых традиций и обычаев. Суровая природа сохраняла свои субъектные права в организации жизнедеятельности людей. Община и сама функционировала как целостный субъект, подчиняющий деятельность ритмам и законам природы. Индивидуализм и противостояние личности коллективу несли в себе угрозу разрушения этого субъекта и подавлялись общиной как нравственное преступление.

Но непосредственное соседство России с Европой, наполненной войнами, миграциями и преобразованиями, делало ее страной, открытой для проникновения на ее территорию волн «жидких» структур. Для пассионариев 8 Европы Россия была открытым полигоном реализации их активности. Исторически в России сложилась двуслойная система общества. Был базовый устойчивый слой крестьянства, сохраняющего общинность и родовые традиции. И были приживавшиеся в России мигранты-пассионарии – носители наиболее радикальных идей и схем жизни, заимствованных из западного опыта. Не всегда это были завоеватели, а чаще добровольно приглашенные распространители европейских знаний и умений, исполнители функций, непривычных для самих россиян.

Такую роль выполняли в России приглашенные князья, вместе с их дружинами. Общины приглашали и нанимали власть. Таково было приглашение новгородцами Рюрика и затем, по сути, добровольное подчинение населения, как его потомкам, так и конкурирующим князьям, согласным принять на себя защиту населения и функции управления общиной. При утверждении нового князя дело, конечно, не обходилось без крови и погромов. Но речь шла, скорее, не о военном подчинении народа, а о кровавых конфликтах между претендентами на трон – часто между братьями. Вещий Олег убил бывших своих и рюриковых соратников Аскольда и Дира, захвативших власть в Киеве, и занял их пост. Владимир Красное Солнышко убил своих старших братьев, занял княжеский трон и заменил религию Руси, принародно свергая статуи богов и убивая общинных жрецов. Население достаточно отстраненно взирало на эти конфликты и принимало новых князей после убийства старых. Князья принимались на власть, но порой и изгонялись с трона, если они не соответствовали своей роли или если находился более решительный претендент на власть.

Спокойное и терпеливое отношение, как русских, так и других малых этносов России к государственным переворотам является глубинной чертой российского менталитета. Власть государства не прорастала из глубин народа, а надстраивалась над народом, импортировалась извне вместе с опытом борьбы за эту власть и опытом государственного управления. Народ принимал структуры власти, занимая по отношению к ним позицию скрытого противостояния.

Достаточно стабильный «жидкий» слой общества сложился в России после Петра I, открывшего широкий путь пассионариям в российское дворянство. До этого роль верхнего слоя принимали на себя то наемные княжеские дружины, то христианские иерархи и проповедники, распространявшие по Руси импортную идеологию. Почти триста лет такую организующую и властную роль, но конкурентную европейскому влиянию, держала на себе Орда, с ее войском. Победа Ивана IV над Казанью освободила претензии на организацию пассионарного слоя и вскоре привела к пришествию поляков, долгой войне за трон, к серии убийств всех претендентов на царство, начиная с юного Дмитрия Ивановича, и кончая казнью трехлетнего Ивана – сына Лжедмитрия.

Пушкинская ремарка в «Борисе Годунове» – «народ безмолвствует» – выражает основную черту реагирования народа на потрясения в сфере государственной власти. Гибель

семьи Николая II является одной из популярнейших тем постсоветского периода. Но таким, же убийством предшествующих коронованных особ было отмечено и само воцарение романовского дома на переходе от XVI к XVII в. Затем кризисы власти следовали на каждом переходе столетий. Переход к XVIII в. был ознаменован отстранением Софьи, казнью стрельцов, глубочайшей реформой всей системы государства. Петр I повернул Россию к Западу, сделав то, что за сто лет до него не удалось сделать Лжедмитриям. На переходе от XVIII к XIX в. еще один поворот к Европе был предпринят Павлом. Готовилась новая реформа религии, соединявшая Россию с католичеством. И было очередное убийство царя, мало затронувшее чувства народа.

Двухуровневая организация российского общества с отчуждением народа от событий, происходящих во властных структурах, может привести к мысли, что на одной территории сосуществуют два общества со своими событиями и интересами. Тогда нам стала бы понятной та выжидательная пассивность, которую проявляют россияне в реформах власти конца XX столетия. Однако все же мы имеем дело не с двумя, а с одним субъектом. И строение этого социального субъекта вполне органично.

Заметим, что функциональная организация социального субъекта России логично соответствует психофизиологической организации индивидуального субъекта. Достаточно стабильный и не склонный к реформированию общинный базис подобен по своей функции базисной системе физиологических процессов организма. А подвижный «жидкий» слой общества функционирует как уровень когнитивной психической деятельности. Психика – управляющая и ориентировочная деятельность. Здесь формируются и проверяются новые схемы действия. На подвижном уровне субъекта происходит острая конкуренция между апробируемыми схемами и структурами деятельности. Но постоянное изменение и развитие этих действий на психическом уровне практически не меняет базисной физиологической цикличности организменных процессов, над которыми надстраиваются новые схемы деятельности. Базисный уровень и социального, и индивидуального субъекта инертен по своей внутренней организованности и сохраняет ее, несмотря на бурные события в психической сфере. Жизненность базисной структуры организма определена его исторической связью с природой, логика которой закреплена в подсознании и в системе внутренних связей народа. Осмысленные и опробованные на психическом уровне действия часто не получают своей физической реализации и изгоняются как неадекватные. Такова типичная судьба представителей «верхнего» слоя России, нередко вынужденных либо погибать, либо эмигрировать со своими программами и схемами деятельности.

Когнитивный характер пассионарного слоя России определяется не только его подвижностью и способностью апробировать новые схемы государственного бытия. Этот слой постоянно поддерживает себя через внешние контакты с другими культурами, через образование и познание новых современных схем жизни. Когнитивные процессы организма – это действия, организующие свою логику через взаимодействие с внешним миром. Известная «гипотеза уподобления» А.Н. Леонтьева раскрывает процесс познания как подстраивание логики психических действий к строению внешнего пространства вещей⁹. Образование и контакт с другими культурами является необходимым условием постоянного поиска новых форм жизни.

Также, целостность двухуровневого субъекта России определена принципом организации деятельности как биполярной системы. Деятельность – это процесс взаимодействия как минимум двух функциональных субъектов – исполнителя и потребителя. Между ними распределяются функции организаторов деятельности. Организатором мотивов деятельности является потребитель, задающий деятельности ее энергетику и направленность. Потребитель задает смысл деятельности, определяет своим существованием ее целевую основу. Исполнитель же организует процесс в направлении потребителя, получая от него смыслы и мотивацию деятельности. Совмещение функций

9 Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М., 1981.

потребителя и исполнителя деятельности в одном человеке – это особый уровень организации деятельности. В нормальных ситуациях эти функции распределены между людьми, что отражает естественную социальную природу деятельности.

В этно-родовой системе субъектом деятельности выступает община как целостный организм, детерминируемый природной средой. Организующую роль потребителей деятельности в родовой системе выполняют, прежде всего, женщины и дети как центр матриархальной семьи. Потеря стабильности родовых систем в Европе в большой мере была связана с разрушением в них стабильной функции женщины как центра клана, т. е. центра рождения рода, задающего направленность социальной жизни. В компенсацию этого роль потребителя активности частично приняла на себя церковь, организовавшая направленность деятельности на достижение внематериального счастья. Но наряду с идеальным загробным миром, роль центра притяжения активности приняли на себя новые земли и страны, как бы ждавшие рыцарей и завоевателей, обещавшие им реализацию смысла их жизни.

Одной из таких привлекательных стран стала для пассионариев Россия – страна, открытая для проникновения, реализации планов и замыслов. Россия не противопоставляла пришельцам своих концепций и схем управления, а наоборот, принимала их в роли князей, проповедников и реформаторов. Местное население без жесткого сопротивления подчинялось новым идеям, позволяло проводить на себе социальные эксперименты. Отношения России с Западом, а затем и отношения дворянского и крестьянского сословия несут в себе такой же элемент взаимной любви и противостояния, что и отношения женщины и мужчины¹⁰. Россия – это извечный объект покорения для западных пассионариев и источник соблазна реализовать себя.

Два слоя российского общества – дворянство и крестьянство – сформировали у себя два качественно различных типа психологии, две стратегии жизни и две разные системы ценностей. Одни реализовывали в России свои напряжения, планы и замыслы, видели в ней страдающую женщину и мать, зону приложения смысла жизни. Другие терпеливо позволяли производить над собой эксперименты и реформы, подчинялись насилию, гордились своим страданием. Дворяне и интеллигенты создавали мифический культ народа, не вполне понимали жизнь этого народа, но стремились его спасти и погибнуть за него. Вначале ради величия России создавалось и крепло самодержавие, затем ради той же «спасаемой» России и ее «несчастливого» народа фанатики кидали в царя бомбы. На смерть шли «за царя и отечество» и против царя, но ради отечества. Народ с недоверием и без особого восторга наблюдал этот фанатизм, живя своими интересами, обычно далекими от идеалов социального экспериментирования.

Можно сказать, что в ментальности россиян сформировались два качественно различных архетипа, находящихся в состоянии стабильного, но противоречивого взаимодействия. Один – архетип, сформировавшийся в позиции дворянского сословия. Это архетип, выдвигающий служение народу и отчизне на роль смыслового вектора деятельности. Народ выступает здесь не как конкретные материальные жители, а Отчизна не как конкретная система государства. Народ и Отчизна – это идеальные образы, наполненные особым смыслом. Функция этих образов – эмоционально-мотивирующая, т. е. организующая не столько технологию выполнения деятельности, сколько ее мотивацию и энергетику. Образы Отчизны и Народа, по их мотивирующей функции в жизнедеятельности, соответствуют образам Бога, Грааля или «земли обетованной» в психологии западного человека.

Функция русского образа народа связана с психологическими особенностями православия. В отличие от западных европейцев, выступавших распространителями идеи Христа и ощущавших с ним довольно панибратские отношения¹¹, русские люди приняли

¹⁰ Шабельников В.К. Взаимоотношения европейского и азиатского менталитетов как отражение глобального «таяния» социальных структур // Восток-Запад: диалог культур: сб. – Ч. 1. Доклады и выступления 2-го междунар. симпозиума. – Алма-Ата, 1996.

христианство как внешнюю силу, пришедшую через огонь и мечи дружин князя Владимира. В народе живет память о крещении Руси: «Путья крести мечом, а Добрыня – огнем». Бог и сегодня кажется русским более грозным и суровым, чем добрым и страдающим. Бога чаще принято бояться как грозного отца, а обращаться с просьбами – к Богоматери как посреднице, заступнице от его суровой воли.

Снижение страдательной (по сути, женской) функции образа Бога в российской религиозности компенсируется переносом психологической функции потребителя активности на образы «народа» и «Матери-отчизны». Если воинствующие пассионарии Европы несли как основу смысла образ распространяемого Христа, то пассионарии России несли в себе образ защищаемого и спасаемого ими народа. Народ, в слиянии с образом Матери-родины, занял место мотивационного центра, вдохновляющего личность на подвиги и жертвы. К народу как главному смыслу своего творчества обращались А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Н.А. Некрасов и другие выдающиеся деятели России. Народность стала в русской культуре критерием высшего качества творчества. Даже реальность своего бессмертия и поэты, и воины видели не в слиянии с неземными силами, а в памяти народа. Ради пользы народа, а не ради нахождения Грааля совершались путешествия и открывались земли. Идея спасения народа была мотивирующей силой и в действиях революционеров XIX–XX столетий.

Иной архетип, сформировавшийся в сознании и подсознании самого народа, связан с сохранением общинности. Жизнь крестьян была построена на мифах прежнего языческого мира, наполнявшего природу образами духов, леших, водяных и домовых. Природа имела над деревней те же властные функции, что и тысячи лет назад. Природа была реальной властью, с ее ливнями, засухами или морозами. От гнева или милости природы зависели урожаи, наводнения, голод и эпидемии. Христианскому Богу следовало молиться как главному над природой, но вовсе не как носителю смысла жизни. Помолившись, нужно было еще и поколдовать, попросить помощи у бабки-заклинательницы. Смыслы жизни продолжали создаваться реальной не разрушенной общиной. Община была посредником между природой и народом, делила с природой реальную власть над человеком. Община мотивирует радостями праздников, защищает и воспитывает. Это существенно отличает структуру мотивов россиян от организации личности западного протестанта, строящего систему смыслов на индивидуальном контакте с Богом как ближайшим другом и отцом.

Идеи сегодняшней перестройки созревали с ориентировкой на западный образец личности, индивидуалистической и стремящейся к реализации своей автономной субъектности. Американский тип общества, уничтоживший базисные структуры индейских общин, не содержит в себе образцов естественной коллективной субъектности. Распределение субъектных функций между различными общественными группами – это война национальных мафий и корпораций. Для личности предлагается образец полностью автономного субъекта, не детерминированного реальной ролью человека в структурном звене социального субъекта.

Личность общинного россиянина несет в себе те черты, которые он приобрел как носитель своей функции в строении социального субъекта. Прежде всего, это способность к страданию и состраданию. Это доброта и беззащитность, способные активизировать заботу и породить мотивы помощи народу и защиты его. В базисе социальной системы такие черты присущи детям и женщинам, как потребителям и мотиваторам общественной деятельности. «Простой человек» и в условиях рынка сохраняет в себе черты детскости, ожидая от государства патронажных функций и заботы о себе.

Страдание – это функционально необходимое качество русской души. Это боль нереализованной мощи и непонятой глубины. Страдание – мотив переживаний народа и при социализме, и в годы перестройки конца XX в. Страдание от несправедливой власти в России более предпочтительно, чем потеря права на это страдание. Страдание объединяет

нас. Страдание – это наше право на заботу и любовь. Любить и жалеть – это народные синонимы России. В христианской мифологии сходные черты присущи как страдающему Богу, так и святым, получившим ореол святости через перенесенные ими страдания. В России же это функциональные качества народа.

Община противостояла барину, чиновнику или комиссару своей реальной организацией. Община сохраняла базовые ценности семьи, рождения детей, святость традиции. Она не противостояла индивиду как чуждая реальность. Община противостояла власти, воспринимая ее столь же отчужденной и загадочной как власть природы, Велеса или Перуна. Власть чиновника была опасна, но не столь реальна как власть природы. Государственную власть легко было обманывать, поскольку она мало понимала логику лесной и деревенской жизни. Нужно было лишь демонстрировать к ней уважение, но от нее можно было укрыться в лесу, спрятаться в знакомой местности.

Одним из архетипов русского подсознания является ощущение враждебности власти, представление о противостоянии власти и народа: «Власть всегда обманывает нас, во главе государства стоят нечестные чиновники». Рассказать анекдот о глупости царя или генерального секретаря, посмеяться над властью – всенародная радость и удовольствие. Это и восстановление справедливости, и укрепление единства общины через противостояние противнику. Способом демонстрации общинности при социализме было подворовывание государственного имущества. Государство – это безликий барин, который присваивает наш труд. Надо украсть у него хоть малость и поделить с соседом. Участие в обворовывании производства – это не способ наживы, а подтверждение своей принадлежности к «нашим», к простому народу, а не к прислужникам власти. Это инициация вхождения в трудовую общину.

Отношение русских к власти на самом деле – не безразличное, а заинтересованное. Это особый интерес – интерес зрителя. Всегда сохраняется оппозиционность, а претендент на власть может рассчитывать на широкую поддержку, выступая «в защиту страдающего народа». На этих архетипах получили народную любовь С. Разин и Е. Пугачев, с опорой на эту нелюбовь пришли к власти В.И. Ленин и Б.Н. Ельцин. Политики завоевывают расположение народа, обрушивая жесткую критику на предшествующих властителей, выступая от имени страдающего народа против его угнетателей.

Архетипы верхнего слоя и народа имели разную организацию образа времени. Архетип крестьян не был основан на организующей его линейной перспективе судьбы. Перспектива событий во времени определялась природой и согласованными с нею ритуалами работ и праздников. Жизнь текла циклично: весна, лето, осень, зима. Сев, страда, урожай. Стабильность этого цикла нарушалась лишь войнами, да катаклизмами барских реформ. Языческий мир двигался по кругу, как аристотелевская вселенная. Все течет, но по сути ничего не изменяется. Циклы – основа стабильности. Отсюда – мудрость терпения. Стабильная цикличность мира определяла уверенность в завтрашнем дне. Стабильность была ценностью жизни, более значимой, чем погоня за модой, богатство и самоутверждение. Крестьянские мифы несли в себе память о бездумно разбогатевших и бесследно исчезнувших пассионариях общин. Община не терпела имущественных различий, отвергала богатеев как «мироедов».

Верхний слой общества не имел круговой стабильности, заданной цикличностью природы. Этот слой был отчужден от природы историей своей судьбы и миграции. В этом дворянство несло в себе историю западной Европы. Дворянство России стремилось создавать подобие общин в виде клубов и дворянских собраний. Салоны даже имели свою матриархальную основу, изображенную А. Грибоедовым и Л. Толстым в образах княгини Тугоуховской и Анны Шерер. Роль этих женщин – оценщиков успехов и достоинств – была подобна функциям женщин общины. Но цикличность дворянских ритуалов все же не обеспечивала стабильного мотивирования деятельности. Устойчивость деятельности обеспечивалась формированием линейной перспективы жизни.

Линейные представления охватили европейскую цивилизацию вместе с разрушением

стабильных родовых систем. На смену прежнему циклическому времени пришли образы прогресса, эволюции, развития. Христианство культивирует идею изживания греха и образ линейности истории, заимствованные у иудаизма. Жизнь нужно направлять к будущему, к Богу, к избавлению от сил «темного прошлого». Идея продвижения во времени придает смысл жизни человека, вырванного из мотивирующих влияний родовой общины. Распад системы циклического мотивирования деятельности компенсируется устремленностью к идеальному будущему. Циклическая структура деятельности разворачивается в линейную, с заданным вектором на достижение «светлого будущего».

Взаимодействие между линейной организацией жизни верхнего «жидкого» слоя России и циклической структурой деятельности народа породило типично российское противоречие. Дворянам, а затем интеллигентам и революционерам казалось, что народ спит, что он не стремится к прогрессу и просвещению. Крестьян нужно было будить и просвещать, звать к светлым идеалам. Линейная структура дворянских архетипов стремилась развернуть и размотать циклическую структуру деятельности общины. Линейные архетипы подпитывались опытом Европы, заимствуя в западной культуре схемы и идеалы: просвещение, республика, экономические реформы, революционная философия.

Российское дворянство строило перспективу жизни, мотивируемую идеей служения народу и государству. Устойчивость деятельности нуждалась в долгой перспективе развития государства. Но к XIX в. обширная Россия была построена, а без развернутой линейной перспективы «жидкому» слою общества жить было нечем. Для дворян фиктивная перспектива создавалась усложнением иерархии служебной лестницы, введением длительной череды чинов, усилением различий дворянских званий. И это уже было показателем кризиса линейной организации деятельности. Угасание основной деятельности по развитию государства не могло компенсироваться искусственной перспективой «продвижения по службе».

В течение всего XIX в. шла дискредитация дворянства, потерявшего свою реальную функцию ведения войн за расширение территории страны. А как компенсация уходящего смысла борьбы, усиливался образ страдающего народа, ждущего спасения и освобождения. Идея освобождения народа охватила практически весь пассионарный «жидкий» слой российского общества. Общинный народ с удивлением взирал на «народников», студентов, террористов и курсисток, равнявшихся его будить, просвещать и освобождать.

Разрушение царского государства высвободило энергию общин, принявших на себя роль социальных ячеек. Гражданская война столкнула общины, создававшие банды и отряды. Анархизм народа получил кратковременный период своей реализации. Однако общины не были способны создать государство, необходимое для конкуренции с корпорациями, равнявшимися к российским ресурсам. Перспектива движения к «светлому будущему» также не могла быть реализована в логике общинной циклическости. Опираясь на идею общинности как принцип жизни народа, большевистское государство вынужденно было разрушать мир сопротивляющихся общин. Разбудить народ и повести его к «светлой мечте» можно было, только подавив власть общины, опираясь на «жидкий» слой пассионариев, оторванных от архетипов народа и сторающих ради идеи. Поэтому власть жестоко разрушала старые общины, создавала совхозы, организовывала массовые миграции и переселения.

Как великие стройки, так и переселения «малых народов» были направлены на размывание общин и формирование сословия людей, способных жить служением идее и государству.

Однако нараставший социальный слой уже не был спокойным и миролюбивым. Он требовал конкретной линейной перспективы целей. А монотонные пятилетки стали больше походить на общинную циклическость, не ведущую к привлекательному идеалу. Линейность целей требовала перемен. Построенное государство уже несло в себе мотив саморазрушения именно своей стабильностью. Угасание перспективы порождало скрытую агрессию на общество. Ситуация воспроизводила кризис пассионарности, пережитый дворянством XIX в.

Хрущевские реформы обеспечили временную организацию целей. Часть энергии была направлена на освоение целинных земель, на миграцию активного слоя в Казахстан и Сибирь, на грандиозные стройки. Грандиозность служила не экономической целесообразности, а потребности в великих делах и свершениях. Обычные дела не могли удовлетворить устремленности пассионариев к богоподобию. А именно этот архетипический мотив лежал в основе и христианской, и коммунистической активности.

Второй частью психологической реформы стала конкретизация вектора цели. Вместо абстрактного коммунизма были намечены две цели. Во-первых, построить коммунизм за 20 лет, а во-вторых, догнать и перегнать Америку. Второй момент хорошо соответствовал архетипу заимствования образцов жизни с Запада. Перспектива «догнать США» была конкретнее построения коммунизма, и вскоре ориентация на коммунизм реально сменилась ориентацией на мифы американского счастья. С начала 1960-х годов Америка стала «новым коммунизмом», мечтой, захватившей активный слой общества и реализовавшей себя в перестройке 1980–1990-х.

Вряд ли следует обвинять пассионариев России в подчиненности их действий древним архетипам. Архетипы подсознания оказались сильнее разума и воли самых образованных людей. Устойчивые архетипы направили «жидкий» слой России за поисками идеалов на Запад. Ведь Запад исторически был родиной «жидкого» общества. Проблема возникла позже, в связи с отсутствием в Европе и США образцов жизни, способных вдохновить россиян новыми смыслами и целями.

Стремление перестроить Россию по образцу западных стран вряд ли способно изменить тысячелетнюю структуру российского субъекта. Русское понятие «народ» не может быть переведено по его смыслу на английский язык, поскольку ни в Англии, ни в США нет аналога подобной структуры общественного субъекта. Стремясь, по американскому образцу, передать народу функции рыночного самоуправления, снимая с государства патронажные функции заботы о народе, инициаторы перестройки проделывают над российским субъектом операцию гораздо более болезненную, чем все, что делалось ранее. В России, возможно, проводить реформы на уровне ее внешнего «жидкого» слоя, на уровне ориентировочных когнитивных структур. Перестроить же базисный организм общинного народа можно лишь разрушив и уничтожив его, повторив американский опыт «реконструкции» индейских общин.

Субъектная функция народа России – страдательная, мотивирующая активность пассионариев на служение народу. Народ – это страдающий бог России. Он обеспечивает смыслы социальной деятельности. В ситуации кризиса народ естественно усиливает свои субъектные функции. Но эти функции не совпадают с тем, чего ожидают от народа экономисты перестройки. Естественная логика реагирования народа на реформы – выражение страдания, усиление женско-детской роли потребителя заботы. Страдание и бунт народной беспомощности формируют активность пассионарного слоя, организуют мотив защиты народа, усиливают напряженность когнитивного слоя общества до тех пор, пока этим слоем не будет выработана адекватная схема государственного управления.

Глава II. Семья и личность в условиях этнических систем

Лукьяненко С.А

Особенности организации семейного взаимодействия в разных типах этнических систем

Проблеме этнокультурной детерминации формирования семьи в психологии посвящено немало исследований. Разработка проблемы протекания этнических процессов предполагает самое подробное изучение этно-национальных особенностей в различных областях жизнедеятельности общества.

В национальной семье происходит накопление, хранение, воспроизведение и передача из поколения в поколение информации, обеспечивающей культурную преемственность в рамках конкретного народа. Специфика семейной жизни такова, что она прочно удерживает многие собственно национально-этнические черты (начиная от внешних антропологических особенностей до культурно-бытовых элементов), которые отражают национальное своеобразие народов.

Рассмотрение внутренних семейных связей – одно из необходимых звеньев изучения семьи как части народной культуры. Оно дает возможность определить тип семьи, характер ее строя, способствует выявлению особенностей бытования, функционирования семьи в обществе на определенном историческом этапе его развития. Взаимодействие семьи и ее членов, отношения между супругами, между отдельными поколениями, братьями и сестрами, между другими родственниками, составляющие внутрисемейные связи, актуализируются в повседневной жизни в виде множества разнообразных обычаев, правил, установлений, мнений, представлений, господствующих в семье и в большинстве случаев способствующих ее стабильности.

Установление и закрепление этих обычаев в быту происходит благодаря известному механизму трансляции традиций – одному из важнейших факторов развития культуры в целом. Традиции как эстафета передаются из поколения в поколение и соединяют настоящее с прошлым. В семье, объединенной особого рода связями – родственными, они находят для себя благоприятную почву.

Семья обладает многообразными способами передачи этнических традиций: воспитание (включает сложный комплекс средств – от действий по уходу, наблюдаемых ребенком с раннего детства, до назиданий оценочного характера), обучение (языку, хозяйственным приемам, нормам поведения, традиционному искусству, религиозным догмам и пр.), личный пример, отбор контактов, оценки поведения других лиц (не относящихся к семье), изготовление или отбор предметов материальной и духовной культуры, семейные праздники и пр.

Семья располагает при этом мерами оценки, в форме наказания и поощрения. Но высокая по сравнению с другими контактными группами степень воздействия на личность определяется иными факторами: длительность и непрерывность применения названных средств, начиная с самого раннего детства (т. е. включая период максимальной детской восприимчивости); одновременный разносторонний охват ими формирующейся личности; особые качества авторитета родителей и других старших членов семьи в силу родственной близости их к данному человеку и др.

Как известно, сфера семейных отношений, являясь носителем этнических признаков, хранительницей национально специфического, более ярко высвечивает национальные черты психологии, традиций и обычаев. Поэтому мононациональная семья постоянно воспроизводит национально-специфические формы семейно-бытовых отношений, которые лишь модифицируются под давлением социальной среды. Напротив, полинациональная семья синтезирует модели разных национальностей, семейных культур, ускоряя природу своей интернализации.

Национальная специфика семьи выражается, прежде всего, в своеобразии форм и способов удовлетворения потребностей членов семьи в общении, отдыхе, любви и т. д., которые в свою очередь оказывают влияние и на характер семейных отношений. Национально-специфическое в семейных отношениях, т. е. в отношениях супругов, старших и младших в семье, с родственниками и т. д. оказывает сильное влияние на соблюдение нравственных, этических и эстетических норм, традиционных для данного народа. Национально-специфическое в семейно-бытовой культуре – это все то, что наиболее характерно, типично для народа. Национальная специфика семьи имеет устойчивый характер, поскольку национальные особенности составляют целый комплекс, включающий в себя социальные и этнические различия в жизни народов. Социальные особенности, уровень экономического развития, социальная структура изменяются быстрее, чем этнические черты

(язык, обычаи, традиции). Последние, освященные историческими традициями, более устойчивы в сфере семейных отношений.

В условиях полиэтнического общества невозможно правильно понимать происходящие в национальной семье разнообразные трансформации вне осмысления теоретических основ ее функционирования. Противоречива и сама национальная семья, которая «отражает» в своем функционировании национальные особенности сегодняшнего общественного бытия, которая представляет собой как бы «хранилище» следов прошлого со всеми его достоинствами и недостатками.

Как отмечалось выше, в настоящее время семья претерпевает значительные изменения, адаптируясь к социальным переменам. Большое культурное разнообразие народов России предопределяет и многообразие существующих моделей семьи, многие из которых имеют переходный характер.

Изменение семьи, по мнению некоторых современных психологов, находит свое выражение в следующих основных процессах:

Во-первых, формируется иная по отношению к традиционной структура семьи, что наиболее отчетливо проявляется в тенденции ее нуклеаризации, сокращения числа детей в нашей стране. В результате существенно ослабевает значение родственных связей в жизни отдельной семьи и ее членов.

Во-вторых, изменяется роль внешних по отношению к семье регуляторов поведения (религия, традиции, обычаи): традиционные нормы и ценности, поддерживаемые расширенной семьей, становятся менее значимыми по сравнению с нормами и образцами поведения, вырабатываемыми членами семьи в ходе совместной жизни.

В-третьих, наблюдается активный процесс эгалитаризации внутрисемейных отношений. Это проявляется в переходе от жесткой, авторитарной структуры семьи, основанной на подчинении жены мужу, детей – родителям, к демократическим отношениям между супругами, родителями и детьми, в целом по стране.

Семья, как и любой другой социальный институт, скрепляется системой власти. Различают некие основные формы семьи, которые, в принципе, можно свести к трем основным базовым типам: патриархальной семье, где власть принадлежит мужу, матриархальной семье, где власть принадлежит жене, эгалитарной семье, где власть равномерно распределена между мужем и женой. И если объединить первые два семейных типа в их противопоставлении третьему типу, то мы получили, в сущности, два базовых семейных типа современной эпохи. Это патерналистская или авторитарная семья, где четко обозначен глава семьи (неважно – мужчина или женщина) и демократическая семья, основанная не на командных отношениях, а отношениях личностного равноправия и партнерства.

Таким образом, рассмотрение семьи с позиций этнической системы позволяет психологам и социологам понять причины изменений, происходящих в семье, то, к чему эти изменения могут привести, а также выработать пути помощи в адаптации семей, попавших в иную культурную среду. Это касается как семей переезжающих из одного государства в другое, так и семей, меняющих место жительства с сельской местности на городское.

В своих исследованиях по проблеме психологической организации современной городской семьи мы опирались на типологию семьи, которую предлагает В.К. Шабельников. Проводимый им глубокий системный анализ механизмов организации семьи, позволяет выделить два типа семей: традиционную и современную городскую. В.К. Шабельников пишет о том, что традиционный тип семьи – это многоуровневая семейная система, лежащая в основе родовых и этнических социальных систем. Она отличается сложными внутрисемейными и межсемейными отношениями, создающими устойчивую структуру общества. Традиционная семья – это довольно мощное образование, включающее не только супругов и их детей, но также братьев, сестер, дедушек и бабушек, а также множество других родственников, для определения которых в народной культуре существует множество терминов. Это, по сути дела, целостный родовой ствол или клан, образованный

множеством людей и включенный в общую этническую систему.

Такая семья, как целостный, широко разрастающийся организм, определяет своими потребностями все формы деятельности. Сама же семья направлена на воспроизводство и развитие рода, живет интересами рождения и воспитания детей, обеспечивает усиление своей этнической системы в природе и в общем пространстве человечества. Любые формы деятельности, как производство условий жизни, включаются в логику жизни семьи, обеспечивая ее выживание и развитие. Охотится ли человек, ловит ли рыбу или убирает урожай, строит ли что-то – все это определяется интересами семьи.

Современный же тип семьи – это «локальные семейные системы, включенные в современные формы государственной и профессиональной деятельности. Такая семья включена в современные формы деятельности и производства, которые сами уже никак не включены в ее собственную структуру» (В.К. Шабельников). Профессиональные деятельности захватывают людей своими мотивами и целями, заданными вовсе не семейной организацией. Эти семьи формируются в ритмах городской жизни как ее малые элементы, но сами семьи не определяют своей глобальной структурой и напряжениями логику организации общей деятельности. Общество и производство лишь включают в себя семью.

«Современная семья отличается от традиционной, прежде всего, разрушенностью стабильных межсемейных родовых отношений» – пишет В.К. Шабельников.

Итак, мы рассматриваем семью как открытую функциональную систему, находящуюся под детерминирующим влиянием социума. А значит, любые социальные изменения самым непосредственным образом отражаются на характере и функциях семьи.

Исходя из теоретических представлений о характере распределения функций, ролей в организации совместного действия (К. Маркс, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.К. Шабельников), мы можем представить в схематическом виде типичный для социальных систем моноэтнического, родового типа характер распределения субъектных позиций, занимаемых членами рода в коллективно-распределенном действии:

Для семей такого типа характерно, что позицию субъекта-исполнителя принимает на себя мужчина, а позицию субъекта-потребителя – женщина. Такое распределение связано с характером субъектных позиций, занимаемых супругами.

Определяющим ядром любой социальной системы, по В.К. Шабельникову, является функция субъекта-потребителя, которая обозначает центр системы и определяет пространство функций жизнедеятельности. Функции жизнедеятельности, по сути, структурируют означенное пространство, т. е. задают, «рождают» мотивы деятельности системы и векторы ее направленности. Другими словами, в семье эта функция традиционно выполняется женщиной или ребенком. Функция субъекта-исполнителя в деятельности подразумевает расширение пространства этой деятельности, взаимодействие с ним и с объектами, включаемыми в эту деятельность, в случае возникновения угрозы разрушения центра и нестабильной ситуации – обеспечение его защиты. В семье традиционного типа функцию исполнителя берет на себя мужчина.

Традиционно, функция субъекта-исполнителя подразумевает активное, непосредственное участие в действии. Можно сказать, что это операторная часть действия. Функция же субъекта-потребителя подразумевает активность не с точки зрения выполнения операций и действий, а с позиций организации направленности самих этих операций и действий.

В современном социуме мы наблюдаем изменение в характере распределения

субъектных позиций в сторону принятия менее активных позиций (таких как субъект-координатор и субъект-оценщик), но они являются более опосредованными и сложными в реализации.

Так, функция субъекта-координатора заключается в согласовании действий субъектов системы. Для этого координатору необходимо иметь в голове идеальную форму, план предстоящего действия и, соответственно, нести ответственность за качество выполнения этого действия. Функция же субъекта-оценщика – это функция судьи, наблюдающего как бы со стороны за развитием системы и качеством исполнения своих ролей другими субъектами. Для этого оценщику необходимо понимание того, как должно быть выполнено действие, и соответственно, знание идеальных критериев оценки этого действия.

Эти определения функций субъекта, представляющие собой типы субъектных позиций во взаимодействии, целиком соответствуют нашему пониманию субъектных позиций в отношении семьи.

Исходя из этой классификации, можно выявить, какие субъектные функции принимаются каждым из супругов во взаимодействии; какие функции организации деятельности (координатор, исполнитель, оценщик или потребитель) уже усвоены, а в каких супруг/супруга отдает роль субъекта другому партнеру, т. е. определить уровень интериоризированности индивидом функций организации деятельности.

Рассмотрение межсубъектных отношений и принятие ролевых позиций в них более дифференцировано позволяет исследовать и яснее понять механизм взаимодействия между супругами, а так же позволяет выявить этнические особенности в принятии субъектных позиций в семьях, принадлежащих к разным культурам.

В результате проведенного под нашим руководством исследования (И. Нефедова, 2003) мы получили картину особенностей распределения субъектных позиций в семьях армянской, пензенской и московской выборки. В ходе эксперимента мы использовали батарею методик на выявление склонности личности к принятию той или иной субъектной позиции, на выявление типа структуры семьи через изучение ее ролевой структуры и на выявление системы ценностных ориентаций, которые определяют содержательную сторону направленности личности.

Результаты сравнительного анализа распределения субъектных позиций лучше всего представить по группам:

Внутригрупповые различия:

Семьи московской выборки: в данной группе между мужчинами и женщинами не выявилось явных приоритетов в распределении субъектных позиций. По всем функциям разница в количественных результатах незначительна, но можно отметить, что мужчины этой группы занимают более активную позицию (они субъекты-исполнители) по отношению к своим женщинам.

Так же у них выше показатель по принятию на себя функции субъекта-координатора. Но, в тоже время, женщины описываемой группы в предложенных в эксперименте ситуациях, проявляют себя как субъекты-оценщики значительно чаще, нежели мужчины их группы. Так же, важно отметить, что в этой группе женщинам больше, чем мужчинам свойственен аккомодативный стиль поведения.

В целом по рассмотренной группе можно сделать следующий вывод: мужчины проявляют больше активности, нежели женщины, и их деятельность носит ассимилятивный характер, т. е. направлена на достижение своих целей, на подчинение других своей логике понимания ситуации.

Семьи армянской выборки: в следующей группе испытуемых субъектные позиции распределились следующим образом: позиция оценщика полностью принадлежит женщинам, в то время как позиции субъекта-координатора и субъекта-исполнителя присвоили себе мужчины. Так же в описываемой группе у мужчин наблюдается самый

высокий показатель по ассимилятивному типу поведения, что говорит о еще более жестком подчинении своей логике понимания ситуации.

По полученным данным мы можем заключить, что в этой группе испытуемых мужчины проявляют себя как более активные субъекты деятельности, нежели женщины их группы, которые предпочитают женскую позицию оценщика.

Семьи пензенской выборки: данная группа испытуемых сильно отличается от предыдущих двух. Здесь мужчинам принадлежит позиция субъекта-оценщика. Но женщины описываемой группы являются наибольшими координаторами, и не только в отношении своих мужчин, но и среди всех испытуемых. В группе семей пензенской выборки выявился самый высокий показатель по принятию функции субъекта-потребителя как у мужчин, так и у женщин, в отличие от двух других групп, где эта функция практически отсутствует. Так же в данной выборке наблюдается принятие в равной степени функции субъекта-исполнителя между мужчинами и женщинами. У пензенских семей не выявлено больших различий в характере деятельности: и мужчины и женщины приблизительно в одинаковой степени проявляют и ассимилятивный, и аккомодативный стиль поведения.

По описанной группе испытуемых можно сделать следующий вывод: здесь женщины занимают более активную позицию по сравнению со своими мужчинами и присваивают себе изначально мужскую функцию субъекта-координатора.

Межгрупповые различия (мужчины):

Наибольший показатель по позиции субъекта-оценщика и потребителя наблюдается у пензенских мужчин, у них же наименьший показатель по позиции субъекта-координатора и исполнителя. Самый высокий результат по позиции субъекта-исполнителя у московских мужчин, при этом у них наименьший показатель по позиции субъекта-оценщика. Армянские мужчины заняли промежуточное положение между московскими и пензенскими мужчинами по всем показателям, кроме позиции ассимилятора – здесь у них наибольший показатель, а наименьший – у пензенских мужчин.

По полученным результатам мы можем заключить, что самую активную позицию проявляют мужчины московской выборки, а самую низкую – мужчины пензенской выборки, которые занимают изначально женскую позицию субъекта-оценщика и потребителя. Мужчины же армянской выборки проявили себя как самые высокие ассимиляторы, что на наш взгляд объясняется стремлением сохранить родовую структуру семьи в условиях инокультуры.

Межгрупповые различия (женщины):

Наибольший показатель по позиции субъекта-оценщика у армянских женщин, у них же наименьшее количество субъектов-исполнителей, по всем остальным позициям они занимают средний положение. Самое высокое значение по позиции субъекта-координатора и по позиции субъекта-потребителя выявлено у пензенских женщин, так же они в наименьшей степени проявляют функцию оценщика по сравнению с женщинами из других групп. Московские женщины чаще других занимают позицию субъекта-исполнителя и их действия в большей степени по сравнению с пензенскими и армянскими женщинами носят ассимилятивный характер.

По полученным данным мы можем заключить, что женщины московской выборки проявляют наибольшую степень активности в отличие от женщин из других выборок, но, несмотря на это, они в своих действиях придерживаются женской позиции субъекта-оценщика. Армянские же женщины проявляют исконно женскую позицию по всем функциям. Самый интересный показатель на наш взгляд выявлен у женщин пензенской выборки: они в организации деятельности занимают изначально мужскую позицию субъекта координатора и, так же, достаточно часто проявляют себя как субъекты-исполнители, что

тоже мужская функция.

Результаты сравнительного анализа распределения семейных ролей также представим по группам:

Внутригрупповые различия:

Семьи московской выборки: степень принятия семейных ролей в данной выборке испытуемых следующая:

Воспитание детей – эту роль чаще на себя принимают женщины, нежели мужчины, что является общепринятым фактом, т. к. женщина еще и мать и она ответственна за своих детей, она обеспечивает за ними уход, занимается их развитием значительно чаще, чем отец. Помимо этого, по утверждению большинства психологов, эмоциональная связь между матерью и ребенком (независимо от пола последнего), сильнее по сравнению со связью между ребенком и отцом.

Эмоциональный климат в семье – по этой семейной роли не наблюдается сильных различий в степени принятия ее супругами. Мы можем утверждать, что данная функция в равной степени принимается и мужем и женой, т. е. они оба проявляют активность, направленную на решение личностных проблем партнера, выражают эмоциональную поддержку.

Материальное обеспечение семьи – по этой семейной роли получены самые интересные, на наш взгляд, данные. Во всех выборках женщины занимают лидирующее положение в отношении принятия на себя изначально мужской функции обеспечения семьи, и самый высокий показатель у московских женщин, у мужчин же этой выборки степень принятия заметно ниже.

Организация развлечений – по этой семейной роли так же наблюдается перевес по степени реализации функции у женщин, чем у мужчин. Это, по всей видимости, связано с тем, что устраивает досуг тот, у кого больше возможностей (материальных).

Роль «хозяина» – «хозяйки» – рассматриваемая семейная функция в равной степени реализуется как супругом, так и супругой, хотя изначально эта функция полностью принадлежала женщине.

Сексуальный партнер – по этой роли мы так же наблюдаем одинаковую степень активности и мужчины и женщины в московской выборке. На наш взгляд это связано в первую очередь с тем, что повысился общий уровень сексуальной культуры (появилось огромное количество специальной литературы). Женщины стали более образованными в вопросах секса, с них сняты запреты на проявление активности и инициативы.

Организация семейной субкультуры – по этой роли женщины московской выборки занимают лидирующее положение. Более высокий показатель по этой функции у женщин напрямую связан с высоким результатом по функции организатора развлечений.

По описанной выборке, мы можем заключить, что женщины хотя и чаще реализуют рассматриваемые семейные роли, нежели мужчины их группы, но эта разница незначительна.

Семьи армянской выборки: семейные роли распределяются следующим образом:

Воспитание детей – эта семейная роль в равной степени реализуется и мужчинами и женщинами, что говорит о заинтересованности обоих родителей в воспитании и развитии полноценной личности ребенка.

Эмоциональный климат в семье – выполнение роли «психотерапевта» в описываемой выборке чаще принимают на себя мужчины, чем женщины.

Материальное обеспечение семьи – как уже отмечалось выше, по этой функции выявлены самые интересные и неожиданные результаты. В семьях армянской выборки женщины так же чаще реализуют эту семейную роль, по сравнению со своими мужчинами. По всей видимости, это связано с тем, что армянские семьи, участвовавшие в исследовании, проживают в Москве и подверглись изменениям под воздействием мегаполиса и

инокультурной среды.

Организация развлечений – по рассматриваемой семейной функции, армянские женщины чуть чаще проявляют активность, нежели мужчины, что связано с их общей большей активностью.

Роль «хозяина» – «хозяйки» – эта роль реализуется значительно больше женщинами, что может являться, на наш взгляд, показателем сохранности традиционных устоев в данной группе выборки семей.

Сексуальный партнер – по этой семейной функции мужчины, хоть и не намного, но все же чаще проявляют активность, чем женщины, что так же может считаться показателем сохранности традиций, ведь эта функция изначально мужская.

Организация семейной субкультуры – по этой роли армянские женщины активнее своих мужчин. На наш взгляд это связано с большой общительностью женщин данной выборки, которая реализуется в стремлении поддерживать семейные (родовые) отношения, ведь, как известно, кавказские семьи многочисленны по своему составу.

По результатам приведенного выше описания мы можем сделать вывод, что в рассмотренной выборке мужчины хотя и незначительно, но все же чаще реализуют семейные роли. Кроме того, за ними остались изначально их мужские функции «сексуального партнера», «организации досуга», за исключением «материального обеспечения семьи».

Семьи пензенской выборки: по предлагаемой к рассмотрению группе семей пензенской выборки были выявлены следующие результаты:

Воспитание детей – по реализации этой роли с совсем небольшой разницей лидируют мужчины, что отмечалось и у семей армянской выборки.

Эмоциональный климат в семье – в данной функции женщины реализуют себя больше, чем их мужчины, но в этом нет ничего удивительного, т. к. роль «психотерапевта» лучше выполняют женщины, чем мужчины.

Материальное обеспечение семьи – по принятию этой роли, так же, как и в двух предыдущих выборках, лидируют женщины. По всей видимости, это связано и с общей большей активностью пензенских женщин, и с увеличением требований относительно уровня жизни в провинции. Поэтому женщине все чаще приходится находить дополнительный заработок.

Организация развлечений – по этой функции так же наблюдается явное лидерство женщин, в отношении своих мужчин. Как отмечалось выше, степень реализации этой семейной роли взаимосвязана со степенью принятия предыдущей функции.

Роль «хозяина» – «хозяйки» – в реализации этой роли наблюдается такая же тенденция, что и у семей армянской выборки, т. е. женщины чаще, чем мужчины выступают в роли «хозяйки», что говорит о сохранности традиций в пензенских семьях, ведь в большинстве культур эта роль принадлежит женщине.

Сексуальный партнер – женщины пензенской выборки проявляют наибольшую сексуальную активность, не только по сравнению с мужчинами своей выборки, но и по сравнению со всеми испытуемыми. Что, конечно же, связано с их общей большой активностью, а так же, как отмечалось выше, с увеличением уровня образования в сексуальной сфере.

Организация семейной субкультуры – эта единственная семейная роль, по которой пензенские мужчины оказались активнее своих женщин, но разница незначительная.

В целом по данной выборке испытуемых, мы можем утверждать, что женщины занимают заметно более активную позицию по сравнению со своими мужчинами, и семья соответствует матриархальному типу.

Межгрупповые различия (мужчины):

Воспитание детей – данная роль в большей степени проявляется у пензенских мужчин, затем следуют московские мужчины и наименьший показатель по принятию этой роли у

мужчин армянской выборки.

Эмоциональный климат в семье – эта функция наиболее присуща армянским мужчинам, затем московским мужчинам и пензенским.

Материальное обеспечение семьи – результаты по этой функции являются очень интересными, т. к., во-первых, по ней самые низкие показатели как у мужчин, так и у женщин во всех трех группах, а во-вторых, мужчины во всех трех группах проявляют наименьший уровень принятия этой роли по сравнению с женщинами. Наименьший показатель выявлен у армянских мужчин, далее идут московские мужчины и самый высокий уровень принятия – у пензенских мужчин.

Организация развлечений – данная функция в равной степени принимается московскими и пензенскими мужчинами, у армянских мужчин эта функция по уровню принятия находится на втором месте после функции воспитания детей.

Роль «хозяина» – эту функцию в равной степени принимают на себя пензенские и армянские мужчины, москвичи от них ощутимо отличаются.

Сексуальный партнер – эта функция в равной степени присваивается мужчинами всех трех групп, разница незначительна.

Организация семейной субкультуры – наиболее ярко эта функция проявляется у пензенских и армянских мужчин, у москвичей более низкий показатель.

По приведенным результатам можно сделать следующее заключение: наибольшая степень принятия семейных ролей выявлена у мужчин пензенской выборки, а наименьшая – у мужчин московской выборки, армяне заняли промежуточное положение.

Межгрупповые различия (женщины):

Воспитание детей – по этой функции самые высокие показатели по сравнению со всеми остальными. В наибольшей степени данная роль принимается московскими женщинами – и это наивысший показатель по сравнению со всеми остальными результатами. Приблизительно в равной степени эта роль актуальна и для пензенских и для армянских женщин.

Эмоциональный климат в семье – эта роль присваивается женщинами в такой же степени, что и у мужчин.

Материальное обеспечение – по этой функции показатели значительно выше у женщин, чем у мужчин. Так же как и по первой функции у московских женщин самый высокий показатель, на втором месте по степени принятия этой роли находятся пензенские женщины, на третьем армянские.

Организация развлечений – по этой функции женщины так же более активны, чем мужчины. Московские женщины принимают ее в большей степени по сравнению с двумя другими группами испытуемых.

Роль «хозяйки» – принимается всеми женщинами в равной степени. Сексуальный партнер – эта функция актуальнее для пензенских женщин, у московских и армянских она имеет более низкое значение.

Организация семейной субкультуры – наиболее активное участие в организации семейной субкультуры принимают армянские женщины, пензенские и особенно московские менее активны.

По полученным результатам мы можем сделать следующее заключение: женщины из пензенской выборки чаще, чем женщины из других выборок реализуют семейные роли, на втором месте по активности находятся москвички. Женщины из армянской выборки проявляют наименьшую активность.

По приведенному выше анализу результатов семей всех трех выборок мы можем сделать следующие выводы:

1) мужчины и женщины пензенской выборки, в целом, чаще, чем испытуемые из других выборок реализуют семейные роли, т. е. сохранность семейной структуры у них

выше, чем в других группах, что говорит о традиционном типе семьи с матриархальным укладом, т. к. пензенские женщины в семейной жизни реализуют типично мужские функции (такие как: «материальное обеспечение семьи», «сексуальный партнер», «организация развлечений»);

2) мужчины и женщины московской выборки приблизительно в равной степени реализуют семейные роли, что может служить свидетельством эгалитарного типа семей;

3) в армянских семьях мужчины хотя и незначительно, но чаще принимают семейные роли, что является признаком семьи традиционного типа с патриархальным укладом.

В целом, результаты проведенного эксперимента можно представить следующим образом:

Семьи московской выборки – женщины этой группы выполняют функцию субъекта-оценщика, которая проявляется в принятии на себя роли воспитателя и организатора семейного досуга, в большей степени, нежели мужчинами этой группы. Эти показатели коррелируют со значимым местом ценности «наличия хороших и верных друзей» у женщин, т. к. семейная роль «организатора семейного досуга» предполагает умение строить отношения с людьми, общение с друзьями.

Другое значимое отличие женщин московской выборки от женщин двух других выборок состоит в том, что москвички чаще других склонны к проявлению высокой активностью в качестве субъекта-исполнителя.

Мужчины московской выборки наиболее всего склонны к принятию на себя позиции функции субъекта-исполнителя. Эта активность реализуется ими в активном принятии роли «воспитателя» и «психотерапевта», а так же в наивысшей степени принятия роли «хозяина» по сравнению с мужчинами из других исследуемых групп. Принятие этих ролей является результатом активности, что непосредственно связано с самым высоким показателем по функции субъекта-исполнителя среди всех испытуемых, а также с важностью ценностей наличия «интересной работы» и «материально обеспеченной жизни».

Одновременно с этим, мужчины московской выборки достаточно склонны к принятию позиции субъекта-оценщика.

По результатам анализа можно заключить, что семьи московской выборки относятся к эгалитарному типу. По мнению многих психологов, такой тип семьи – это семья будущего, где отношения и обязанности между супругами строятся «на равных».

Распределение субъектных позиций между супругами московской выборки можно представить следующим образом.

Женщины: S-оценщик _____ Мужчины: S-оценщик
Женщины: S-исполнитель _____ Мужчины: S-исполнитель

Семьи пензенской выборки – женщины этой группы занимают более активную позицию по всем ролям по сравнению со своими мужчинами. Это проявляется в большей степени реализации семейных ролей (пять из семи). Это самым непосредственным образом коррелирует с высоким показателем выполнения функции субъекта-координатора, не только по сравнению с мужчинами данной выборки, но и в отношении всех испытуемых групп.

Мужчины пензенской выборки занимают менее активную позицию по сравнению со своими женщинами, что демонстрируется выполнением в большей степени функции субъекта-оценщика и субъекта-потребителя, функциями традиционно женскими. Это положительно коррелирует с высокой позицией в рейтинге ценности «красоты природы и искусства» и «любви».

Но в тоже время, пензенские мужчины и женщины чаще мужчин и женщин других выборок реализуют семейные роли, что говорит о большей сохранности семейной структуры в этой выборке.

В результате приведенного анализа мы можем заключить, что семьи пензенской

выборки относятся к традиционному типу семей с матриархальным укладом, т. е. с доминантной и ответственной женой и субдоминантным и безответственным мужем. Как утверждает В. Дружинин в своей книге «Психология семьи» такой была семья советского периода, которая носила характер аномальной языческой с остатками православной культуры.

Распределение субъектных позиций между супругами пензенской выборки можно представить следующим образом.

Женщины: S-координатор _____ **Мужчины: S-оценщик**
Мужчины: S-потребитель

Семьи армянской выборки – женщины этой группы демонстрируют самую высокую степень принятия роли «организации семейной субкультуры» среди всех испытуемых и высокий показатель по роли «организации досуга», это подтверждает полученные данные о том, что армянские женщины являются самыми большими субъектами-оценщиками по сравнению с остальными испытуемыми. В свою очередь, невысокие показатели женщин армянской выборки по ролям «воспитателя», «психотерапевта» и «материального обеспечения» коррелирует с самым низким показателем по принятию функции субъекта-исполнителя. Другими словами, женщины армянской выборки, проявляют наименьшую активность в действии по сравнению с московскими и пензенскими женщинами.

У мужчин данной выборки наивысшие показатели по принятию ролей «психотерапевта» и «организации досуга» по сравнению с остальными мужчинами, т. е. для них важен внутренний комфорт в семье, который проявляется так же в самом высоком показателе по ассимилятивному поведению среди всех испытуемых.

Из приведенных данных мы можем сделать заключение о том, что семьи армянской выборки относятся к традиционному типу семьи с патриархальным укладом, но у них намечается тенденция смещения к эгалитарному типу семьи. На наш взгляд это связано с тем, что армянские семьи, входящие в нашу выборку, проживают в Москве и находятся под воздействием иных культурных норм, отличных от их исконной (армянской). А поскольку мы рассматриваем семью не как изолированную, закрытую систему, а как открытую, постоянно взаимодействующую с окружающим миром систему, то в данном случае можно говорить о начале разложения родовой структуры семьи.

Распределение субъектных позиций между супругами армянской выборки можно представить следующим образом.

Женщины: S-оценщик _____ **Мужчины: S-исполнитель**

В целом, обнаруженные нами межгрупповые различия позволяют заключить, что женщины московской выборки проявляют наибольшую степень активности в отличие от женщин из других выборок, но, несмотря на это, они в своих действиях придерживаются женской позиции субъекта-оценщика. Армянские же женщины проявляют исконно женские субъектные позиции (оценщика и потребителя). Самый интересный показатель, на наш взгляд, выявлен у женщин пензенской выборки: они в организации деятельности занимают изначально мужскую позицию субъекта-исполнителя и, также, достаточно часто проявляют себя как субъекты-координаторы, что тоже, по сути, мужская функция.

По полученным межгрупповым различиям мы можем заключить, что самую активную позицию проявляют мужчины московской выборки, а самую низкую – мужчины пензенской выборки, которые занимают изначально женскую позицию субъекта-оценщика и субъекта-потребителя. Мужчины же армянской выборки проявили себя как самые высокие ассимиляторы, что на наш взгляд объясняется стремлением сохранить родовую структуру семьи в условиях инокультуры.

В результате проведенного сравнительного анализа трех этнических семейных группы мы можем сделать следующие выводы:

– наблюдается явное смещение с активной позиции в организации действия на менее активную, т. е. члены всех групп семей исследуемых выборок (и мужчины, и женщины) значительно чаще проявляют себя как субъекты-оценщики, что подразумевает под собой менее активный, но более сложный и опосредованный характер участия в организации деятельности;

– выявлена общая тенденция у мужчин из семей московской и армянской выборок в смещении позиций от изначально мужской активной функции субъекта-исполнителя к менее активной функции субъекта-координатора;

– наблюдается явное повышение активности у женщин московской выборки, что, на наш взгляд, объясняется общим увеличением активной деятельности московских женщин, связанной с их эмансипацией и приближением семей московской выборки к стандартам Западно-Европейской культуры;

– наибольшая степень выраженности влияния родовой структуры на семейную деятельность наблюдается в семьях пензенской выборки, что объясняется незначительной полиэтничностью этого общества в сравнении с московской выборкой. Мужчины и женщины пензенской выборки чаще, чем испытуемые из других выборок реализуют семейные роли, т. е. сохранность семейной структуры в пензенской выборке выше, чем в других группах. При этом пензенская семья организована по типу традиционной матриархальной семьи, т. к. пензенские женщины в семейной жизни реализуют типично мужские функции;

– наименьшая степень выраженности влияния родовой структуры на семейную деятельность наблюдается в семьях московской выборки, что связано с высокой поликультурностью и поликонфессиональностью московского социума, а также с приближением к Западно-европейской культуре. Мужчины и женщины московской выборки приблизительно в равной степени реализуют семейные роли, что может служить свидетельством эгалитарного типа семьи;

– семьи армянской выборки заняли промежуточное положение между двумя другими группами испытуемых. В этих семьях еще сохраняются национальные обычаи и традиции в быту, но уже наблюдается явная тенденция к эгалитаризации семьи. В армянских семьях мужчины хотя и незначительно, но чаще принимают семейные роли, что является признаком семьи традиционного типа с патриархальным укладом.

Лукьяненко С.А

Психологические особенности формирования когнитивных процессов в разных этнокультурных средах

Проблема развития личности в той или иной культуре разрабатывалась отечественными и зарубежными исследователями в рамках этнической психологии, психологической антропологии. Первые исследования были связаны с выделением «основной личности», то есть такого типа личности, который составляет основную часть общества с определенной культурой. Впоследствии появилась концепция «модальной личности», то есть такого типа личности, который является выражением основных характеристик того или иного народа.

Особую область изучения составляла проблема роли детства в развитии представителя определенной культуры. В рамках одного направления, опиравшегося на концепцию З. Фрейда, разрабатывалась идея обусловленности культуры особенностями протекания психических процессов в детстве. Анализируя исследования и выводы, сделанные в рамках этого подхода Рохеймом и Кардинером, Е.В. Субботский пишет: «Хотя семейные отношения и являются главными в формировании личности, они не определяют культуру, а сами являются производными от культурных норм...». В настоящее время и большинством

зарубежных авторов уже признается ведущая роль культуры в определении особенностей протекания детства (Э. Эриксон, М. Мид и др.).

Л. Леви-Брюль в своих работах выдвигает теорию, согласно которой анимистические компоненты первобытного сознания сходны с мыслительными процессами у ребенка. Во-первых, первобытный человек и ребенок, по его мнению, одинаково одухотворяют явления природы, наделяя их человеческими свойствами. Во-вторых, мышление первобытного человека и ребенка не чувствительно к противоречиям (ребенок не может адекватно их разрешить).

Однако, как считал Л. Леви-Брюль, «пралогическое мышление» представляет собой особую структуру, функционирующую совместно со структурой логической мысли. Пралогическое мышление не представляет собой какую-то стадию, предшествующую во времени появлению логического мышления. У человечества не существует двух форм мышления (пралогической и логической), но различные мыслительные структуры присутствуют в одном и том же обществе и часто, а может быть и всегда, в одном и том же сознании.

С этой точки зрения, исследование мышления людей, которые в настоящее время принадлежат к обществам, находящимся на низших ступенях социального развития, является, полагает Л. Леви-Брюль, эффективным средством выявления той особой мыслительной структуры, которая существует у человека и на более высоких ступенях общественного развития, но выявляется с гораздо большим трудом.

По Л. Леви-Брюлю, чем ниже уровень умственного развития, тем анимистичнее должно быть мышление. Сторонники распространенной в США в 1920-х годах теории свободного воспитания утверждали, что дети сами, без помощи взрослых могут создать достаточно сложную культуру, взрослые им скорее мешают. На примере культуры манус американский этнограф М. Мид пытается опровергнуть это мнение. Там, где взрослые не развивают у детей фантазии, не рассказывают детям легенд и сказок, не поощряют их художественное творчество, детское воображение оказывается более бедным.

М. Мид считает гипотезу Л. Леви-Брюля сомнительной. М. Мид полагает, что наличие или отсутствие спонтанного анимизма у детей зависит от уровня развития их воображения и, следовательно, от воспитания. Чтобы проверить свое предположение, она изучала две группы детей-манус: от двух до шести и от шести до двенадцати лет. Кроме непосредственного общения с этими детьми и наблюдения за их играми, М. Мид использовала ряд дополнительных методов: тест Роршаха, анализ детских рисунков и специальные вопросы, рассчитанные на то, чтобы спровоцировать анимистические реакции. Оказалось, что если в жизни взрослых манус магия играет важную роль, то сознание маленьких детей вполне реалистично. События, которые взрослые объясняли вмешательством сверхъестественных сил, дети приписывали естественным причинам.

Исследования М. Мид на острове Самоа выявили ряд особенностей в процессе воспитания детей. Взросление на Самоа происходит быстрее за счет раннего приучения к труду, выполнения роли воспитателя по отношению к младшим членам семьи. Переход ко взрослой жизни происходит легко и незаметно, без всяких признаков подросткового кризиса. По мнению М. Мид, каждая культура формирует свой тип личности, хотя врожденные особенности у всех народов идентичные.

Исследования этнопсихологического своеобразия народов в отечественной психологии базировались на идеях Л.С. Выготского о роли культуры в развитии человека. Центральным положением культурно-исторической концепции, по мнению М. Коула, является «утверждение о существовании глубинной связи между конкретным окружением, в котором существует человек, и фундаментальными, отличительными качествами человеческого разума...».

Исследование по изучению познавательных процессов, проведенное А.Р. Лурией и его сотрудниками в Узбекистане, оставалось единственным. Этнопсихологические исследования возобновились лишь в 1960–1970-х годах. Проблема изучения этносов привлекла внимание

философов, социологов, этнографов, историков, лингвистов.

В настоящее время все больше появляется исследований, посвященных изучению различных аспектов психологического своеобразия народов, проживающих во всех регионах бывшего СССР. Одними из интереснейших работ по этнопсихологии являются работы М.М. Муканова, посвященные изучению мышления в этническом аспекте. Его работы показывают, что невозможно изучать этнопсихологические особенности народа без анализа той деятельности, в которой они проявляются, так как констатация различий, без анализа функционирования того или иного процесса, может привести к ложным выводам. Анализируя результаты своих исследований М.М. Муканов делает вывод о том, что интеллектуальная деятельность казахов, выросших и сформировавшихся до 1931 г., не уступает аналогичной у так называемых цивилизованных народов. Так, например, исследование рефлексивных процессов у казахов показало, что «...данные, полученные по всем трем сериям эксперимента на различном материале, убеждают нас в том, что рефлексия как обращение к способу своего действия в той или иной форме присуща представителям традиционной культуры».

В последние годы много исследований проводилось в различных регионах Средней Азии, в которых был выявлен ряд этнопсихологических особенностей в развитии личности народов, проживающих на данной территории. В работах С.З. Канаева, Т. Атаева, О.Б. Мухамедбердиева в качестве фактора, детерминирующего этнопсихологическое своеобразие среднеазиатских народов, рассматривается исламская религия. С.З. Канаев подчеркивает, что ислам через систему ритуалов и праздников, обычаев оказывает влияние не только на верующих, но и неверующих. Т. Атаев говорит о том, что не только религия влияет на развитие личности, но и сам выбор той или иной религии обусловлен особенностями образа жизни того или иного народа. В связи с этим он пишет: «Действуют также этно-социальные детерминанты религиозной психологии ислама, уходящие корнями в далекое прошлое и проявляются в ряде специфических форм. К ним относятся традиционалистский тип социальных отношений, выражающийся в жестком подчинении сложившимся нормам и образам в производственной сфере, в быту, в семье, в общении».

О.Б. Мухамедбердиев в своем исследовании показывает, что национальное самосознание среднеазиатских народов определяется особенностями исламской религии и «дефицитом личностного начала» по сравнению с ярко выраженной индивидуалистической направленностью европейских народов. Таким образом, в исследованиях, проведенных в Средней Азии выявлен ряд существенных характеристик этнокультурной среды, влияющих на развитие личности. Во-первых, многими исследователями отмечается взаимовлияние исламской религии и этнической специфики региона. Во-вторых, выявлена психологическая зависимость человека от ближайшего окружения. В-третьих, регуляция поведения осуществляется через систему норм, обязательную для всех членов общества. В-четвертых, отмечено, что этнокультурная среда проявляется не одинаково в городе и в сельской местности, так как в городской сфере, помимо национальных традиций, важную роль играют современные условия жизни.

В течение ряда лет нами проводился эксперимент, цель которого состояла в конкретизации представлений о детерминирующем влиянии социальной ситуации развития на протекающие когнитивные процессы личности.

Главное положение, значимое для нашего исследования, состоит в признании тесной взаимосвязи особенностей когнитивного развития и организации этнокультурной среды. Мы можем предполагать, что этническое своеобразие среды влияет на весь характер психического развития человека. Какую этническую окраску должен получать в ходе развития ребенка такой значимый для восприятия информации психический процесс как категоризация? Этнические особенности категоризации объектов могут быть более выражены в том возрасте, когда ребенок еще не подвергался длительному воздействию обучения, построенного на базе полиэтнических культурных программ.

В ходе экспериментального исследования мы выявляли этнические и возрастные

особенности процесса категоризации репродукций картин детьми русской и казахской национальности 7–8 и 12–13 лет. Произведения живописи, даже представленные в репродукциях, содержат информацию самого различного содержания и уровня доступности. Как стимульный материал, такие сложные объекты провоцируют развертывание процесса категоризации, в достаточной степени отражающего и когнитивные способности детей, и их личностные, в том числе и этнокультурные характеристики.

Организация деятельности в традиционной культуре казахов связана с сохранностью сильных этно-родовых связей, определяющих логику действий и всей жизни человека. Фактическим субъектом деятельности выступает не отдельный индивид, а плотно взаимодействующая группа (семья, клан), непосредственно диктующая человеку ежедневную логику его поступков. При этом в значительно меньшей мере поведение человека опирается на интериоризированные им знаково-символические схемы, усваиваемые в форме объектов образной и знаково-символической культуры (живопись, тексты и пр.). В отличие от этого, деятельность человека европейской культуры опирается на знаково-символическую культуру в значительной мере. В современной ситуации знаково-символическая культура составляет основу обучения детей в школе.

Мы предполагали, что особенности деятельности в этно-родовой казахской культуре могут проявить себя в организации когнитивных процессов казахских школьников, и в частности в характере категоризации ими произведений живописи. Как носители образно-символической информации, произведения живописи должны, на наш взгляд, играть более значимую роль в жизни и деятельности детей, воспитанных в русской культуре, по сравнению с детьми, воспитанными в традиционной казахской культуре. Это, несомненно, должно было отразиться в характере категоризации репродукций картин детьми разных этнических групп. Очевидно, что обучение в школе, организованное на основе форм знаково-символической культуры, должно как-то изменить характер категоризации у всех детей, а особенно у детей-казахов.

Для экспериментов были взяты восемь групп детей, обладающих различными социокультурными характеристиками. Мы выделили две группы детей казахской национальности, которые различались по степени владения родным языком. Одна группа детей, обозначена нами как казахоязычная (КК) и другая группа детей как русскоязычная (КР). В группу КК входили дети-казахи из сельской местности, говорящие на казахском языке, слабо владеющие русским и обучающиеся в специальных школах-интернатах для казахоговорящих детей. В группу КР входили дети-казахи, воспитывающиеся в городской среде, говорящие на русском языке как на родном и практически не владеющие казахским языком.

Среди детей русской национальности нами также выделялись две социокультурные группы. В первую группу (Р1) входили дети из семей с невысоким культурным и социальным уровнем, проживающие и обучающиеся в рабочих районах г. Москвы. Во вторую группу (Р2) входили дети, обучающиеся в центральных московских школах-гимназиях по специальным программам.

В каждой из названных групп испытуемых для экспериментов были взяты дети двух возрастов: младшие школьники 7–8 лет, только начинающие обучение в школе, и дети 12–13 лет. Таким образом, мы исследовали различия в характере категоризации детей, принадлежащих к восьми разным группам, отличающимся по возрастным и этнокультурным характеристикам.

Нами был выделен основной параметр, на основании которого мы разделяли типы категоризации, производимой детьми при восприятии картин. Этот параметр состоял в степени рассогласования между непосредственно наблюдаемыми детьми объектами и событиями на картине и содержанием высказываний детей по поводу картин. В логике этого параметра были выделены три типа категоризации: 1) категоризация по типу *слияния*, 2) категоризация по типу *присоединения* и 3) категоризация по типу *отрыва*.

Приведем примеры каждого типа. *Слияние*: в независимости от объективной

сложности стимульного материала, будь это картина реалистическая или авангардистская, ребенок просто перечисляет объекты, нарисованные на ней. «На стуле сидит тетя, возле нее стоит дядя. На стене картина. В клетке птица. У тети в руке цветы. Шляпа лежит на полу». (Федотов А.П. «Разборчивая невеста». Ернур К., 8 лет). «Вилка, нож, бумага лежит, арбуз». (Пикассо П. «Харчевня». Эдик Н., 12 лет). «Вода, по воде плывут корабли. Люди стоят, цветы растут. Дым вдалеке виден». (Моне К.О. «Терраса в Сент-Адрессе». Ернур К., 8 лет).

Категоризация второго типа – это категоризация с *присоединением* своих оценок, мнения или характеристик воспринимаемого материала. При таком типе категоризации ребенок наделяет изображенные на картине предметы различными качествами, людей – личностными характеристиками и индивидуальными чертами характера, темперамента и мотивации, а происходящие на картине события начинают обретать смысл. Ребенок высказывает свое впечатление от картины. «Люди работали. Потом молодой человек ее куда-то пригласил. Может они начинают знакомится. Мне кажется, это картина из жизни самого художника. Когда он был молодым, он сам знакомился с кем-то». (Венецианов А.Г. «Жнецы». Катя Д., 12 лет). «Какое-то волшебное царство. Все цветное. Художник думал о чем-то сказочном, о волшебстве. А мне кажется, что мультики соединили на одной картинке и получилось вот это». (Лентулов А.В. «Василий Блаженный». Ира С., 8 лет). «Дом хана, хан богатый, люди богатые, планета богатая. У них есть девушка, есть же у узбеков девушки, закрывающие лица». (Лентулов А.В. «Василий Блаженный». Нуржанар И., 8 лет).

И наконец, категоризация по третьему типу, по типу *отрыва*. Ребенок, производящий категоризацию по типу отрыва, использует изображение на картинах для рассуждения о чем-либо, но не о содержании картины. Предметы и люди на картине не фигурируют в ответах испытуемых как категоризируемые объекты. Они служат лишь отправной точкой для воображения иных ситуаций и событий, для развертывания своего мнения по поводу сюжета картины или жизни художника. «Замок из мультика. В замке вампиры живут. Они всех оттуда выгнали. До этого там хорошие люди жили. Их выгнали или съели. Я даже фильм такой видел» (Лентулов А.В. «Василий Блаженный». Артем Н., 8 лет). «На столе рюмки стоят. Моя мама пиво пьет из такой же рюмки. Иногда мне дает. Вкусное. А из такого стакана я молоко дома пью» (Озанфан А. «Натюрморт». Артем Н., 8 лет). «Бутылочки всякие. Какой-нибудь профессор сделал жидкость для чего-нибудь. Может эта жидкость поможет кому-нибудь вылечиться, может это лекарство. Отдаст его в аптеку. Потом еще сделает. Хранит лекарство в шкафу, чтобы никто не трогал, а то разобьют. Художник тоже, наверное, профессор. Он любил срисовывать свои баночки с жидкостью. Нарисовал он это для других профессоров. Ему очень нравилась его комната» (Озанфан А. «Натюрморт». Катя Х., 8 лет).

Можно видеть, что в разных типах категоризации представлен разный уровень **ориентировочной активности** детей. В случаях «присоединения» и «отрыва» школьники включали воспринимаемую ими информацию в развернутые размышления о себе, о людях, о жизни. В случае «слияния» такого включения воспринимаемой информации в процессы размышления не происходило.

Из всех типов категоризации казахоязычных школьников 7–8 лет с заметным преобладанием производили категоризацию типа *слияние*, т. е. при восприятии репродукций дети в основном лишь называли изображенные на картине предметы или людей. В значительно меньшей мере дети этой группы использовали категоризацию по типу *присоединения*.

Ни в одном случае в группе казахоязычных школьников 7–8 лет не применялась категоризация типа *отрыва*, т. е. дети данной группы ни разу не позволили себе вести отвлеченные разговоры на темы, вызванные изображением на картине. Во всех случаях они либо просто перечисляли нарисованные на картине явления, либо лишь добавляли к этому некоторые замечания.

Дети казахской национальности, говорящие и обучающиеся на русском языке 7–8 лет, при восприятии картин в подавляющем большинстве случаев использовали категоризацию

типа *присоединения*. Категоризация типа *слияние*, наиболее широко представленная в высказываниях детей группы КК (казахоязычные казахи) 7–8 лет, у детей данной группы проявлялась лишь в отдельных случаях.

В отличие от детей группы казахоговорящих казахов, у испытуемых группы русскоговорящих казахов появляется и категоризация типа *отрыва*.

Группу детей Р1 составляли школьники 7–8 лет, обучающиеся в средних школах в социально неблагополучных районах г. Москвы, из семей с невысоким социальным и экономическим статусом. Подавляющее большинство высказываний о картинах в этой группе относится к категоризации по типу *присоединения*. Очень малое количество рассуждений о картинах в группе Р1 7–8 лет строится по типу *слияния*, простого перечисления изображенных на картине предметов и людей. Небольшое количество высказываний строилось в форме категоризации типа *отрыва*.

Распределение типов категоризации картин показывает, что в подавляющем большинстве случаев дети выполняют категоризацию по типу присоединения. Лишь в группе казахоязычных детей-казахов 7–8 лет отмечается заметное превалирование категоризации типа *слияния*. Категоризация типа присоединения отражает заметно большую активность мыслительного процесса, подключаемого к акту восприятия репродукции картины, чем категоризация типа *слияния*. В общих чертах эти данные соответствуют характеру экспериментальных групп.

Категоризация типа *отрыва* занимает заметно меньшее место, чем тип присоединения. Полностью отсутствуя в группе казахоязычных детей-казахов 7–8 лет, тип *отрыва* распределен в остальных младших группах примерно одинаково.

Можно сделать вывод о влиянии социо-культурной среды воспитания на характер категоризации детьми картин. В группах детей 7–8 лет отмечалось заметное снижение доли категоризации типа *слияния* в следующем направлении КК (60,5 %) – КР (13 %) – Р1 (5,9 %) – Р2 (1,3 %). Категоризация типа *слияния* – это простое название объектов на картине, без внесения в речь каких-либо характеристик этих объектов. Это тип категоризации с минимальной аналитической активностью ребенка. Снижение процента *слияния* в процессе категоризации показывает последовательное возрастание активности мышления при восприятии объектов живописи. В возрасте 7–8 лет этот процесс имеет выраженную этно-социальную направленность.

Сравнение между группами испытуемых 7–8 лет по типам выполняемой ими категоризации (*слияние*, *присоединение*, *отрыв*) позволяет считать, что особенности применяемой детьми категоризации определяются не столько непосредственной национальностью ребенка, его этнической принадлежностью, сколько социокультурной средой его воспитания, характером языка на котором говорит ребенок. Сделать такой вывод нам позволяют качественные отличия процентного распределения типов категоризации между группами детей-казахов 7–8 лет, говорящих и обучающихся на русском либо казахском языке, а также явное сходство типов категоризации в группе русскоговорящих казахов с распределением типов категоризации во всех группах детей русской национальности.

Качественные изменения распределения типов категоризации происходят в группах казахоязычных детей-казахов при переходе от возраста 7–8 лет к 12–13 годам. Отношение удельных весов типов *слияния* и *присоединения* практически переворачивается. Такая активизация процесса категоризации, рост по типу присоединения с 39,5 % до 70,9 % существенно отличают группу казахских детей, говорящих и обучающихся на родном языке, от всех других групп, включая группу русскоговорящих казахов.

Есть основание считать преобладание категоризации типа «слияние» в группе казахоговорящих детей-казахов 7–8 лет проявлением этнических особенностей воспитания детей. Качественное же изменение в распределении типов категоризации при переходе к группе казахоговорящих детей-казахов 12–13 лет можно считать результатом влияния обучения в школе.

Русскоговорящие подростки-казахи развертывают процесс категоризации, чаще избегая простого названия объектов, и позволяя себе более свободные отвлечения, с подключением широкого круга категорий и эмоциональных впечатлений.

Группу испытуемых Р2 12–13 лет составляли учащиеся московских школ-гимназий с обучением по углубленным программам обучения. В группе Р2 12–13 лет неожиданно снижается количество категоризации, выполняемой по типу *присоединения* по сравнению с другими группами подростков. При этом возрастает процент категоризации типа *отрыва*. Это значительно больше, чем во всех остальных группах подростков. Довольно высокий процент на фоне других групп приходится в группе Р2 на категоризацию типа *слияния*.

В группе испытуемых-учащихся московских школ-гимназий с обучением по углубленным программам категоризация типа *присоединения* снижает свой удельный вес при возрастании доли *слияния* и *отрыва*.

На фоне достаточно понятных и закономерных изменений характера категоризации у детей разных групп, распределение типов категоризации в группе учащихся московских школ-гимназий с обучением по углубленным программам 12–13 лет имеет особый характер. Закономерности этих изменений уже не могут быть объяснены простой логикой усложнения или обогащения процесса категоризации. Мы видим, что по внешней картине категоризации группа Р2 12–13 лет не дает заметного прироста сложности этого процесса. Можно ли рассматривать этот факт как частое нежелание подростков группы Р2 соотносить воспринимаемую от живописи информацию с опытом организации собственных действий?

Мы не склонны считать полученный факт показателем снижения активности процессов категоризации в группе учащихся московских школ-гимназий с обучением по углубленным программам 12–13 лет. Судя по высокой активности процесса категоризации типа *присоединения*, и по высокому проценту категоризации типа *отрыва* (28,1 %), нет оснований считать процент категоризации типа *слияния* показателем пассивности детей этой группы в процессе восприятия. Возможно, целый ряд изменений внешней формы категоризации в возрастном параметре этой группы связан с развитием у детей внутреннего плана этого действия.

У нас есть основание предполагать, что данный факт связан с тем, что при простом назывании объектов и событий учащиеся этой группы значительную часть выполняемой ими категоризации проводили в умственном плане, не вербализуя все присоединяемые категории. Видимо, сформировавшиеся к подростковому возрасту системы категоризации позволяли подросткам московской группы часть процесса категоризации признаков и свойств объектов производить почти автоматически, без их развертывания в громкой речи.

В определенной степени, наше предположение соотносится с результатами, полученными в свое время А.Н. Леонтьевым в экспериментах по изучению развития опосредованного запоминания у детей. Известный «параллелограмм памяти» Леонтьева показывал уменьшение роли внешних опор психических процессов в средних и старших классах. Это приближало данные по использованию средств старшеклассниками к данным детей дошкольного возраста. Согласно трактовке многих психологов, в этом отражена закономерность перехода учащихся к опоре на внутренние средства анализа информации.

Высокий удельный вес категоризации типа *отрыва*, продемонстрированный подростками московских школ-гимназий показывает, не только активность мыслительного процесса учащихся, но прежде всего большую степень его автономности от непосредственно воспринимаемого объекта. В данном типе категоризации явно проявляется произвольность процессов воображения, развертывающихся при восприятии репродукций картин. Подростки же группы казахоговорящих казахов показали наименьший процент категоризации по типу *отрыва*, что свидетельствует о значительной зависимости процесса мышления детей от непосредственно воспринимаемого объекта.

В общей картине результатов видно, что процессы категоризации произведений

живописи раскрывают достаточно богатую палитру характеристик когнитивных процессов испытуемых. Картина распределения категоризации в группах испытуемых не только показывает нарастание сложности этого процесса с возрастом, но и раскрывает глубину когнитивного скачка, который совершают казахоязычные дети в ходе обучения в школе. При всем многообразии изменений процессов категоризации с возрастом, явно выделяется существенное изменение типов категоризации в группе казахоязычных казахов.

В нарастании подключения к информации, воспринимаемой в произведениях живописи, рассуждений о характере героев, о сюжете и о себе лично можно видеть проявление «зоны ближайшего развития» детей, живущих до обучения в школе в ситуации, не требующей опоры на знаково-символическую образную культуру. В категоризации казахоязычных детей-казахов этот скачок к знаковым формам культуры проявился резко и заметно, в виде нарастания процента присоединения к информации своих рассуждений и даже появления отрыва этих рассуждений от называния изображенных объектов. Для детей всех других групп переход к школьному обучению не связан со столь значительным изменением характера восприятия и категоризации информации.

Можно считать, что процессы категоризации являются областью, раскрывающей нам специфику не только мышления, но и целого ряда личностных позиций испытуемых.

Давлетова А.Д., Шабельников В.К

Ориентировка личности в психологическом пространстве родительской семьи (на материале исследования казахской семьи)

Проблема формирования личности ребенка в семье является одной из центральных в психологии. В последнее десятилетие, проявляются две тенденции, придающие особую актуальность проблеме развития личности в этнически своеобразной многодетной семье. Во-первых, усилился интерес к изучению этнических проблем и формированию личности в различных этнических типах семьи. Значимость этого аспекта исследования личности связана, в частности, с обострением межэтнических взаимодействий, корни которого уходят в своеобразие развития личности в той или иной этнической культуре. Во-вторых, возрос интерес к изучению своеобразия личности в целом, стремление сделать личность центром общественных интересов (личностно ориентированная педагогика, политика, экономика).

Особую остроту и актуальность этнопсихологические проблемы приобретают в отношении этносов, претерпевающих резкие

исторические изменения в течение последних десятилетий XX и начала XXI в. Одним из них является казахский этнос, с одной стороны, еще сохраняющий традиционную структуру семьи в значительной мере, составляющую основу организации этноса, а с другой – переживающий исторический перелом, связанный с изменением как базисной структуры семьи, так и психологии личности. Социально-экономическая перестройка последних десятилетий, породила ряд глубоких противоречий в традиционной структуре казахского этноса, что находит отражение в изменении психологического пространства казахской семьи.

При этом, в современной психологии нет достаточного количества работ, посвященных изучению формирования личностных характеристик, зависящих как от этнических особенностей семьи, так и от положения ребенка в структуре семьи. Целью нашего исследования было выявление особенностей ориентировки личности в психологическом пространстве казахской родительской семьи, определяемых положением человека среди братьев и сестер (старший, средний, младший).

Проблема развития личности занимает одно из ведущих мест в психологии, ей посвящено множество исследований как отечественных (Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, Л.С. Выготский, Э.В. Ильенков, А.Н. Леонтьев, В.К. Шабельников, Д.Б. Эльконин и др.), так и зарубежных (З. Фрейд, А. Адлер, Ф. Гальтон и др.).

Основной проблемой нашего исследования является изучение влияния положения

личности в структуре родительской семьи на его ориентировку в психологическом пространстве этой семьи. Психологическое пространство родительской семьи представляется здесь как социальная ситуация развития личности и исследование ориентировки личности в нем; выделение личностных характеристик, раскрывающихся через особенности этой ориентировки.

В понимании личности в психологии выделяются несколько исследовательских линий, которые в первую очередь затрагивают проблему источников ее развития.

Л.С. Выготский, рассматривая источники развития личности, пишет о том, что одна из величайших помех для теоретического и практического изучения детского развития – неправильное решение проблемы среды и ее роли в динамике возраста, когда среда рассматривается как нечто внешнее по отношению к ребенку, как обстановка развития, как совокупность объективных, безотносительно к ребенку существующих и влияющих на него самим фактом своего существования условий.

К началу каждого возрастного периода складывается совершенно своеобразное, специфическое для данного возраста, исключительное, единственное и неповторимое, отношение между ребенком и окружающей его действительностью, прежде всего социальной. Это отношение мы назовем *социальной ситуацией развития* в данном возрасте. Социальная ситуация развития представляет собой исходный момент для всех динамических изменений, происходящих в развитии в течение данного периода. Она определяет целиком и полностью те формы и тот путь, следуя по которому, ребенок приобретает новые и новые свойства личности, черпая их из социальной действительности, как из основного источника развития, тот путь, по которому социальное становится индивидуальным.

Представление Л.С. Выготского о социальной среде как факторе развития личности, введенное им в его учение о динамике и структуре психологического возраста, является основополагающим тезисом в рамках нашего исследования.

Иное понимание источников развития личности представлено в теории З. Фрейда. Фрейд, раскрывая особенности развития ребенка с детства, вводит понятие «эдипов комплекс» (аналогичный конфликт у девочек получил название «комплекс Электры»). Согласно его теории, в норме, у девочек и мальчиков эдипов комплекс развивается по-разному. Суть – состоит в том, что объектом любви у мальчика выступает мать, и он стремится играть роль своего отца. Отец становится его главным соперником и врагом. Соперничество ведет за собой страх (страх кастрации), заставляющий его отказаться от инцеста с матерью. В возрасте между 5–7 годами, Эдипов комплекс разрешается: мальчик подавляет свои сексуальные желания в отношении матери и начинает идентифицировать себя с отцом (идентификация с агрессором). В результате он приобретает систему ценностей, моральных норм, моделей поло-ролевого поведения. Еще более важным является то, что мальчик интернализирует родительские запреты и основные моральные нормы.

Идеи развития личности Л.С. Выготского, были продолжены Д.Б. Элькониным, А.Н. Леонтьевым, Л.И. Божович, В.К. Шабельниковым и др.

Объясняя развитие личности ребенка, Д.Б. Эльконин отмечает взаимосвязь между изменением в обществе в ходе исторического развития и изменением места ребенка в нем: вначале связь ребенка с обществом была прямой и непосредственной, он составлял органическую часть совокупной производительной силы общества и участие ограничивалось его физическими возможностями, но по мере усложнения средств производства и общественных отношений связь ребенка с обществом изменяется, превращаясь из непосредственной в опосредованную процессом воспитания и обучения. Исходя из системы «ребенок – общество», Д.Б. Эльконин переходит к системе «ребенок – семья», так как все больше в процессе общественного развития функции воспитания и образования передаются семье, а в системе семьи Д.Б. Эльконин уже выделяет отношения «ребенок – отдельный человек»: взрослый выступает перед ребенком не со стороны случайных и индивидуальных качеств, а как носитель определенных видов общественной по своей природе деятельности,

осуществляющий определенные задачи, вступающий при этом в разнообразные отношения с другими людьми и сам при этом подчиняющийся определенным нормам.

Раскрывая социальную природу человеческой психики, Л.С. Выготский использует понятие интериоризации: всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцене дважды, в двух планах, сперва – в социальном, потом – психологическом, сперва между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка как категория интрапсихическая.

В.К. Шабельников продолжает, что вначале новое действие ребенка формируется как совместное, коллективное, с участием взрослого, направляющего это действие в соответствии с уже выбранной логикой, затем ребенок регулирует это действие по этой же логике сам, с помощью интериоризированных психологических средств.

А.Н. Леонтьев, разрабатывая идеи Л.С. Выготского, приходит к выводу о зависимости развития психики не от деятельности вообще, а от ведущей деятельности: признаком перехода от одной стадии к другой является изменение ведущего типа деятельности, ведущего отношения ребенка к действительности.

Ведущая деятельность стала рассматриваться как критерий периодизации психического развития, как показатель психологического возраста ребенка, и в ней дифференцируются другие виды деятельности, перестраиваются основные психические процессы и происходят изменения психологических особенностей личности на данной стадии ее развития.

«Личность, – пишет Э.В. Ильенков, – не только существует, но и впервые рождается именно как «узелок», завязывающийся в сети взаимных отношений, которые возникают между индивидами в процессе коллективной деятельности (труда) по поводу вещей, созданных и создаваемых трудом».

Сама личность, с одной стороны, уже «продукт» социальных связей, а с другой – их созидатель и активный творец. Исследование личности есть всегда другая сторона исследования общества. Значит, важно рассматривать личность в целостной системе общественных отношений, каковую и представляет собой общество, т. е. в некотором «социальном контексте». Этот «контекст» представлен системой реальных отношений личности с внешним миром.

«...формирование личности, – пишет В.К. Шабельников, – идет как свертывание общественного процесса, как заворачивание единых линий культурно-исторического движения в кругообороте личности. С точки зрения самой личности ее формирование выступает как развертывание собственных идеалов ее деятельности, как непрерывное снятие ее внутренних противоречий».

Так, Л.И. Божович, анализируя формирование личности в детском возрасте, подчеркивает, что «если анализ факторов психического развития надо начинать с того места, которое ребенок фактически занимает в среде, то ограничиваться только этим анализом никак нельзя». Исходя из этого, она пишет о необходимости различать позицию как «объективное положение ребенка, которое он занимает в жизни», его собственную «внутреннюю позицию», то есть то, как он сам «относится к окружающему, и прежде всего к своему положению» и «какое положение он хочет занимать».

По определению А.Н. Леонтьева, «возникновение психических процессов человека есть продукт его деятельности. Первоначально социальная, внешне опосредованная, она лишь в дальнейшем превращается в индивидуальную – психологическую и внутреннюю, сохраняя вместе с тем свою принципиальную структуру».

Рассматривая взаимодействие субъектов в качестве функциональной системы, мы должны найти его функцию, так как «функция является детерминирующим началом системы, организующим ее форму и структуру. Функция системы – это материально организованная активность, направляемая конкретной структурой противоречий, снимаемых системой. Противоречия в движении общественной деятельности снимаются через возникновение в ее структуре производственных объединений, государств, политических движений, партий, религий, процессов культуры и т. п. Живя в условиях постоянно

организующего контроля со стороны общества, – пишет В.К. Шабельников, строя свою деятельность во взаимном обмене с другими людьми, человек начинает контролировать и организовывать свое поведение и психические процессы с точки зрения других людей, сам становится общественным контролером своих действий, интериоризирует «интерпсихические» формы сознания.

Социальная детерминация личности рассматривается не как подчинение личности или подавление ее биологической природы обществом, а как выделение личности из общества «путем свертывания в ее системе части проходящего через нее движения общественной деятельности». Чем больше общественной деятельности свернуто в системе личности, тем менее личность зависит от непосредственного воздействия на нее социального поля, подчиняя свою активность не столько прямому воздействию окружающих, сколько движению социальных противоречий уже внутри самой личности.

Родившийся ребенок еще полностью зависит от социального поля, от общения с ним взрослых, определяющих своей активностью развитие новой личности. По мере же личностного развития человек все более теряет обаяние своей изначальной гибкости, становится все более независимым в формах своей активности от непосредственного воздействия окружающих. Наоборот, общество становится все более зависимым от развернувшейся в нем деятельности личности.

Социальные достижения личности, являются, в первую очередь, результатом развития особых личностных характеристик.

Исследованиям влияния порядка рождения на личностные характеристики, посвящено большое количество работ западных исследователей и получено немало эмпирических результатов. Но эта область исследований не пользовалась большим вниманием у отечественных исследователей – лишь у немногих обнаружены опубликованные материалы по данному вопросу (Г.Т. Хометаускас, В.Я. Титаренко, Т.К. Карацуба, Т.А. Думитрашку, Ж.С. Джандосова).

А. Адлер, обращает внимание на особенности влияния родительских установок и ценностей на опыт детей. Он отмечает, что позиция каждого ребенка, предполагает характерные проблемы, в частности, положение первенца можно считать завидным пока он – единственный ребенок в семье: он получает безграничную любовь и заботу родителей. Но следующий ребенок, лишает его привилегированного положения своим появлением. Адлер описывает положение первенца при рождении второго ребенка, как положение «монарха, лишённого трона», этот опыт может быть очень травматичным. В результате семейной борьбы первенец «приучает себя к изоляции» и осваивает стратегию выживания в одиночку. Адлер также полагал, что самый старший ребенок в семье, скорее всего, консервативен, стремится к власти и предрасположен к лидерству. Первенец, стремится завоевать, подобно взрослым, власть и авторитет благодаря выдающимся достижениям. Можно ожидать, что в результате исследований, мы увидим у первенцев высокий уровень образования и высокий статус, которые также должны выделяться благодаря своим успехам в интеллектуальной деятельности. Он часто становится хранителем семейных установок и моральных стандартов.

Близкой к позиции старшего субъекта в структуре семьи находится позиция единственного ребенка, которая, по мнению Адлера, не менее уникальна. Единственный ребенок в семье очень эгоистичен и заинтересован в том, чтобы находиться в центре внимания. Отсутствие соперничества, наряду с особой чувствительностью к материнской заботе, часто приводят единственного ребенка к сильному соперничеству с отцом. У единственного ребенка, никогда ни с кем не делившего свое центральное положение, не боровшегося за эту позицию с братьями или сестрами, часто бывают трудности во взаимоотношениях со сверстниками.

Среднему ребенку, по Адлеру, с самого начала задает темп его старший брат (сестра). Ситуация стимулирует его побивать рекорды старшего брата (сестры). Благодаря этому нередко темп его развития оказывается более высоким, чем у старшего ребенка. Например,

второй ребенок, может начать раньше чем первый разговаривать или ходить: «Он ведет себя так, как будто состязается в беге, и если кто-нибудь вырвется на пару шагов вперед, он поспешит его опередить. Он все время мчится на всех парах». В результате средний ребенок вырастает соперничающим и честолюбивым. Его стиль жизни определяется постоянным стремлением доказать, что он лучше своего старшего брата или сестры. Для среднего ребенка характерна ориентация на достижения. Он может ставить непомерно высокие цели, что фактически повышает вероятность возможных неудач. Небезынтересен тот факт, что Адлер сам был средним ребенком.

Позиция последнего или младшего ребенка, по мнению Адлера, также особенная. Он никогда не испытывает шока «лишения трона», и, будучи «баловнем» семьи, окружен заботой не только родителей, но и старших братьев и сестер. Однако он может испытывать сильное чувство неполноценности, наряду с отсутствием чувства независимости. Он имеет одно преимущество, у него высокая мотивация превзойти старших детей в семье. Адлер также утверждал, что младший ребенок получает изнеженное воспитание и это может привести к конфликту между стремлением к независимости и фактической зависимостью от других членов семьи. Имеющаяся склонность к сильной зависимости от других, позволяющая им в детстве немедленно решать проблемы, может обернуться впоследствии высокой вероятностью алкоголизма.

Утверждения Адлера, об особом развитии личности ребенка в зависимости от порядковой позиции в структуре семьи, получив резонанс в научной литературе, не подвергались прямой проверке, и это, по мнению Л. Хьелл, Д. Зиглер, не дает возможности оценить их валидность. Однако, адлеровские идеи положили начало ряду эмпирических исследований в этой области.

Влияние родительского отношения на детей, занимающих разное порядковое положение, было значительно расширено, в частности, обнаружено, что матери, сами занимающие в семье позицию первого ребенка, демонстрируют большую вовлеченность в жизнь своих дочерей, и даже навязчивость, и у них более дифференцировано чувство «я». Причем дифференциация себя и другого, отрицательно связана с «социальным интересом» (под термином «социальный интерес» авторы, вслед за Адлером, понимают идентификацию, эмпатию, кооперацию и альтруизм).

Согласно исследованиям J. Dunn, R. Plomin, M. Nettles, причину личностных различий между детьми следует искать не в поведении родителей. Исследователи подвергли изучению 50 семей (дети в возрасте одного года, с интервалом в 35 месяцев). Оценивались эмоциональные реакции матери, проявление внимания и контроля за ребенком во время кормления и свободной игры. Оказалось, что матери, со всеми своими детьми в этом возрасте обращаются очень сходно и ведут себя с детьми одного и того же возраста одинаково. Что позволило исследователям утверждать, что – поведение матери не может быть источником заметных индивидуальных различий у детей.

Представители психоаналитического направления утверждают, что старший ребенок – носитель максимального либидинозного вклада обоих родителей. Младший амбициозен, честолюбив, склонен к бунтарству и поиску паритета в любых отношениях. Поиск равенства является основной проблемой младшего ребенка из двухдетной семьи (Винникот 1995).

Вильнюсский психолог Г.Т. Хометаускас, отмечает, что при воспитании первого ребенка родители неуверенны в своих действиях и боятся ошибок. Это ведет к непоследовательности стратегий: то они жестки, то мягки и либеральны. Дети воспринимают таких родителей как непостоянных, поведение которых трудно предвидеть. В ответ – дети могут начать скрывать свои чувства.

Старшие дети, испытывая неприязненные чувства к младшим, могут объединяться с ними против матери. Двойственность чувств, неприязнь, поддержка, забота – все эти качества могут проявляться в поведении старших детей (Данн, Кендрик).

М. Земска также отмечает, что чрезмерная опека матерью младшего ребенка зачастую приводит к его более позднему социальному развитию. В общении с первым ребенком

родители учатся родительству, с последующими детьми, они уже более опытные и менее напряжены.

Именно старшие дети чаще испытывают муки ревности, которые зарождаются в результате появления младшего ребенка. М. Земска отмечает, что при небольшой разнице в возрасте между детьми особенно сильна конкуренция, которая возникает на фоне выделения родителями кого-то из детей. Мотив соперничества, а то и открытой вражды фигурирует в мифах, сказках, легендах почти всех народов: Каин, убивший брата Авеля; Ромул, своими руками умертвивший брата-близнеца Рема, из-за опасения, что тот попытается захватить власть в Риме.

Жизненная позиция второго ребенка, по мнению Хометаускаса, отличается амбициозностью, которая формируется из-за постоянного сравнения его со старшим ребенком в семье. Старший ребенок провоцирует второго на разного рода состязания, или на совершение наказуемых поступков чтобы самому выглядеть «хорошим» в глазах родителей, в которых второй неизбежно проигрывает. Младшим в данной ситуации, с одной стороны владеет желание заслужить уважение старшего, а с другой – родителей. Выходом для него, зачастую становится уход в регрессивные формы поведения. По мнению Хометаускаса, большая разница в годах между детьми, способствует меньшей остроте соперничества. Старший, в данном случае, становится «недостижимым идеалом», с которым бесполезно конкурировать, и родители склонны меньше сравнивать детей, чувствуя неадекватность такого сравнения.

Появление нового ребенка в семье настолько привлекает внимание взрослых, что старший ребенок оказывается в изоляции. Но роль братьев и сестер возрастает при потере одного из родителей. Старший ребенок для младшего представляет определенную социальную опору, а иногда берет на себя функции родителей.

Путь следования за старшим приводит второго ребенка к существованию в его «тени», травмирует его и ведет к желанию выхода из этой ситуации. Хометаускас, теоретически выделяет три стратегии поведения для второго:

1. Ребенок воспринимает старшего брата (сестру) как преграду между ним и родителями, поэтому он стремится унижить старшего брата (сестру) в глазах родителей, прибегая к ябедничеству, хвастовству и др. Это вызывает месть старшего. Такая вражда часто сохраняется и в зрелом возрасте и ведет к выраженным нарушениям личности (преимущественно у младшего).

2. Ребенок старается сломать родительские ограничения. Одновременно выступая против родителей, он идет и на поиск контакта с ними («Я заставлю Вас считаться со мной таким, какой я есть»). Родители воспринимают это как результат недостаточно строгого воспитания и ужесточают меры. Получается замкнутый круг, с большей вероятностью ведущий к формированию асоциальности младшего ребенка.

3. Ребенок теряет надежду добиться любви окружающих и отказывается от борьбы за себя. Формируется крайне низкая самооценка, он замкнут и необщителен. Попытки взрослых воздействовать на ребенка заканчиваются тем, что он специально демонстрирует глупость и неловкость.

Старшие девочки более склонны к объяснениям, разрешая высказать младшим свои соображения, в отличие от старших мальчиков, которые чаще применяют физическую силу, навязывая свое превосходство младшим. Старшие сестры более умелые в роли учителей, чем старшие братья. Младшие дети охотней воспринимают в роли учителя старшую сестру, чем старшего брата. Но мальчики, у которых есть старшие братья, проявляют больше мужских интересов, чем мальчики, имеющие старших сестер. Девочки, имеющие старших братьев, более честолюбивы и агрессивны, обладают скорее мужскими чертами характера (Розенберг).

Средний ребенок, по мнению Хометаускаса, не обладает преимуществами первенца или малыша, и поэтому чувствует несправедливость, отверженность, обиду и выбирает одну из двух стратегий:

1. Покладистость, послушность, оказание родителям услуг няни для младших детей.

2. Интриги, ябедничество, физическая борьба с другими братьями (сестрами). При этом установка, что «своего можно добиться только так», может закрепиться, если родители не замечают этого сигнала невключенности ребенка в семью.

«Обиженный ребенок всегда остро ощущает неравномерность тепла и внимания, и по-своему реагирует: в одних случаях он становится робким, замкнутым, неуверенным в себе, в других драчуном и задирой» (В.Я. Титаренко).

При взаимодействии двух человек, больше свободы имеет тот, кто старше. Поведение ребенка соответствует выработанной у него социальной норме поведения. У ребенка определенной позиции в семье может быть сформирована характерная социальная норма (Shatland, 1971).

У единственного ребенка, по мнению Хометаускаса, более ограниченный личностный опыт (известно высказывание С. Холла о том, что быть единственным ребенком, значит уже иметь в себе болезнь). У единственного ребенка нет возможности сравнивать себя с братьями (сестрами), а сравнение себя с взрослыми рождает у него ощущение слабости и несовершенства, формируя неадекватную самооценку. Из-за гиперопеки, он начинает чувствовать себя нуждающимся в помощи, зависимым, становится требовательным. Единственный ребенок, менее популярен у сверстников, из-за неумения общаться и учитывать интересы других. Но, если родители оставляют ребенку право на собственную инициативу, возможность самому преодолевать препятствия, то положение единственного ребенка – не так печально. Единственный ребенок имеет больше «родительских ресурсов» (возможность обучения, лучшего материального обеспечения). Хометаускас полагает, что родители одного ребенка больше влияют на развитие его личности, чем в ситуации нескольких детей.

Большое количество исследований связано с изучением социальных достижений детей, различающихся порядком рождения. Френсис Гальтон обнаружил, что в биографиях членов королевского научного общества, преобладают первенцы и единственные дети (результаты были опубликованы в работе «Английские люди науки» (1874). Гальтон считает, что полученные факты, являются результатом закона о первородстве, в соответствии с которым перворожденный ребенок имеет средства для занятий любой деятельностью.

Исследований социальных достижений детей, различающихся порядком рождения, – достаточно много, и, в основном, они схожи по полученным результатам. В частности, Дж. Кеттел (1917) обнаружил, что среди 855 выдающихся американских ученых большинство – старшие и младшие дети в семье, средних – значительно меньше;

Эллис (1926), констатируя биографические данные (проанализировал словарь национальных биографий), отмечает среди них большее количество перворожденных и младших детей, и гораздо меньшее – средних; Апперли отмечает, что престижные стипендии Оксфорда получают дети, происходящие из двудетных семей, причем две трети из них – первенцы. Результаты вышеперечисленных исследований обобщены У. Альтус в работе «Порядок рождения и его последствия».

В исследованиях, выполненных позднее (Zweigenhalt, Вагнер, Шуберт, Melillo, Д. Фримен), (среди членов Конгресса США, среди президентов США, среди женщин, имевших научные степени в области медицины философии и др.) также отмечены особые социальные достижения старших детей в семье.

Основным объяснением высоких социальных достижений первенцев (старший и единственный ребенок в семье), по сравнению с младшими и тем более средними детьми, был закон о первородстве, а также особая ситуация, травмирующая первенца, складывающаяся в семье с появлением следующего ребенка, которая приводит в последующем к высоким социальным достижениям первенцев.

Брайант (1982) отмечает, что для первенца образцами для подражания являются родители и учителя, а для остальных детей – родители и старшие дети. Первенцы проявляют больше стремления в достижении успехов и менее агрессивны, в то время как младшие дети

– в отношении со старшими обретают необходимые социальные умения.

Согласно эмпирическим исследованиям Harris & Howard, первенцы продемонстрировали более высокую степень развития моральной ответственности по сравнению с другими позициями детей. Развитию ответственности у старших способствует уход за младшими (Уайтинг и Уайтинг).

Однако имеется и иное мнение относительно социальных достижений детей. Фрэнк Салловэй (США) автор эволюционно-психологической концепции порядка рождения, изучая биографии многих известных во всем мире людей, приходит к выводу, что грандиозные научные открытия, политические и религиозные революции в основном совершали люди, которые были средними детьми в своей семье. Ф. Салловэй связывает полученный результат с развитием особых социальных способностей и системы ценностей средних детей, позволяющих им быть революционерами, нонконформистами, открытых новому опыту, а также способных искать кардинально новые пути в науке или какой-либо другой области. Особые социальные способности и особенности мотивационной сферы, по мнению Ф. Салловэя, обусловлены именно положением – «нишей» (под семейной нишей Ф. Салловэй понимает индивидуальную среду ребенка в рамках семьи) среднего ребенка в семье и связанными с ним адаптивными проблемами.

Как уже было изложено выше, позиция Ф. Салловэя, отличается от позиций других исследователей. Автор в своей концепции основывается на теории «конфликта за ресурсы между родителями и потомством», заключающейся в несовпадении интересов родителей и конкретного ребенка. Конфликт между родителями и потомством основан на том, что каждый ребенок требует от родителей больше ресурсов, чем те могут предоставить (Buss, 154).

Дети вынуждены соперничать за внимание родителей, за их ресурсы, которых всегда недостаточно, родители, же склонны проявлять фаворитизм к одним детям, по сравнению с другими. Фаворитизм проявляется в разных сферах жизни (питании, воспитании, родительской ласке). В результате соревнования за доступ к родительским ресурсам, у детей развивается адаптивная стратегия поведения. Поэтому неудивительно, что отношения детей амбивалентны.

Родительский фаворитизм в отношении старшего ребенка тщательно замаскирован и меняется с изменяющимися потребностями и возможностями ребенка. Однако в экстремальной ситуации, когда интересы одного ребенка должны быть принесены в жертву интересам другого, с большей вероятностью жертвой будет младший (это положение является кросс-культурной универсалией). Именно собственная безопасность, зависящая от родительского фаворитизма, и делает старших детей защитниками родительских ценностей. Следовательно они более консервативны и желают сохранить status quo в семье, в то время как остальные дети и, особенно средние, более склонны быть «бунтовщиками и мятежниками».

Последний ребенок находится в выигрышном положении, получая родительские ресурсы не «разбавленными» нуждами младших конкурентов. Он является «маленьким любимцем семьи», так как, старшие как правило, к этому времени успевают реализоваться и связанные с этим напряжения родителей ослабевают.

В проигрыше, по мнению Ф. Салловэя, остаются средние дети. Они стремятся обрести независимость от семьи, обеспечивая себя, заводят свою собственную семью. Средние дети имеют меньшую родительскую поддержку и стараются не прибегать к ней, но в ответ не интересуются и делами семьи. Будучи уже взрослыми, редко видятся с родственниками, часто живут далеко от них. Эта тенденция ведет к тому, что средние дети, больше ориентированы на реципрокные (взаимные) отношения с друзьями и партнерами.

Острая борьба, с эволюционной точки зрения, происходит между индивидами, использующими одну стратегию поведения. Занятая благоприятная ниша, снижает успех, что побуждает индивидов искать ниши, где борьба менее напряжена. Этим объясняется стремление средних детей отделиться от родительской семьи, где они проигрывают борьбу

за ресурсы и их большую открытость новому опыту.

Таким образом, исследование Ф. Салловэя, фактически не противоречит другим исследованиям, так как с теоретической позиции эволюционной теории раскрывает влияние родительских отношений на развитие личностных особенностей детей различающихся порядком рождения – старшего и младшего, имеющих семейную нишу и относительно их невыгодную, или проигрышную позицию среднего ребенка, вынужденного бороться за занятые «ниши». Результатом борьбы становится, по мнению автора, проигрыш средних детей в семье, но и особая социальная активность.

Эмпирические исследования, которые приводятся ниже, качественно дополняют особенности развития личности детей, различающихся порядком рождения.

Так, в исследованиях по самооценке детей в зависимости от порядка рождения обнаружено, что первые дети имеют более высокую самооценку по сравнению с самооценкой последнерожденных детей. Последнерожденные – продемонстрировали самую низкую самооценку по параметру «счастье», включающему в себя здоровье, семейные взаимоотношения, брак, отношения с родственниками, друзьями, религию, финансы, безопасность и работу. Исключением являются взаимоотношения с родней, которые оказались у последнерожденных лучше, чем у других. (Coopersmith).

В исследованиях локуса контроля – перворожденные обнаружили интернальный локус контроля, им присущи такие качества, как способность лучше понимать причину конфликтных отношений родителей, их проблемы и мотивы поступков, по сравнению с детьми других порядковых позиций (Kurder).

Согласно выводам исследования Lamb et al первенцы характеризуются автономностью, самодостаточностью (Miller & Maruyama). По мнению авторов, основным фактором развития вышеперечисленных личностных характеристик является большее количество внимания, уделяемое первым детям, а также предъявляемые к ним высокие требования и высокое положение в семейной иерархии.

В работах M. Wagner, H. Schubert, Robertson отмечено, что самые высокие интроверсия и тревожность наблюдались у первенцев в семьях с низким социально-экономическим статусом, но по мере его повышения, баллы интроверсии и тревожности снижались. У последних детей в семье, наоборот, интроверсия и тревожность растут вместе с социально-экономическим статусом.

Однако в исследовании Thompson, как и в работе T. Singh, данные по социально-экономическому статусу семьи не учитывались, но утверждалось, что у более поздних по последовательности рождения испытуемых, наоборот, экстраверсия выражена отчетливее, а по шкале тревожности у первенцев показатели ниже, чем у третьих – пятых детей.

В семьях, где детей немного, они более эмоциональны и экстравертированы, дети в малых семьях больше привязаны к родителям, больше индивидуализированы (R. Narchal).

Интересно, что для перворожденных отмечены различные пороки зрения: дальновзоркость и близорукость, которые в свою очередь коррелируют с некоторыми психологическими чертами (Pimentel, Becker). С близорукостью, связываются интроверсия, заторможенность и инертность в бытовой жизни, но активность в социальной, а с дальновзоркостью – экстравертированность, импульсивность, физическая активность, но социальная пассивность (Mull, Pimentel).

Беккер показал, что нарушение зрения с гораздо большей достоверностью встречается у перворожденных, а нормально видящих больше среди детей других порядковых позиций. Кроме того, по мнению автора, близоруким свойственны такие черты как автономность, потребность в аффилиации, воспитанность, выносливость и эмоциональная зависимость. Обсуждается вопрос о том, является ли нарушение зрения причиной или следствием определенных личностных черт.

В исследовании школьной успеваемости и школьной адаптации выявлено, что перворожденные, имея лучшую успеваемость, в отличие от последнерожденных, испытывали больше проблем как учебного так и личного плана. Эти переживания касались

вопросов соперничества. Переживания последнорожденных связаны с вопросами питания, сна, внутрисемейных взаимоотношений. Наиболее беспроblemными в этом отношении, оказались средние дети (Кеннеди).

В исследовании детей с проблемами адаптации в школе (679 человек) обнаружено, что большие сложности с адаптацией в школе – у «промежуточных» детей. Эти же дети менее успешны в школьной успеваемости (в данной работе, по некоторым измерениям, корреляции незначительны). Исследователи высказывали суждение, что значимость корреляций может отличаться в трехдетных семьях и в семьях большего размера (Р. Каллагер); в исследовании Ishiama, отмечено разное отношение к неуспеваемости самих детей, так послерожденные больше боятся негативных последствий академической неуспеваемости, а перворожденные меньше обеспокоены академической неуспеваемостью, что исследователями связывается с получением положительного опыта в детстве.

Единственные дети получают более высокие оценки в школе, но при этом более тревожны. Они менее предрасположены к организаторской, исполнительской деятельности и более – к интеллектуальной, допускающей высокую степень индивидуализации стиля и творчества. Единственные дети, либо сильно привязаны к родителям, либо в результате компенсации и гиперкомпенсации чрезвычайно самостоятельны (Т.К. Карацуба).

Значительный эмпирический материал имеется по изучению креативности и интеллекта детей разных позиций в семье. В отечественной психологии проблему связи интеллектуального развития детей с порядковым номером рождения рассматривали П. Блонский, И.В. Рабич-Щербо, Т.А. Думитрашку, Е.Л. Григоренко и др. В зарубежной психологии А. Анастаси, R. Zajonc, H. Markus, W. Velandia, G. Grandon, E. Page и др.

В большинстве исследований обнаружено понижение коэффициента интеллекта с увеличением порядка рождения. Отрицательное действие фактора размера семьи, по мнению А. Анастаси может отразиться на обществе в целом, так как в исследованиях продемонстрирован факт снижения уровня интеллекта по популяции с высоким уровнем рождаемости.

R. Zajonc, H. Markus предложили модель интеллектуального развития, объясняющую причину полученных эмпирических данных. Согласно «модели» для каждой семьи характерна специфическая интеллектуальная обстановка. Из модели следует, что большего интеллектуального развития следует ожидать в малых семьях, с большей разницей лет между детьми. Первенец выигрывает благодаря тому, что в течение определенного периода времени (до рождения второго ребенка), живет с двумя взрослыми, которые обеспечивают ему относительно «обогащенную» интеллектуальную среду. Вторым по счету ребенок, напротив, живет с двумя взрослыми, делящими свое внимание между ним и первым ребенком.

Идея авторов модели, четко показывает связь «порядка рождения – интеллекта», однако, недостаточна для объяснения многочисленного эмпирического материала, например, отсутствие отца ребенка должно было бы ухудшить оценки интеллекта, как предсказывается по модели, но интеллект детей не ухудшается. Увеличение взрослых должно улучшить показатели интеллекта, – но и этого не происходит и др. Однако, безусловно основное значение «модели» заключается в выявлении интерперсонального эффекта влияния на интеллектуальное развитие детей.

Исследование детей одних и тех же родителей ведется в области психогенетики. Важным отличием психогенетики от многих разделов психологии является ее интерес к индивидуальным (межиндивидуальным), а не групповым (межгрупповым) различиям. «Предметом психогенетики является происхождение индивидуальных психологических особенностей человека...».

Психогенетическое исследование может предсказать популяционную вариативность по интеллекту, который зависит от общей семейной среды, и тем самым направляет исследовательскую работу психологов на поиск конкретных показателей общей семейной среды (например, социально-экономических характеристик семьи), обуславливающих это

влияние.

В рамках теоретической психогенетической модели исследователи выделяют два основных типа средовых влияний: *общие и индивидуальные*. Термином «общая» (межсемейная, семейная, разделенная среда – описываются типы средовых влияний, единые для всех членов изучаемых пар родственников. Выделяют два класса общих средовых влияний:

1. Общесемейная среда, которая дифференцирует разные семьи, но которая едина для всех членов одной семьи (жилищные условия, уровень образования родителей).

2. Семейная среда, единая для определенных пар родственников – близнецовая, родительско-детская, которую разделяют члены исследуемых пар родственников (например, школьная среда близнецов, обучающихся в одном классе – общая для близнецов, но не входит в родительско-детскую среду).

Термином «**индивидуальная**» внутрисемейная, уникальная, специфическая, неразделенная, случайная среда – описываются те типы среды, которые различаются для членов семьи (круг друзей, рабочая обстановка, специфичные для каждого члена семьи).

В исследовании Т.А. Думитрашку выявлено, что по исследуемым когнитивным характеристикам (вербальный интеллект, способность к абстракции, память, креативность и др.) уровень развития детей из многодетной семьи, ниже уровня развития единственных детей. Наиболее заметны различия единственных детей по сравнению с детьми из многодетной семьи в сфере вербального развития (вербальный интеллект, вербальная память). Исследователь приходит к выводу, что рост размера семьи сопряжен со снижением качества общения, а в качестве возможных факторов влияния, называются образование родителей (как средовая составляющая интеллектуального потенциала), изменение родительских установок (авторитарность, телесные наказания), уменьшение воспитательных ресурсов семьи и др.

Исследователи обнаружили связь порядка рождения детей с ведущей сферой деятельности. С. Шахтер отмечает, что для перворожденных ведущей сферой является когнитивная, а для последнерожденных – эмоционально-волевая, связанная с социальными взаимоотношениями. Согласно ведущей сфере проявляется неконформизм субъекта. Повышенную конформность первенцев, в обыденных ситуациях отмечает Deutch; большую кооперативность в общении первых детей, по сравнению с младшими, для которых характерна аффективность и драчливость, – отмечает Dinn, Wohlford & Mr. Jones.

С. Шахтер (1959), обнаружил, что конформность и потребность к аффилиации (от англ. – affiliation – соединение, потребность в общении) более выражена у перворожденных. Эта потребность, по мнению С. Шахтера, возникает, в ситуациях индуцирующих (возбуждающих) тревогу, по поводу грозящей ломки существующих взаимоотношений (опубликовано в работе «Психология аффилиации»). Дополняет это исследование Helmreich & Hamilton, который сообщает о чувствительности первых детей по отношению к изменениям в отношениях, и к чужому мнению.

Исследования ведущей сферы деятельности тесно связаны с результатами, полученными в исследованиях особенностей общения детей разных позиций: первенцы обнаружили ориентированность на общение с взрослыми (Show et al 1978), а также на восприятие ценностей, признаваемых взрослыми. В речевом взаимодействии старшие дети – категоричны, директивны, по сравнению с младшими детьми. (M. Tomasello, S. Mannle).

В отношении единственных детей отмечено, что они более тонки, мягки, эмпатичны, эмоционально раскрепощены (Т.К. Карацуба); младшие дети продемонстрировали большую легкость в общении, следовательно и большую популярность среди сверстников (N. Miller & Y. Maruyama, F. Deutch, Lamb, Basket).

В отношении «промежуточных детей» исследователи отмечают, что они имеют столько друзей сколько хотят, но младшие дети – занимают вершину популярности, они наиболее привлекательны и для родителей, чем первенцы (Д. Фримен).

N. Miller & Y. Maruyama считают, что младшие дети вне семьи расцениваются

(сверстниками) как более приспособляемые, общительные и дружелюбно настроенные, они легче воспринимают окружающих и менее требовательны к ним. Младшие пользуются большим расположением сверстников, по сравнению с первенцами.

В работе S. Jiao, C. Ji, O. Jing, выявлено, что единственные дети более эгоцентричны, имеющие братьев и сестер – более настойчивы, легче кооперируются, больше уважают родителей (закономерность не изменялась от фактора профессии, образования родителей, а также количества поколений в семье). Исследованию подвергались две группы испытуемых: единственные дети и дети, имеющие братьев и сестер. К сожалению, исследователи сделали обобщенный вывод в отношении детей, имеющих братьев и сестер, приписывая такие качества как настойчивость, легкость кооперирования, уважительность к первенцам, и последующим детям в семье. Противоречат данному исследованию результаты исследования Фалбо, Полит. Единственные дети продемонстрировали большую склонность к сотрудничеству, чем первенцы или самые младшие дети в семье. Отметим, что теоретические положения Адлера об эгоистичности единственных детей в семье и о желании их находиться в центре внимания, в большинстве эмпирических исследований не находят подтверждения.

Выбор профессиональных предпочтений в значительной степени связан с развитием ведущей сферы деятельности. Как показывают исследования Bryant (1987), (опросник интересов Стронга-Кемпбелла), перворожденные продемонстрировали более высокие оценки по социальной и конвенциональной шкалам, что говорит о желании работать с людьми, вербальных способностях, проявляющихся в установлении связей и демократическом лидерстве (социальная шкала); о расположенности к материальному благополучию, власти, социальному статусу и предпочтениях работать в структурной иерархии (конвенциональная шкала). Они также проявили интерес к преподаванию, торговле, бизнесу, менеджменту, предпринимательству, работе в офисе. Последнерожденные показали только одно профессиональное предпочтение – склонность к занятиям спортом. Авторы объясняют предпочтения перворожденных высокой самооценкой и самоуверенностью; исследование связано с профессиональными предпочтениями девушек. Однако, исследование Bryant было проведено на подростках 12–14 лет, т. е. в возрасте, который находится ниже пределов, рекомендованных для использования тестов профессиональных предпочтений.

В других исследованиях старшие дети продемонстрировали отрицательный интерес к таким профессиям как летчик, полицейский, преподаватель земледелия (Helson & Cruchfield). Позжерожденные предпочитают занятия в исследовательских и социальных сферах и интересуются артистической карьерой (Lynch & Lynch).

Выбор профессии тесно связан с развитием интересов и способностей личности. Позжерожденные показывают большие оценки по шкале эмоциональной эмпатии и имеют тенденцию эмпатировать людям равным им по положению (Kalliopuska), в то время как перворожденные относятся с эмпатией к тем, кто отличается от них по статусу (Scotland). В исследовании, проведенном Brenner & Beutell обнаружено, что первенцы (мужская выборка) относятся резко негативно к людям, равным по статусу (например, к женщинам претендующим на роль менеджера). Эрнст и Агнст обобщая ряд исследований, приходят к выводу, что нет достаточно достоверных доказательств преобладания эмпатии у последнерожденных детей.

В исследованиях о влиянии порядка рождения на психическое состояние детей отмечается, что реальная высокая самооценка перворожденных, резко отличается от оценки собственного психологического и физического состояния, им больше свойственна ипохондрия. (Helson & Cruchfield, 1973).

Джуберт (1989) отмечает, что первые дети больше склонны к нарциссизму, чем средние и младшие. Эта закономерность сохраняется как в мужской, так и женской выборке. Согласно экспериментальным данным в женской выборке, склонность к нарциссизму оказалась положительно связанной с одиночеством и с большим количеством детей в семье.

Л. Бельмонт отмечает, что единственные и последние дети подвержены большому риску психических расстройств, чем первенцы, однако, Фалбо, Полит (1980) противоречат ей, отмечая, что единственные дети характеризуются такой же психологической стабильностью, как и дети, имеющие много братьев и сестер.

Противоречия исследователей, могут быть объяснены исследованием Дж. Валлерштейн и Лэмб (1982). Наличие братьев и сестер способствует тому, что ребенок намного легче переживает сложные ситуации (развод родителей): дети подражают друг другу или вымещают друг на друге агрессию и тревогу, в то время как единственный ребенок такой возможности не имеет и, следовательно, более уязвим. Брат и сестра дают друг другу советы, доверяют свои тайны и находят опору в друг друга в период эмоциональных стрессов (Лэмб).

Согласно вышеперечисленным исследованиям, психическим расстройством больше страдают единственные и старшие дети, что говорит о влиянии старших детей на психическое состояние меньших братьев (сестер). Так, при отсутствии отца старшие братья могут формировать у младших братьев представление о соответствующем полу поведении. Мальчики, выросшие без отца, но со старшими братьями, были более мужественны, менее зависимы, лучше учились, чем мальчики, выросшие без отца, но со старшими сестрами (Коттон Смит, Розенберг, Сэнтрок, Лэнди).

Исследования связи порядка рождения и различных форм личностных отклонений показывают, что у перворожденных подростков, потребление количества алкоголя меньше и начинается позднее, чем у подростка, рожденного вторым (Little 1989). Но во взрослом состоянии, по мнению Little, наблюдается предсказанная Адлером закономерность – большая склонность к алкоголю индивидов рожденных вторыми.

Weinstein & Sackhoff, Барри и Блейн обнаруживают, что среди осужденных за уголовные преступления, пьянство выражалось больше у перворожденных и младших детей. Аналогичные данные представляет Stein de Miranda & Stein – 50 % малолетних правонарушителей были перворожденными детьми. Авторы связывают это явление с социальным давлением на первого ребенка, его тенденцией к интроверсии и конформизму.

У средних детей отмечена склонность к более частым попыткам суицида, которые ставятся исследователями в зависимость от порядка рождения (Lester).

Таким образом, теоретические утверждения Адлера, в отношении перворожденных, которых он считает склонными к властнозлобному консерватизму, более склонными становиться преступниками и алкоголиками, чем средние дети – в ряде исследования находят подтверждение.

Низкие оценки по шкале социального интереса (в адлеровском толковании), получили перворожденные при этом, чем больше семья, тем ниже оценки (Fasouri). Хорошо развитые социальные чувства и интересы, способствуют развитию человека как безопасного и лучше приспособляющегося (Адлер).

Для детей из больших семей характерна меньшая ориентировка в неопределенных ситуациях, так как они отличаются большей подозрительностью к окружающим. Для них характерна склонность к самоубийству, большая потребность одобрения, чем для детей из малых семей. Дети из больших семей демонстрируют более низкое самосознание и большую обидчивость. Они чаще проявляют конформизм, чем независимость и демонстрируют больше управление собой, чем выражение себя.

Согласно исследованию S. Jiao, M. Wagner, дети из малых семей, более тревожны, что в старшем возрасте перерастает в неврозы. Шизофрения встречается чаще среди позднерожденных из больших семей. Основную причину авторы видят в недостаточном общении с родителями, ухудшающем выделение «Я». Общение ухудшается не только количественно, но и качественно. С увеличением количества детей в семье, родители становятся более авторитарными, проявляя грубость, раздражительность и стремление к физическим мерам наказания.

M. Wagner отмечает, что дети из больших семей, став взрослыми, чаще совершают

тяжкие преступления, более подвержены приему алкоголя и курению. У девочек с четырьмя и более братьями (сестрами) – выше риск ранней половой жизни и беременности.

Еще один вид исследований, связан с установлением брачных отношений детей, различающихся порядком рождения. Этой проблеме посвящены исследования М. Боуэна, (США), У. Томана, R. Galbraith, Дж. Бирткнела. Основная идея данных исследований состоит в том, что братья (сестры) учат друг друга, тому как осуществлять более тесные взаимоотношения со сверстниками. Доминирующая позиция также усваивается в процессе взаимодействия с родными братьями и сестрами в детстве. Старшие дети, как правило, являются лидерами, а младшие подчиняются им. В выборе брачного партнера, человек склонен выбирать партнера дополнительно к своему собственному положению среди братьев (сестер). Дальнейшие исследования данной темы показывают, что знание позиции среди братьев (сестер) может быть полезным, в контексте всесторонней оценки семьи, но они не являются абсолютными. В частности R. Galbraith констатирует, что эффект очередности рождения проявляется гораздо слабее во внутрисемейных связях, чем в межсемейных.

Таким образом, большое количество эмпирических исследований личности в зависимости от порядка рождения требуют теоретического обобщения. Sulloway с помощью известной модели «Большая пятерка» проводит метаанализ результатов эмпирических исследований (McCrae, Costa, 1987; John, 1990; Costa, McCrae, 1992, McCrae, John, 1992), на основе которого он утверждает, что:

1) первенцы более сознательны и серьезны, чем последующие дети, что выражается в большой ответственности, амбициозности, организованности и успешности в учебе;

2) дети, рожденные после первого, являются более альтруистичными, готовыми к согласию, мягкосердечными, аккомодирующими.

3) далее он больше дифференцирует личностные особенности детей разных порядков рождения:

4) не-первенцы открыты новому опыту, что проявляется в неконформности и неприятии условностей; открытость и оригинальность первенцев больше проявляется в области интеллектуальной;

5) первенцы более невротичны, что проявляется в сильной тревоге за свой социальный статус;

6) активность первенцев выражается в самоуверенности, напористости и склонности к доминированию, а активность последующих детей принимает вид экстраверсии, склонности к развлечениям и общительности (Sulloway, 1995, 1996, 2000a, 2000b).

Sulloway объясняет особенности формирования личности ребенка определенного порядка рождения особенностями адаптации к окружающей среде. Первенцы озабочены проблемой благосклонности к ним родителей и выполняют роль суррогатного родителя для своих меньших братьев (сестер). С этим связана их сознательность, идентификация с родителями и уважение к власти. Дети, рожденные после, ищут другие семейные ниши. Отсюда их повышенный исследовательский интерес, неприятие условностей и толерантность к риску.

Эмпирически гипотезы Sulloway проверяли канадские психологи К. Сэлмон и М. Дэли. Они провели три исследования (два из них на канадских студентах и посредством Интернета). Исследования выявили, что дети, родившиеся первыми и последними в семье, более нежели средние, отвечая на вопрос «Кто Вы?», идентифицировали себя со своими семейными ролями. Первенцы и последние дети на вопрос «К кому вы бы обратились за помощью в первую очередь?» чаще упоминали родителей, в то время как средние дети, чаще упоминали братьев и сестер. Анализ исторических архивов и специальных исследований в Интернете, выполненный авторами, показал, что изучением своей генеалогии чаще всего занимаются первые дети, а реже всего – средние. Все три исследования показали, что первые и последние дети гораздо чаще указывают на свою мать как на человека, к которому они сильнее привязаны (Salmon and Daly, 1998).

Влияние этно-культурных традиций на особенности развития детей в зависимости от

порядка рождения, исследовались в дипломной работе Е.Ю. Бойко, выполненной под руководством И.В. Рабич-Щербо. В работе эмпирически проверялись гипотезы Sulloway. Е.Ю. Бойко сравнила выборку русских студентов с выборкой крымско-татарских, армянских и бурятских респондентов (по методике международного кросс-культурного исследования). В результате исследования Бойко выявила, что во всех выборках любимым ребенком респонденты сочли младшего ребенка в семье. Это было единственное совпадение со взглядами Sulloway. Исследователь приходит к выводу, что эволюционно-психологическую концепцию, нельзя назвать универсальной и применять ее постулаты к человеческой личности развивающейся в социо-культурной среде, следует весьма осторожно.

Исследованию вопроса моделей поведения личности в определенных культурах, сохраняющихся в традициях, обычаях посвящены работы И.С. Кона, А.М. Решетовой, Й. Лангмейер, З. Матейчек, и др. Авторы на основе многочисленных полевых исследований отмечают, что «модели» – это одобряемое поведение людей, выполняющих регулирующие и организующие функции в изменяющемся мире. Статус ребенка в семье, зависит от пола и места занимаемого в возрастной последовательности братьев и сестер. От этих двух факторов зависит его жизненный путь.

При подведении некоторых итогов исследования личностных характеристик детей разных порядковых позиций обнаружено, что большинство исследователей связывают различия личностных характеристик детей разных порядковых позиций с родительским отношением.

Эмпирических исследований посвященных изучению личностных характеристик единственного ребенка в семье чрезвычайно мало. При изучении средних и младших детей в семье, выявлена характерная их группировка в одну исследовательскую группу, «послерожденные», что, по нашему мнению, вносит ряд трудностей при интерпретации результатов исследований.

Давлетова А.Д

Развитие личности в этнически разных семьях

Проблема формирования личности ребенка в семье является одной из центральных в психологии. Согласно многочисленным исследованиям именно в родительской семье закладываются основные психологические качества личности.

На семью как основополагающий фактор социального становления ребенка указывают отечественные и зарубежные исследователи, такие как С. Кратохвил, Э. Арутюнянц, А.С. Спиваковская, Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкий, Е.А. Личко, Е.Т. Соколова, Т.С. Когарян, М. Мид, В.В. Столин и др.

Философский и социологический аспекты проблемы семьи и их влияние на формирование личности ребенка изложены в работах: Н.В. Адриенковой, Л.П. Бугевой, И.С. Кона, В.С. Собкина, Н.Я. Соловьева, О.В. Соловьева, А.Г. Харчева, и др., социально-психологический аспект рассматривается в работах Б.Г. Ананьева, А.А. Бодалева, А.Г. Ковалева, Б.Ф. Поршнева, В.М. Селиванова. При этом все авторы сходятся во мнении, что семья – это первая среда, в которой ребенок начинает жить и которую он воспринимает. В этом смысле в семье важно абсолютно все: социальное положение, род занятий, уровень образованности родителей, внутрисемейная атмосфера. Именно воздействие этих составляющих, накапливаясь, с годами формирует личность ребенка и неизбежно приводит к развитию особых типов детей.

Семья, как особый вид малой группы, обладающая целым рядом специфических характеристик (гетерогенность состава, тотальность включенности человека в семью, полифункциональность и т. д.), как первичная социальная система, формирует личность ребенка, является первым социальным институтом, где индивид приобретает социальный опыт, первые навыки общественного поведения.

Семья не только формирует и определяет поведение индивида, закладывает

эмоциональный план и структуру поведения, в значительной мере сохраняющийся в течение жизни, но она оказывает модифицирующее влияние на поведение в каждый определенный период времени.

Характеризуя семью, исследователи выделяют две модели (традиционную и современную). Традиционная семейная система, лежит в основе структурирования родовых и этнических социальных систем и отличается развитостью сложных внутрисемейных и межсемейных отношений, создающих устойчивую структуру общества (рода, этноса, клана). При взаимодействии с современными формами деятельности и общественными организациями (государственные, производственные структуры и др.) традиционная система семьи может стать мощным конкурентом, определяющим организацию социальной деятельности.

Современный тип семьи – это локальные семейные системы, включенные в современные формы государственной и профессиональной деятельности, он отличается от традиционной семьи прежде всего разрушенностью стабильных межсемейных родовых отношений (В.К. Шабельников, 2000).

Исследователи отмечают, что законный брак утрачивает свое значение, родительские и родственные семейные отношения значительно ослаблены, «разделились» самосохранительное, брачное, сексуальное и репродуктивное поведения. В 1960-е годы, больше молодежи «бежало» в брак (ранние браки), но с тех пор в молодежной среде утверждается выжидательная позиция в отношении брака и семьи. О кризисе семьи сигнализируют тенденции возникновения альтернативных форм брачно-семейных отношений (одинокость, незарегистрированное сожительство, сознательно бездетный брак, открытый брак (негласный или озвученный договор о личной жизни каждого супруга), внебрачные связи, свингерство (обмен брачными партнерами), гомосексуальность, групповой брак, жилые сообщества, и групповые семьи и др.).

Исследователи (Западная и Центральная Европа) также подчеркивают, что альтернативы семье и браку пока ограничиваются сексуальными меньшинствами и молодежью, но толерантность к ним значительно возрастает. Большинство же людей живут традиционными формами семьи и брака, сильнейшим аргументом в пользу которых остаются интересы детей.

В исследованиях отмечается, что современная семья, по сравнению с традиционной, является более сокращенной. Эволюция семьи, со средних веков и особенно в эпоху индустриальных революций, шла в одном направлении: от больших многоядерных патриархальных семей к малым нуклеарным.

Более распространенным типом семьи в нашем обществе, являются семьи, включающие взрослых (мужа и жену, нередко кого-то из их родителей) и детей, причем наиболее типично наличие одного-двух (В.А. Белова, Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис).

Согласно многочисленным отечественным и зарубежным исследованиям (А.И. Антонова, В.М. Медкова, В.А. Беловой, А.Г. Волкова, Л.Е. Дарского, В.Л. Ружже, И.И. елисеевой, Т.С. Кадибур и др.), основная причина уменьшения количества детей в современных семьях кроется в социально-профессиональных характеристиках супругов, их ценностных ориентациях и условиях жизни. Так как «отсутствуют биологические законы, заставляющие иметь двух, а тем более нескольких детей, эти законы следует искать в социальном» (В.В. Бойко).

Зарубежных исследований, посвященных влиянию размера семьи на личность, не так много, так как подобное влияние на личность слабее, чем на интеллект и изучение подобного рода влияния сложнее. Исследования данного типа проблем представлены в основном в русле психоаналитических концепций Т. Берндта, С. Джао, Р. Каллагера, Е. Конона и др.

В отечественной психологии данный аспект освещен в работах Т.А. Думитрашку, Е. Ачильдиевой. Е. Ачильдиева выявила положительную связь между снижением интеллекта родителей и ростом количества детей. Автор выделила типологию семей, где дети имеют различную ценность:

1. Дети – первоочередная ценность как результат сознательно реализуемых установок родителей.

2. Многодетность – результат складывающихся жизненных обстоятельств, таких как рождение близнецов, позднее осознание нежелательной беременности, получение квартиры и т. д.

3. Дети – инструментальная ценность, средство самоутверждения, самореализации родителей.

Типы семей и число детей в семье, высоко коррелируют. В семье меньшего размера дети реже имеют инструментальную ценность. Семьи с 5–6-ю детьми больше относятся к третьему типу.

В.К. Шабельников в развитии традиционных культур (на примере Казахстана) отмечает: «Подлинно драматический удар по традиционным структурам и формам жизни в Казахстане был нанесен лишь глобальной перестройкой республики в последние десятилетия. Мощные миграционные процессы XX столетия включили казахский этнос в напряженный ритм мировой экономики. *Адаптация к новым видам деятельности* (выделено мной. – А.Д.) требует от людей глубокой перестройки психического обеспечения деятельности. Главными компонентами этой перестройки становятся развитие агрессивности, с переходом внешней формы агрессии в самоагрессию, формирование способности действовать на основе собственного квалифицированного понимания деятельности, а не мнения семьи, старших, группы».

Для понимания развития личности в этнически разных семьях обратимся к предшествующей форме современной семьи – традиционному типу. Развитие традиционного типа семьи основывалось на единой или коллективной культуре деятельности, в отличие от современной семьи, где члены семьи, заняты в разных сферах индивидуальных форм деятельности. «Профессиональная деятельность рабочего, ученого или актера, создает свое особое пространство взаимоотношений, в котором люди действуют как участники новых форм деятельности, общаются и создают семьи. Они формируются в ритмах городской жизни, как ее малые элементы, но сами не определяют своей глобальной структурой и напряжениями логику организации общей деятельности.

Общество и производство лишь включает в себя семью – продолжает В.К. Шабельников, – профессиональные формы деятельности захватывают людей своими мотивами и целями, заданными вовсе не семейной организацией. Разрушение родовой системы, оставляет человека по сути в мотивационном смысловом вакууме. Поиск смыслов и векторов жизни в разрушенном пространстве мифов часто не приводит к успеху. А это ведет к потере мотивов, росту суицида, к наркомании, как форме психического ухода из мира.

Развитие личности в традиционной семье имеет ряд отличий от развития личности ребенка в современной семье. Исследования развития личности в традиционных типах культур представлены в основном в многочисленных этнопсихологических исследованиях Ф. Боас, М. Мид, И.С. Кон, Дж. Брунер, Ф. Хсю, Г. Хофстеде и др.

Согласно исследованиям Ф. Боас, индивидуальный характер и социально-типичный для традиционного общества тип личности формируется прежде всего, и даже исключительно, воспитанием, в то время как в современных культурах преобладает индивидуалистическая ориентация. Для традиционных культур характерна коллективистская ориентация, в которой «субъективизм личности... не культивируется; наоборот поддерживается идея реальности, единства человека и мира» (с. 328). Исследователь приводит пример, племени уолоф в Сенегале, где двигательная активность маленьких детей интерпретируется не сама по себе, а лишь как знак отношения к тем или иным членам общности. По мнению Брунера, социальная интерпретация двигательных актов, способствует тому, что ребенок уолоф в будущем будет больше идентифицировать себя с группой и меньше различать физические и социальные явления.

В индивидуальных культурах, внимание ребенка привлекают к другой стороне

физической активности, т. е. его действия интерпретируется с точки зрения успеха двигательных актов, а прочие люди тем самым становятся несущественными для реализации этих актов.

Представители неофрейдистского направления (А. Кардинер, Р. Линтон, К. Дюбуа и др.), исследующие развитие личности в разных типах культур, говорят о наличии у каждого народа специфической для него «базовой структуры характера», передающейся путем воспитания детей из поколения в поколение и тем самым определяющей его историю.

В процессе общения и сотрудничества со взрослым, ребенок не только развивается, но и саморазвивается, постоянно выходит за границы зоны ближайшего развития, непосредственно задаваемой через предметную структуру и способы трансляции того общественного («обобщенного») опыта, который персонифицирует для него взрослый.

Л.С. Выготский определяя понимание процесса интериоризации, отмечает, что путь усвоения внешней по отношению к субъекту структуры деятельности вначале формируется как совместный, коллективный, с участием субъекта-взрослого, направляющего действие субъекта-ребенка в соответствии с уже выбранной логикой, а затем субъект-ребенок, подвергает регуляции это действие сам по той же логике, с помощью интериоризированных психологических средств.

Исследования показывают, что на протяжении раннего и дошкольного детства главным фактором формирования личности, является взрослый человек, поддержка и одобрение которого является необходимым условием «уравновешенности» ребенка с окружающей средой, переживания им эмоционального благополучия. «Санкции» взрослых являются важнейшими регуляторами поведения ребенка. Однако, «родители и даже педагоги за конкретными детьми не видят как правило, всего пространства детства, в лучшем случае оно трансформируется в их сознании как определенный возрастной слой – дошкольники, школьники, подростки и т. д. Взрослое сообщество «оторвалось» от детства, отсутствуют психологическая настроенность и готовность к взаимодействию с ним» – пишет Д.И. Фельштейн.

По И.С. Кону, «открытие таинственного “племени” детей, живущего в мире взрослых по своим собственным законам, как в резервации, имело важные теоретические последствия».

Д.Б. Эльконин подчеркивает, что развитие общества приводит к изменению отношения к детям, необходимости его изучения и обучения. Содержание детства, определяется тем положением, которое ребенок занимает в системе общественных отношений, оно различно в разные исторические эпохи.

Вплоть до XIII в., согласно искусствоведческим исследованиям Ф. Ариеса, искусство не обращалось к детям, художники не пытались их изображать. Если же дети изображались, то они представляли собой уменьшенных взрослых. «В средневековой Германии слово “ребенок” было синонимом понятия “дурак”. Детство считалось периодом быстро проходящим и малоценным». Подход к исследованию культуры детства как особого периода жизни человека, начинает рассматриваться начиная лишь с XVII в. – пишет Л.Ф. Обухова.

Исследователь детства Ллойд Демоз сообщает: «это кошмарный сон, от которого мы только недавно стали пробуждаться. Чем глубже уходишь в историю, тем ниже уровень ухода за детьми, и тем чаще детей убивают, бросают, терроризируют, насилуют». Эти положения подтверждает ряд историко-демографических исследований в странах с низким уровнем социально-экономического развития, которые показывают, что между рождаемостью и участием детей в производственном труде, существует определенная положительная связь; материальная «окупаемость» рождения и воспитания ребенка стимулирует рождаемость.

В социологическом исследовании В. Борисова, приводятся данные о высокой степени рождаемости в бедных странах, но по мере улучшения экономических условий жизни, рождаемость имеет тенденцию к уменьшению.

На определенных стадиях развития, в частности, в патриархальной семье отношение к

детям отличалось довольно утилитарной позицией взрослых, рассматривавших их как рабочую силу и помощников в ведении хозяйства, как опекунов родителей в старости, как важный экономический фактор. К. Маркс, анализируя общественное развитие, посвящает детскому труду целую главу «Капитала», указывая, что в XIX в. детский труд был необходимым элементом семейного дохода.

«Сама ролевая структура патриархальной семьи была жесткой и иерархичной, основанной на принципе старшинства. Детям в ней отводилось сугубо зависимое подчиненное положение. Традиционная этнография изучала «детей» и «детство» прежде всего как объект и продукт деятельности взрослых; как они представляют себе детей, воспитывают, дисциплинируют, приобщают к культуре и сколько бы мы ни говорили об учете возрастных, половых, индивидуальных и прочих особенностей ребенка, понятия воспитания, социализации и т. д. молчаливо предполагают неравенство и асимметричность отношений «взрослый-ребенок». Первый мыслится как субъект, второй объект, продукт и результат этой деятельности».

Понятие «развитое детство» введено В.В. Давыдовым (1979). По его мнению, современный тип детства отличается развернутой и четкой дифференциацией входящих в него возрастов (младенчество, ранний возраст, дошкольное детство, младший школьный возраст и др.); в таком виде он должен быть прожит и пережит каждым ребенком.

Положения Л.С. Выготского об интериоризации позволяют рассматривать не только роль взрослого субъекта, но и роль общества сверстников или равных в развитии личности ребенка.

Завороженные влиянием родителей и других взрослых, этнографы как и психологи, долгое время недооценивали социализирующую роль других детей: братьев (сестер), товарищей по играм, главных детей возрастных групп и общностей. Вопрос о социализирующих функциях «группы сверстников» был серьезно поставлен социологами только в начале 60-х годов XX в., да и то лишь в контексте подростковой и юношеской субкультуры. Между тем, данные кросскультурных исследований показывают что влияние других детей не только не уступает, но часто превышает роль родителей (И.С. Кон).

Влияние детей друг на друга, рассматривается в исследованиях М. Мид, И.С. Кона, А.М. Решетова, Е.В. Субботского, М. Земска, А.К. Оглоблина, Е.В. Ивановой и др.

По данным Н. Barry, L. Josephson, E. Lauer, C. Marshall, братья и сестры, (но не близнецы) занимают первое место в иерархии лиц, осуществляющих непосредственный уход за ребенком, на втором месте стоят дедушки, бабушки. Братья (сестры) также занимают первое место в ряду «авторитетных фигур» и «дисциплинаторов». Такое «Множественное опекуновство» когда за ребенком, ухаживают наряду с родителями, братья (сестры) и игровые группы, облегчает детям выработку навыков группового поведения, основанного на коллективной взаимозависимости.

Эти выводы верны при психологическом сравнении детей, воспитывающихся в малодетных семьях, с детьми растущими в условиях яслей, детских садов при участии воспитателя и детского коллектива. Детская игровая группа ускоряет формирование коммуникативных навыков, помогает ребенку принимать на себя роль другого и умерять детский эгоцентризм. Дети же, воспитывающиеся только в семье, особенно единственные дети, чаще проявляют эгоизм и испытывают трудности в общении со сверстниками. Зато коллективное воспитание нередко порождает чрезмерную зависимость от группы, оглядку на других, конформность. При этом связующим звеном действий ребенка со структурами общества является система позиций (положений, функций), занимаемых ребенком в деятельности, в которую он вовлечен в силу того, что занимает эти позиции. Так возникает особая культура детства, которой не было в архаических обществах, но которая появляется в новое время.

Традиционный тип семьи, основанный на единой культуре, характеризуется «жестким» типом взаимодействий субъектов, выражающийся в четких иерархических отношениях, обуславливающих все виды взаимодействий субъектов, в отличии от современного типа

семьи. Анализ структуры семьи дает возможность ответить на вопрос, каким образом, реализуются функции семьи: кто в семье осуществляет руководство и кто является исполнителем, как распределены между членами права и обязанности. Есть семьи, где руководство сосредоточено в руках одного члена семьи, а все члены клана взаимоподчинены главе, основная функция которого заключается в руководстве членами семьи в условиях общей культуры деятельности. И есть семьи, где явно выражено равное участие всех членов в управлении. В первом случае говорят об авторитарной структуре семьи, во втором – о демократической (Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис).

Первичная форма организации деятельности у человека – это не индивидуальная деятельность, а коллективно распределенная деятельность, где реальным субъектом организации деятельности является целостная социальная группа. Совместная деятельность традиционной семьи порождает способы ее усвоения, но воспринимается по-разному каждым членом семьи, и особенно детьми, как будущих приемниками.

Особое значение функции «старшего» в традиционных типах семей отмечены в исследованиях Ю.И. Семенова, П.А. Лавровского, Р. Фортун, Дж. Ларю, Л.П. Найденовой и др.

Как отмечает крупный русский филолог П.А. Лавровский, в индоевропейских языках, в частности славянском, «брат», образовано от корня «кормить», «поддерживать». В функции старших сестер входило обеспечение воспитания детей. Подтверждение этому мы находим в работе Ю.И. Семенова. Становясь взрослыми братья (сыновья) добывали и распределяли пищу между матерью, сестрами и братьями, что указывает на существование тесных взаимоотношений между детьми от одной матери.

Элементы патриархата обнаружили в древнееврейской семье, когда главой семьи являлся старший брат (Дж. Ларю). У восточных славян, в частности, в православных семьях долгое время преобладала большая семья. Согласно «Домострою», руководил «большак» – наиболее зрелый, опытный, трудоспособный мужчина, власть которого распространялась на всех членов семьи. Его советницей была «большуха» – старшая женщина, которая вела домашнее хозяйство (Л.П. Найденова).

Аналогичный факт отмечен в работе Р. Фортуна, который исследовал общество меланезийцев острова Добу. В данной культуре группа из брата, сестры и ее детей, выделена как особая социальная единица, имеющая свое название «сусу». А для обозначения парной семьи термина не существовало. Каждый взрослый мужчина был одновременно членом «сусу», и членом семьи, служил той и другой группе. (Дж. Ларю).

Эти исследования говорят о существовании культуры воспитания старшего ребенка в семье, при этом выделяется особый прием, используемый в развитии старшего ребенка. Прием получил название «аталычество» (от тюркского «ата» – отец, лицо, выступающее в роли отца). Обычай зафиксирован у многих кельтских, германских, славянских, тюркских и монгольских народов. (И.С. Кон, Х.М. Думанов, Я.С. Смирнов, Н.А. Кисляков, А.Т. Бекмуратова, В.Г. Соколовский и др.).

Историко-этнографическая литература, посвященная этому обычаю, очень велика. Я.С. Смирнова в отношении народов Северного Кавказа (XIX–XX вв.) пишет: «ребенок за все годы виделся с родителями не более 1–2 раз. Родители, следуя обычаю, никак не проявляли своих чувств, делая вид, что не узнают сына, тот же со своей стороны, зачастую даже и не знал, кому его привезли показывать. Между братьями, которые воспитывались у разных аталыков, сохранялась отчужденность. А с семьей аталыка устанавливалась близость...».

Средневековая Европа также использовала данный обычай, отдавая детей (на 3–10 лет) в монастыри, кормилице, в школы закрытого типа. Традиция имела дифференциацию по сословному признаку (княжеские дети воспитывались в семьях дворян первой степени, аристократические семьи отдавали детей в высшестоящие семьи, в качестве пажей, оруженосцев и т. п.).

В целом, объяснение этого обычая рассматривается с нескольких точек зрения как: способ укрепления родства, внутриобщинных связей; функция ученичества (обучение,

которое не могло быть получено в родительской семье); трансформация материнских порядков под воздействием отцовского права.

Однако, несмотря на распространенность данного обычая, исследователи указывают что на ранних стадиях «аталычество» – «обычай людей значительных; а в простом классе, лишь людей с хорошим состоянием».

Рассматривая семью в русле функционально-системного подхода, необходимо отметить, что семья – это система, которая локализует в себе наиболее важные общественные функции, необходимые для первоначального формирования и развития человека в детстве, при этом функциональная структура семьи определяющей функции включенных в нее индивидов. Содержание и состав этих функций диктуется жизненно важными потребностями семьи как целостного организма и функция семьи заключается в воссоздании первичных условий, необходимых для развития личности до определенного возраста.

В связи с усложняющейся системой социальной жизни, общество предъявляет все более высокие требования к индивиду, включающемуся в общественное производство.

В.К. Шабельников раскрывает, что личность индивида может быть рассмотрена как «внутренний функциональный орган целостного движения общества, воплощающий в системе своих взглядов, ценностей, позиций, в содержании и в формах своего мышления исторически формирующиеся и непрерывно развивающиеся схемы культуры».

Семья как первичная социальная система формообразует личность ребенка. В ней существует распределение функций или ролей. Тип семейных отношений является той средой, которая детерминирует развитие личности, степень включения в семью и принятие в ней определенных ролевых функций. Функции детей разных порядков рождения в семье, как в традиционной, так и современной, исследовались недостаточно. Функции индивидов традиционной семьи как целостной системы, основанной на семейной культуре деятельности, распределяются между ее членами.

Функция определяет детерминирующее начало системы, организующее ее форму и структуру. Функция, безусловно, возникает раньше самой системы и затем отбирает в ходе органических процессов только тот материал, который способен принять на себя соответствующее функционирование, отбирает из множества случайных форм материи именно те, что принимают и обеспечивают эту функцию. По В.К. Шабельникову, любое сообщество вначале складывалось как «твердая» структура и сохранялось благодаря развитию двух форм агрессии внешней, проявляющейся при столкновении с другими народами в форме войн и конфликтов или ухудшившихся условиях жизни, в стремлении сохранить свой тип общественной и психической структуры, решить проблемы путем используемых территорий. Вторая форма агрессии состоит в развитии агрессии против своего собственного сообщества, в перестройке внутренней структуры системы. Важной характеристикой этой формы агрессии является появление самоагрессии, развитие механизмов саморегуляции. Обращение вектора агрессии «на себя» связано с таянием жестких структур. Таяние жестких социальных систем началось в Европе, где процесс взаимостолкновения различных систем и типов культуры явился нарушением баланса между традиционными формами деятельности народов и изменившимися в результате этой деятельности условиями биосферы. Гео-биосферные условия Европы, в частности, их «много-укладность», привели к вынужденному сосуществованию на одной территории народов разных культур и разных психических складов.

В восточных же культурах традиционные связи обычно оказываются гораздо более сильным фактором построения действия, чем воля, сознание или желание индивидов. Можно сказать, что не люди выстраивают связи и отношения, а наоборот индивиды формируются и организуются как компоненты связей и отношений внутри социальной группы. «Тоталитарность» восточных стран закреплена в устройстве социальных «сверх-организмов», управляющих поведением включенных в них индивидов.

Необходимым условием «таяния твердого» и возникновения «жидкого» общества

является полиэтничность, вместе с ней и поликультурность, которые способствуют выделению личности из общества.

Изменение общества превращение его из «твердого» в «жидкое», связано с нарушением его структуры. Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис, отмечают, что нарушение структуры семьи – это такие ее особенности, которые препятствуют выполнению семьей ее функций. Так, например, неравномерность распределения хозяйственно-бытовых обязанностей между супругами является нарушением структуры семьи, поскольку препятствует удовлетворению ряда потребностей в восстановлении физических сил, культурного и духовного обогащения того супруга, который взял на себя основную нагрузку.

Таким образом, изменение структуры традиционного типа семьи, выразилось в том, что основным узлом, скрепляющим семью, стали не четкие законы, обычаи или экономическая необходимость, а изменившийся характер деятельности семьи, отразившийся на взаимоотношениях ее членов (удовлетворенность супругов друг другом, браком, воспитанием детей, отношением к членам рода и др.). Современная семья весьма существенно отличается от семьи прошлых лет коренным изменением ее эмоционально-психологических функций. Брачно-семейная жизнь стала приобретать более личностный характер. Снизилась роль внешних факторов в обеспечении устойчивости брака и, соответственно, возросло значение его внутреннего содержания. Изменения организации традиционной семьи приводят к изменению социальной ситуации развития личности. Современная семья в большей мере зависит от своеобразия личностных отношений между родителями и все в меньшей мере – от традиций общества.

Трансформация института семьи, разрешая одни проблемы, создает другие. Многообразие форм отклонений современной семьи от традиционной, нарастающая плюрализация моделей нуклеарных семей, возрастающее число уклонений мужчин и женщин от семейного образа жизни, с одной стороны, и недостаточное развитие современной семьи, с другой, создают проблемное поле для исследований семьи как социального пространства развития личности.

Казахская семья, представляя вариант традиционного типа семьи, имеет специфические особенности и характеризуется рядом изменений.

В недалеком прошлом, казахи, как и незначительная их часть сегодня, вели кочевой образ жизни, в соответствии с которым была организована жизнедеятельность. Н.Э. Масанов пишет о том, что кочевое хозяйство было практически единственным возможным в условиях сухих и пустынных земель. В результате развития кочевого образа жизни возникла генеалогическая система родства, с основным каналом жизнеобеспечения (диахронный способ передачи информации и собственности).

Многочисленные исследователи (Ш. Монтескье, Н. Джандильдин, Л.Н. Гумилев, В.К. Шабельников, А.Т. Малаева, Н.Э. Масанов и др.) отметили изменения в климатических условиях проживания казахов.

Ч. Валиханов отмечает, что в недалеком прошлом привольные и обширные степи, обильные пастбища с водопоями как нельзя лучше соответствовали условиям кочевого скотоводческого хозяйства, и кочевники менее страдали от засух, пожаров, саранчи, гололедицы. Он пишет о начавшемся процессе размежевания земель без учета интересов кочевого хозяйства, резком сокращении кочевых путей, закреплении земель за определенными родами. Все это привело к невозможности чередования пастбищ в зависимости от колебания климата, хозяйство кочевников из года в год приходило в упадок.

В.К. Шабельников считает, что восток явно не был склонен к амбициям творческого преобразования мира. Ислам распространялся на восток по землям сухим, жестким и пустынным. Природа везде давала понять, что человек имеет мало возможностей сравниться с Богом в господстве над нею. Отсюда покорность и уважение к традиционным социальным системам, сумевшим адаптировать деятельность к сложной природе и обеспечить людям выживание. Подчиниться, а не реформировать – в этом ислам стал ближе к восточным религиям, далеким от идей разрушения и преобразования мира. Только сам человек может

быть предметом преобразования. Все же природное требует уважительного и покорного приспособления. Только вместе и только терпеливым трудом можно выжить в сухих и суровых степях Азии. Свобода личности от общества грозит гибелью. Эксперименты над природой бессмысленны там, где условия выживания создаются трудом многих поколений.

Согласно исследованиям Н.Э. Масанова (XVIII – начало XX в.), у номадов (кочевников) отсутствуют «сколько-нибудь развитые формы власти и ее институциональной формы – государственность», основная причина – малая плотность населения, отсутствие городов и оседлых поселений, неразвитость разделения труда и др. факторы.

В исследованиях социальной ситуации развития в Казахстане (советского периода) отмечено, что развитие республики и прежде всего ее промышленности не были обусловлены факторами биосферного кризиса, промышленность и соответствующие ей формы социальной организации были привнесены (А.Т. Малаева).

И.С. Савин, публикуя результаты исследования этнического аспекта современной социально-экономической ситуации в Казахстане (1993–1995 гг.), пишет о резком контрасте между числом казахов и русских, занятых в некоторых отраслях хозяйства. В промышленности, сфере информационного обслуживания, науке – более ярко выражено преобладание русских работников, а в сельском хозяйстве и народном образовании – казахов. Местному населению непросто было приспособиться к регулярному монотонному ритму промышленного производства, столь отличного от привычного ему уклада жизни. В 1927 г. казахи составляли лишь 30 % среди работников народного хозяйства республики, доля их в числе работников промышленной сферы была и того меньше 12,8 %.

Об особенностях развития социальных систем, о процессах охватывающих все большие и большие территории, пишет В.К. Шабельников, называя их мировым процессом «таяния» социальных систем. Более популярными терминами являются «демократизация» и «этнические конфликты». Проводя аналогию между социальными системами и физическими процессами, автор пишет, что в жидкости молекулы движутся по индивидуальным траекториям, что напоминает нам траекторию индивидуальной западной деятельности, а в твердом веществе атомы сцеплены и не способны двигаться в отрыве от своей группы. Так и люди восточного общества все еще живут частью семьи или общины, где деятельность организуется не индивидом, а распределением функций субъекта на целостную группу.

В рамках семейно-родовой культуры деятельности, «жестких» климатических условий казахи строго придерживались тесных родственных отношений, оказывая в повседневной жизни друг другу моральную помощь (браки, похороны, стихийные бедствия). Подобная помощь называлась «жылу», «немеурын» и «уме». Самой древней и ощутимой была «жылу» (Ж.О. Артыкбаев). И в современной жизни мы сталкиваемся с существованием в деловой сфере, прежде всего государственной так называемой «экономики племянников». Она выражается в том, что кто-то из старших родственников занимает какой-либо важный пост, позволяющий влиять на лицензирование экспортного сырья или распределение получаемых республикой валютных кредитов, а «молодые» родственники в свою очередь используют возможности и связи, старших в своих интересах.

В исследованиях посвященных истории семьи народов Средней Азии и Казахстана (И.С. Кон, С.М. Абрамзон, В.В. Вострова, Н.А. Кисляков, Э.А. Масанов и др.), выделяют характерные типы взаимоотношений между членами семьи. А.Т. Бекмуратова пишет о том, что единство семей, как правило, поддерживалось авторитетом отца – старика, иногда сохранявшимся и после его смерти; его место занимал старший из братьев, или наиболее способный из них, пользовавшийся большим влиянием в семье. Выдел ограничивался определенными обычаями. Если в семье было несколько сыновей, женатый сын мог выделиться лишь тогда, когда один из остальных братьев женился или достигал брачного возраста. Единственный сын или же младший, по обычаю, не отделялся, он должен был жить с родителями, а после смерти отца – наследовать его дом и хозяйство, на нем лежала обязанность похоронить родителей.

В семейных отношениях казахов весьма интересным и важным является право на

наследство отца (эке мурасы), которое отец обычно завещал устно, при свидетелях, и исполнение завещания строго соблюдалось. Об этом красноречиво говорится как в литературных, так и в архивных документах (Ж.О. Артыкбаев).

Согласно традициям минората (Минорат – (лат. *minor* – младший) – древнейшей и средневековой системы наследования, при которой имущество переходит нераздельно к младшему в роде или младшему из сыновей умершего. Противоположное – майорат (лат. *major* – старший). В феодальном и буржуазном праве – система наследования, при которой все имущество переходит нераздельно к старшему в роде или к старшему из сыновей умершего), младший сын не образовывал самостоятельное хозяйство, а оставался наследником отцовского очага (кара шанырак), как пишет Ж.О. Артыкбаев.

Большие семьи существовали и у казахов. Женатые сыновья жили с отцом, и подчинялись его власти. Стадо и имущество считалось общим достоянием, но ведал всем глава семьи. После смерти отца, его место занимал старший брат или же более способный. По традиции казахи в отношении старшего ребенка применяют обычай, характерный и для других культур. Однако специальных исследований, посвященных анализу данного обычая (аталычество) в казахской культуре, нами не обнаружено.

В.К. Шабельников, анализируя обычай, развешивает особенности развития личности. Первенца, отрывают от родителей и передают на воспитание бабушке и дедушке. Ребенок обретает в системе родства новый статус – младшего ребенка прародителей. Соответственно изменяется его статус по отношению к собственным родителям, к родным братьям (сестрам). Ребенок из ранга «сына» переходит в ранг, равный по статусу с рангом собственных родителей, т. е. считается не только взрослым, но и в семейно-родовой иерархии занимает более высокое место.

Акт инициации формирует определенный тип личности ребенка, который проходит далеко не безболезненно. Отрыв ребенка от матери провоцирует взаимоагрессию сторон. Передача ребенка причиняет боль участникам обычая (ребенку, матери) и создает особый тип отношений между членами рода: «мать-ребенок», «сноха-свекровь», «ребенок-бабушка», «невестка-родственники мужа», «ребенок-дедушка» и др. Мать ребенка – человек, пришедший в родовую систему из другого семейного рода и передача ребенка, обостряет ее положение, но с другой стороны способствует ее укреплению в родовой системе мужа.

Результатом традиции является изменение статуса ребенка, который займет роль координатора в семейной деятельности. Именно инициация, позволяет выработать у него особые личностные качества, позволяющие рефлексивно относиться к членам семьи.

Ранее обычай использовался в отношении первенцев мужского пола, но иногда и к девочкам-первенцам (к примеру, на Севере Казахстана). Ребенок передается на воспитание родителям мужа, иногда – родителям жены, зачастую в младенческом возрасте.

Это не единственный прием манипуляции детьми у казахов. Существуют и другие виды: семейные пара с детьми, обмениваются ребенком из-за его пола, или семейная пара, имеющая детей, отдает ребенка бездетной паре. В современном казахском обществе обычай передачи детей уже не имеет такого обязательного характера, как раньше. Современные казахи мало следуют этому обычаю, в основном он наблюдается в сельских местностях. В городских условиях жизни, актуализация обычая прародителями, зачастую вызывает отвержение его членами семьи. В качестве главного аргумента, выступает несоответствие возможностей стариков в подготовке ребенка к условиям жизни в современном обществе. Нередко приводятся примеры ситуаций, когда первенцев вынуждены забирать из семей стариков, так как они не справляются с их воспитанием.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать некоторые выводы:

1) характерным для традиционного типа семьи, было господство главы, беспрекословное подчинение младших старшим;

2) в традиционных типах семьи отмечена особая роль (функция) старшего (или единственного) и младшего сыновей, в обязанности которых входило наследование (роли, дома, хозяйства), а на младшем ребенке лежала обязанность похорон родителей;

3) сведений в исследованиях традиционного типа семьи роли средних детей не выявлено.

На современном этапе развития казахской семьи наблюдаются изменения обычаев и традиций, которые в целом можно охарактеризовать как период «транзитного состояния» развития, т. е. как состояние, где наравне с традиционными формами регуляции членов семьи, в семье нарастают новые формы отношений.

Объектом нашего исследования выступила ориентировка субъекта в психологическом пространстве его родительской семьи. Испытуемыми были субъекты, занимающие различное положение в многодетной семье (старшие дети, средние и младшие дети). Исследование проводилось на материале казахских семей, имевших не менее двух детей, изучались особенности восприятия индивидом членов его родительской семьи и своего собственного положения в структуре этой семьи.

Предметом исследования была зависимость ориентировки субъекта в психологическом пространстве родительской семьи от его положения в структуре этой семьи.

Методологическую базу исследования составили положения культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, представления о деятельности и личности, разработанные в отечественной и зарубежной психологии.

Были выделены три возрастные группы испытуемых 15–16 лет, 17–20 лет, 21–26 лет. Мы предполагали, что в данных возрастных периодах проявятся психологические особенности развития субъектов, занимающих разное положение в структуре семьи.

Для выявления личностных характеристик испытуемых в зависимости от их положения в структуре казахской семьи (старший, средний, младший), нами были использованы следующие варианты методик:

Методика исследования личности, сконструированная на основе метода семантического дифференциала Ч. Осгуда, В. Петренко.

Согласно логике построения метода семантического дифференциала, были выдержаны три последовательных этапа:

1. Первый этап исследования был связан с отбором объектов шкалирования и выделением семантических связей.

Мы использовали в исследовании вариант «Личностного семантического дифференциала», основываясь на стандартной процедуре построения указанной методики (на базе биполярных шкал, образованных оценочными прилагательными-антонимами, обозначающими черты личности и характера. Испытуемым были предложены 13 объектов оценки. В группе «средних детей» добавился еще один объект – «Другие средние дети братья (сестры)», учитывая, что в семье могут быть несколько средних детей. Объекты оценки были условно распределены на три группы:

– первую группу объектов оценки, представили реальные субъекты, занимающие определенную ролевую позицию в структуре семьи, а именно: «моя мать», «мой отец», «старший брат (сестра)», «средние». Мы предположили, что оценивание объекта братья (сестры)», «младший брат (сестра)» при помощи признаков, заданных шкалами, а затем группировка их в факторы, позволит установить позицию испытуемого по отношению к субъектам семьи.

– вторую группу представили персонажи, характеризующие испытуемого в трех временных позициях: «я настоящее», «я прошлое», «я будущее». Мы предполагали, что ввод данных объектов оценки, позволит затронуть более широкий диапазон развития позиции испытуемого, а именно особенности самовосприятия во временном аспекте, что позволит определить изменения испытуемого к самому себе и другим объектам оценки.

– третью группу представили субъективные и социальные образы, усваиваемые субъектом в процессе воспитания и обучения, подбирались противоположные позиции, позволяющие затронуть волевые, ценностные аспекты испытуемого: «ответственный человек», «безответственный человек», «идеал с точки зрения общества», «мой идеал», «хороший сын (дочь)», «плохой сын (дочь)».

Предлагалось по семибалльной шкале (3, 2, 1, -1, -2, -3) оценить каждого из предложенных персонажей по заданной экспериментатором системе прилагательных-антонимов. Оценочные прилагательные-антонимы выступили биполярными шкалами, а ролевые позиции являлись объектами, которые оценивались по этим шкалам, где оценка «3» означала полное отнесение качества, описываемого прилагательным, к ролевой позиции, а оценка «-3» – полное его отрицание.

На первом этапе в целом было получено 129600 ответов испытуемых, которые были суммированы в исходную таблицу данных, из которой были вновь выделены три группы выборки – «старшие дети», «средние дети» и «младшие дети», в соответствии с их положением в семье. После этого в каждой из полученных таблиц найдены средние значения оценок прилагательных по каждому персонажу, в результате чего была получена матрица размерностью 14х30 (процедура факторного анализа была выполнена совместно с К. Сайдахметовым, кандидатом физико-математических наук).

Второй этап исследования заключался в применении процедуры факторного анализа к исследованию структур, лежащих в основе полученных матриц.

Полученная матрица была транспонирована и подвергнута факторному анализу методом главных компонент с последующим вращением корреляционной матрицы методом Varimax.

По результатам факторного анализа были выделены четыре латентных фактора, собственные значения которых превышают 0,7.

Работа проведена с использованием пакета Statistica 5.0.

На основе содержания выделенных факторов – были построены графики, представившие семантическое пространство, в котором нашли отражение основания классификации персонажей, усвоенных испытуемыми (см. в тексте диссертации).

Выделенные факторные структуры отражают присущие испытуемым структуры категоризации, через призму которых происходит восприятие другого человека или самого себя, «наивную», обыденную «теорию личности», выработанную житейской практикой испытуемых. Каждый фактор выступил одним из оснований суммарной оценки и сгруппировал ряд шкал, имеющих доминирующую нагрузку по этому фактору в категорию, характеризующую один их содержательных аспектов персонажей, через призму которых происходит восприятие и оценка персонажей и самого себя испытуемым.

Общее название выделенный фактор получил на основе объединенных им шкал, проинтерпретированных нами как факторы «Сила Я», «Социальная адаптивность», «Моральная оценка», «Эмоциональная оценка». Так как эти факторы независимы, то знак факторной нагрузки содержательного смысла не имел, а указывал, на полюс фактора, которому принадлежит данная шкала.

Третий этап исследования был связан с интерпретацией выделенных факторных структур.

Проективная методика выявления склонности индивида занимать определенную субъектную позицию. Для выявления склонности испытуемых занимать во взаимодействии ту или иную субъектную позицию использовался стимульный материал из 24 рисунков, применяемых в методике С. Розенцвейга. Обработка результатов проводилась на основе классификации типов позиции субъекта в межличностном взаимодействии, разработанной В.К. Шабельниковым. Такой способ классификации типа субъектных позиций испытуемого применялся в диссертациях А.В. Литвиновой 2000; Е.В. Трифионовой 2001; Д.В. Громова 2002; И.В. Шабельникова 2003 и в ряде других исследований.

Субъектные позиции проявляются как спонтанная склонность индивидов принимать на себя во взаимодействии с другими людьми те или иные функции. Выделялись следующие субъектные функции: исполнителя, координатора, потребителя, оценщика, объекта потребности.

Модифицированный проективный метод «Символические задания на выявление социального «Я» (B. Long, R. Henderson, 1968).

Предложенная авторами «серия оригинальных символических проб», направленная на измерение самоотношения и самоидентичности позволяет получить данные по ряду психологических характеристик испытуемых. Измерению был подвержен один из параметров «Я-концепции» – самооценка.

По первой методике в семантическом пространстве выделены четыре значимых фактора, проинтерпретированные нами как «Сила Я», «Социальная адаптивность», «Моральная оценка», «Эмоциональная оценка». Полученные данные позволяют говорить, что образ «матери» – у всех трех групп испытуемых, по первому, наиболее значимому фактору «Сила Я», располагается на небольшой дистанции от положительных персонажей, социальных и личных идеалов, и имеет стабильно высокую оценку образа идеального члена семьи и в других выделенных факторах, но не в равной степени. Мать рассматривается как фигура сильная, социально адаптивная, морально и эмоционально привлекательная.

Отличия обнаружены в группе «средних детей» по фактору «Социальная адаптивность». Ими образ «матери» рассматривается как менее социально адаптивный, и в семантическом пространстве к образу «матери» распределено меньше «позитивных образов», т. е. образ матери менее идеализирован. «Позитивные образы» распределены здесь к образам «отца» и «старшего брата (сестры)» за счет чего семантическое пространство более «разряжено», в отличие от такового в группе «старших детей», имеющего выраженные локализации позитивных образов с образом «матери». Образ «отца» группа «средних детей» воспринимает как сильный, морально и эмоционально привлекательный и близкий по своим качествам, к образу «ответственного человека», с его образом связывают образ себя (в будущем).

Группа «старших детей» связывает образ себя (в будущем) с образом «матери», т. е. они только стремятся быть на нее похожими, а с образом «отца», связывают образ себя (в настоящем). Это дает основания говорить о субъективном развитии у «старших детей» качеств, носителем которых им представляется мать. Отец же – «фигура» более достигаемая и рефлекслируемая. Его группа «старших детей», рассматривает как фигуру сильную, социально адаптивную, эмоционально привлекательную, но он менее идеализирован, чем образ «матери».

Восприятие образа «отца» в группе «младших детей» связано с образом «идеала общества». «Отец» воспринимается как фигура слабая, эмоционально непривлекательная, но социально адаптивная. Функция младшего ребенка в семье, направлена на интериоризацию роли отца. Направленность отца на внесемейные виды деятельности (профессиональная сфера) подрывает отношение к отцу, а новые роли отца усваиваются медленнее. Разная оценка образов «отца» и «матери» порождает раздельное восприятие родителей группой «младших детей». Родители в семантическом пространстве «младших» значительно дистанцированы друг от друга, в отличие от восприятия их в группах «старших» и «средних детей», которые располагают родителей на незначительной дистанции друг от друга.

Полученные нами результаты отчасти совпадают с исследованием И.С. Кона (1989), который пишет о подорванном традиционном положении мужчины в семье. Действительно, образ «отца» более рефлекслируется детьми, по сравнению с образом «матери», но не в равной степени. Образ «отца» больше рефлекслируют младшие дети, а меньше всего средние. Образ отца они рассматривают как ориентировочный (в будущем). Отсутствие у средних детей ясной функции в семье, может сближать среднего ребенка с «отцом», семейные функции которого также мало выражены.

Восприятие в группе «старших детей», образов «средних» и «младших» братьев и сестер связано с образом себя (в прошлом), как соответствующее собственному развитию в прошлом. Однако в восприятии братьев (сестер) – имеются различия. Образ «младшего брата (сестры)» по фактору 3 «Моральная оценка» связан с образом себя (в настоящем), а образ «средних братьев (сестер)» по фактору 1 «Сила Я» связан с образом себя (в настоящем)¹³.

13 Числовой номер фактора указывает порядок его значимости для данной группы испытуемых.

Образ «средних братьев (сестер)» рассматривается как менее сильный, социально неадаптивный, а в факторе 3 «Моральная оценка» образ «средних братьев (сестер)» расположен между отрицательными и положительными социальными образами. Это показывает, что в восприятии «старших детей» образ «средних братьев (сестер)» выглядит как морально мало чувствительный или индифферентный. Образ «младшего брата (сестры)» воспринимается в трех факторах «Сила Я», «Социальная адаптивность» и «Моральная оценка» как непривлекательный, слабый, социально неадаптивный, но более привлекательный морально и эмоционально, чем образ «средних братьев (сестер)». Это дает основания говорить о дифференцированном отношении старших детей в семье к братьям и сестрам.

Восприятие группой «средних детей» образа «старшего брата (сестры)» имеет высокую оценку в факторе 2 «Социальная адаптивность» и связано с образом себя (в настоящем) и образом «Мой идеал» по фактору 3 «Эмоциональная оценка». «Старший брат (сестра)» рассматривается как фигура социально адаптивная, эмоционально привлекательная, близкая к личным идеалам.

Восприятие группой «средних детей», образа «других средних» и «младших братьев (сестер)», связано с образом себя (в прошлом). Образ «других средних братьев (сестер)» воспринимается близко к образу «Безответственного человека» по фактору 3 «эмоциональная оценка», а в факторе 4 «Моральная оценка», образ «другие средние братья (сестры)» имеет высокую оценку и связан с образом «мой идеал», а также «плохой сын (дочь)». Образ «других средних братьев (сестер)» рассматривается как слабый, непривлекательный эмоционально, но более привлекательный морально и связан с личным идеалом испытуемых. Восприятие роли «средних братьев (сестер)», не имеющих в семье постоянной функции, осложнено. Выполнение функции «хорошего сына (дочери)» для «средних детей» затруднительно, так как субъекты, не имеющие четко очерченных функций, недопонимают требований, предъявляемых к их роли в семье.

Восприятие в группе «младших детей» образа «средних братьев (сестер)» связано с образом «плохого сына (дочери)» в факторе 3 («Социальная адаптивность», т. е. они рассматриваются как социально неадаптивные, и не отвечающие требованиям, предъявляемым к роли «хорошего сына (дочери)». В факторе 2 «Моральная оценка» «средние братья (сестры)» ближе всех членов семьи к образам «Безответственного человека» и «Плохого сына (дочери)». В семантическом пространстве не обнаружена связь «образа себя» с образом «средних детей». Это говорит о том, что этот образ не был привлекателен ни в прошлом, ни в будущем, ни в настоящем времени. В восприятии «младших детей» образ «средних братьев (сестер)» рассматривается как фигура, менее всего руководствующаяся в своем поведении моральными принципами, а значение фактора «Моральная оценка» для группы «младших детей» более существенна (второй по значимости фактор), чем в группе «средних детей» (наиболее слабый фактор 4).

Восприятие группами «средних» и «младших детей», образа «старшего брата (сестры)» расположено ближе к образу «родителей». Это дает основания говорить об уравнивании статуса «старшего брата (сестры)» с категорией родителей.

Результаты нашего исследования позволяют говорить о выраженной иерархической системе казахской семьи с соответствующей регламентацией ролевых позиций. Для средних и младших детей в семье, старший брат (сестра) психологически ближе, чем родители. Соответственно, старший ребенок не только наделен обязанностями родителей, но и пользуется авторитетом у других детей, соответственно имеет права родителей. И наоборот, для старшего ребенка в семье психологически ближе родители. При решении проблем, конфликтных ситуаций, вероятнее всего, родители будут влиять на старшего ребенка в семье, который в свою очередь будет регулировать поведение средних и младших братьев (сестер).

Согласно результатам нашего исследования, имеются отличия в самооценках испытуемых. В семантическом пространстве группа «старших детей», «образ себя» (в

настоящем) располагается близко к «положительным образам» и «образу матери», имеющим высокие показатели в факторах, что дает основание говорить о высокой самооценке испытуемых.

В семантических пространствах группы «средних детей» образ «старшего брата (сестры)» ближе к положительным образам и образу матери, имеющим высокие показатели в факторах, в отличие от восприятия «образа себя» (в настоящем). Самооценка (образ себя) у средних детей в семье ниже, чем самооценка группы «старших детей».

Группа «младших детей» связывает с образом «хороший сын (дочь)», себя (в настоящем времени), что дает основание говорить о завышенной самооценке по 1 наиболее значимому фактору «Сила Я». Группа «младших детей», считает себя фигурой сильной, социально адаптивной, и соответствующей образу «хорошего сына (дочери)», что говорит об идеализации «образа себя» в семье. Однако, это противоречит оценке «младших» группами «старших» и «средних детей», воспринимающих образ «младшего брата (сестры)» как слабый, социально неадаптивный, морально непривлекательный. Но в группе «старших детей» образ «младший брат (сестра)» выглядит более привлекательным эмоционально и морально.

При определении своего образа (в будущем), испытуемые группы «старших» и «средних детей» ориентируются на реальных субъектов семьи. Для «старших» – это «мать», а для средних – «отец». Это отличает их от группы «младших детей», которые образ себя (в будущем) связывают с образом «ответственного человека» и не склонны выбирать авторитетное лицо из членов семьи. Учитывая сохраняющиеся иерархические и регламентированные отношения членов казахской семьи, ситуация развития «младшего ребенка» может приводить к подавлению его позиции другими членами семьи, особенно средними детьми, так как их взаимооценка, согласно данным нашего исследования, характеризуется жесткостью, недоверием и враждебностью. Выявленные особенности могут явиться потенциальным источником внутрисемейных проблем.

Рассмотрим результаты исследования субъектных позиций, проявляющихся как склонность принимать во взаимодействии те или иные субъектные функции у испытуемых, отличающихся порядком рождения. Достоверность различий определялась по параметрическому многофункциональному статистическому критерию Фишера (угловое преобразование Фишера). Различия цен у испытуемых, отличающихся порядком рождения, не существенны.

Особенности развития функции субъекта-исполнителя в первой группе испытуемых (старшие дети в семье). При сравнении количества детей в семье оказалось, что результаты имеют отличия в зависимости от структуры. В семье со структурой семьи «двое детей» (старший и младший ребенок) – испытуемые первой группы демонстрируют значения функции субъекта-исполнителя – 38,8 %. Увеличение детей в семье до трех (т. е. наличие одного среднего ребенка) незначительно увеличивает значение функции субъекта-исполнителя (39,8 %). Увеличение средних детей в семье (более одного) вновь увеличивает значение функции субъекта-исполнителя испытуемых первой группы (40,5 %). Можно наблюдать, что в ситуации увеличения количества детей в структуре семьи, испытуемые первой группы демонстрируют большее количество ответов, характерных для функции субъекта-исполнителя, но разница между значениями относительно невелика. Можно предположить, опираясь на значения функции субъекта-исполнителя в первой группе (старшие детей в структуре семьи, демонстрирующие относительно стабильный характер развития), что развитие функции субъекта-исполнителя у испытуемых первой группы, формируясь целенаправленно, незначительно зависит от количества детей в семье и мало подвержено изменениям. Однако увеличение количества детей в семье способствует «включению» субъекта, занимающего позицию старшего ребенка, в функцию субъекта-исполнителя.

Особенности развития функции субъекта-оценщика. Сравнение количества детей в семье показало, что испытуемые первой группы (старшие дети в структуре семьи) в семье со

структурой семьи «двое детей» демонстрируют следующие значения функции субъекта-оценщика: 29,6 %. Увеличение детей в структуре семье («трое детей») уменьшает значение функции субъекта-оценщика (24,2 %) испытуемых первой группы. Увеличение числа средних детей в семье (два и более) еще больше снижает значение функции субъекта-оценщика у испытуемых данной группы (20,6 %). В целом *значение функции субъекта-оценщика в первой группе имеет тенденцию к снижению в связи с увеличением количества детей в структуре семьи*. Мы полагаем, что ситуация семьи со структурой «двое детей» способствует большему развитию опосредованных функций, а именно функции субъекта-оценщика. Если сравнить это с ситуацией развития третьей группы (младшие дети в структуре семьи) с аналогичной структурой семьи там также имеет место достаточно высокая степень развития функции субъекта-оценщика (26,9 %). Таким образом, по результатам исследования в первой группе испытуемых, при дифференциации испытуемых по типу структур семьи, можно сказать, что ситуация развития «двоих детей» в структуре семьи способствует в большей степени развитию функции субъекта-оценщика, но в меньшей – функции субъекта-координатора.

Обратную картину демонстрирует развитие функции субъекта-координатора, значения которой имеют тенденцию повышаться в связи с увеличением количества детей в структуре семьи. В семье со структурой семьи «двое детей» испытуемые первой группы демонстрируют следующие значения функции субъекта-оценщика: 14,4 %. Увеличение детей в семье до троих увеличивает значения функции субъекта-координатора (18,1 %) испытуемых первой группы (старшие дети в семье). Увеличение количества средних детей в семье (два и более) еще больше увеличивает значения функции субъекта-координатора испытуемых первой группы (19,5 %).

В целом, сравнение результатов, полученных в семьях с разной структурой, дает нам право говорить о следующих особенностях: испытуемые первой группы со структурой семьи «двое детей» демонстрируют наименьшие значения функции субъекта-исполнителя, но наибольшие значения функции субъекта-оценщика по сравнению с семьями со структурой «трое детей» и «более трех»; относительная разница между развитием этих функций составляет 9,2 %. Та же разница в семьях со структурой семьи «трое детей» составляет 15,6 %, «более трех» – 19,9 %. Испытуемые из семей со структурой «двое детей» продемонстрировали наименьшее развитие функции субъекта-координатора по сравнению с другими типами семей.

Подводя итог вышеизложенному, можно предположить, что старший ребенок в структуре семьи «двое детей» имеет меньшую возможность по управлению, кроме того, семейная ситуация в меньшей степени приводит к развитию у него управленческих функций. Очевидная тому причина – недостаточное количество субъектов, требующих координации их действий. Ситуация развития старшего ребенка в семье с двумя детьми (старшим и младшим) способствует развитию более сложных функций, чем в семьях с большим количеством детей. Тип семьи с меньшим количеством детей (один, два ребенка) стал, распространен относительно недавно. Ранее были распространены семьи с большим количеством детей. Интерпретируя результаты, можно сказать, что именно большое количество детей традиционно служило основанием для развития у старшего ребенка опосредованной функции субъекта-координатора.

Согласно результатам нашего исследования, ситуация развития старшего ребенка в структурах семьи «трое детей», «более трех» больше способствует развитию управленческих функций.

Особенности развития функции субъекта-исполнителя во второй группе испытуемых (средние дети в структуре семьи) связаны с увеличением количества детей в семье. В семье со структурой семьи «трое детей» (т. е. представлена каждая позиция: старший, средний, младший ребенок, и позиция среднего ребенка, также как и другие позиции детей единична), испытуемые второй группы демонстрируют следующие значения функции субъекта-исполнителя: 42,6 %. При увеличении количества детей в семье до четырех (т. е.

средних детей – двое) возрастает значение функции субъекта-исполнителя испытуемых второй группы (48,2 %). Увеличение количества средних детей в семье до трех и более снижает значение функции субъекта-исполнителя (39,9 %). Можно наблюдать, что в семье со структурой «четыре ребенка» значения функции субъекта-исполнителя самые высокие. Более того, эти значения самые высокие по всей исследуемой выборке, включая первую и третью группы испытуемых (старшие и младшие дети в различных структурах семьи соответственно). Во второй группе испытуемых относительная разница между значениями в семьях со структурой семьи «четыре ребенка» и «более четырех составляет – 8,3 %. Можно предполагать, что структура семьи «четверо детей» имеет некоторые особенности. Полученные высокие значения функции субъекта-исполнителя, в сравнении с показателями средних детей в семьях с другими типами структур, предполагают наибольшую «включенность» субъектов. В данной ситуации два средних ребенка могут создавать диаду, сообщество, «диалог позиций». Мы предполагаем, что данное соотношение средних детей способствует созданию для детей особых ситуаций взаимного снятия психологического напряжения.

Ситуация существенно меняется в другой структуре семьи. По результатам исследований, семьи со структурой «пять и более детей» (количество средних детей три и более) продемонстрировали снижение функции субъекта-исполнителя. Можно сказать, что при данной структуре меняется ситуация развития среднего ребенка. Мы можем предположить, что большое количество средних детей как бы «переполняет пространство», т.е. семья имеет достаточно большое количество субъектов-исполнителей. Ситуация развития средних детей в этом случае предоставляет детям возможность выполнять более сложные функции. По результатам эксперимента мы можем наблюдать, что с увеличением количества детей в семье возрастает функция субъекта-оценщика.

Интересна позиция среднего ребенка в семье, где он является единственным средним ребенком. Испытуемые второй группы (средние дети в структуре семьи) демонстрируют следующие значения функции субъекта-исполнителя: 42,6 %. Сравнение результатов испытуемых второй группы с разными типами структур демонстрирует следующую относительную разницу значений: между типом семьи со структурой «трое детей» и «четыре ребенка» – 5,6 %; «трое детей» и «более четырех» – 2,7 %.

В семье со структурой «трое детей» испытуемые второй группы (средние дети) демонстрируют следующие значения функции субъекта-оценщика: 18,8 %. При увеличении количества детей в семье до четырех (средних детей – двое) повышается значение функции субъекта-оценщика у испытуемых второй группы (19,8 %). Увеличение количества средних детей в семье до трех и более еще больше повышает значения функции субъекта-оценщика (21,5 %). Согласно экспериментальным данным, в ситуации развития со структурой семьи «трое детей» (позиция среднего ребенка, также как и другие позиции детей, единична) испытуемые второй группы продемонстрировали невысокие значения функции субъекта-исполнителя (промежуточные значения между ответами испытуемых со структурами семей «четыре ребенка» и «более четырех»), а также низкие значения функции субъекта-оценщика и функции субъекта-объекта потребности по сравнению с показателями испытуемых этой же группы, но других типов структур семьи («четыре ребенка» и «более четырех»). Однако в ситуации развития со структурой семьи «трое детей» испытуемые второй группы продемонстрировали относительно более высокие значения функции субъекта-координатора и функции субъекта-потребителя.

Эти результаты дают основания предполагать, что ситуация развития семьи со структурой «трое детей» имеет ряд особенностей. Полагаем, что для субъекта, занимающего позицию среднего ребенка, данный тип структуры семьи предполагает большую степень психологического напряжения, другие типы семейной структуры. Субъект, занимающий позицию среднего ребенка, более, чем старший и младший ребенок, чувствителен к ситуации отсутствия функционального включения в систему семьи. Ситуации развития семей с одним средним ребенком и большим количеством средних детей (три и более) будут относительно

похожи, но в основе развития, как мы предполагаем, лежат разные причины. В первом случае субъект чувствителен вследствие «одинокости» своей позиции, он вынужден принимать все потоки невключенности, идущие от других субъектов семьи на себя. Во втором же случае развитие идет за счет «перенасыщения территории» субъектами с одинаковой позицией. Ситуация семей с большим количеством детей в структуре семьи особенно усугубляется на современный период – период смены традиционных форм семейно-родовой деятельности на индивидуальную профессиональную деятельность субъекта, требующую развития сложных функций для становления субъекта в профессиональных видах деятельности.

Опираясь на идеи В.К. Шабельникова, а также на результаты нашего исследования, можно сказать, что развитие сложных функций требует специально организованной ситуации. Мы предполагаем, что семейно-родовая структура, основанная на единой деятельности, имела свои «регуляторы» позиций детей, которые продолжают существовать в современных условиях развития и воспитания детей. Однако эти «регуляторы», воплощенные в традициях и обычаях, не достигают своего конечного результата, поскольку исчезает сама основа – единая семейно-родовая деятельность.

Полагаем, что отсутствие специализированной системы развития более сложных функций у средних детей объясняет доминирование базисных функций, которое наблюдается при сравнении результатов второй группы испытуемых с результатами первой и третьей группы в целом, и со структурой семьи «трое детей» в частности.

Если, в то же время, сравнить результаты первой и третьей групп испытуемых (старшие и младшие дети в семьях со структурой «трое детей»), то нетрудно видеть, что значения функции субъекта-исполнителя, функции субъекта-потребителя второй группы (средние дети в семье с аналогичной структурой) превышают значения первой и третьей групп испытуемых, а также незначительно превышают значения функции субъекта-объекта потребности второй группы испытуемых по сравнению с первой. Функции субъекта-координатора, субъекта-оценщика и субъекта-объекта потребности являются более опосредованными по сравнению с функциями субъекта-потребителя и субъекта-исполнителя, то есть человек менее склонен непосредственно проявлять в действии свои потребности и свою активность, это более отстраненные от непосредственного исполнения позиции... *субъекты* (выделено и добавлено нами. – А.Д.) склонны к более сложным формам реализации себя; они не непосредственно действуют или заявляют о своих потребностях, а реализуют себя через оценку или координацию действий другого человека. Можно также добавить, что ситуация развития семей со структурой «трое детей» чаще подвергается рефлексии, и значительно раньше, чем в научных исследованиях – мы имеем ввиду фольклор (особенно русские и западные сказки: в большинстве сказок доминирует ситуация с тремя детьми, или тремя главными персонажами, «Жил-был старик, и было у него три сына», «три девицы под окном....» и др.).

Третья группа испытуемых (младшие дети в структуре семьи) показала следующие значения функции субъекта-исполнителя в зависимости от количества детей в семье: в семье со структурой «двое детей» (старший и младший ребенок) испытуемые третьей группы демонстрируют следующие значения функции субъекта-исполнителя: 40,7 %. При увеличении количества детей в семье до трех (т. е. к двум позициям добавляется ребенок в средней позиции) повышаются значения функции субъекта-исполнителя (41,7 %). В семье со структурой «более трех детей» (т. е. средних детей в семье больше одного) снижаются значения функции субъекта-исполнителя у испытуемых третьей группы (37,5 %). Относительная разница между структурой семьи «трое детей» и «более трех детей» составляет 4,2 %.

В целом можно отметить, что как и в ситуации развития старшего ребенка, развитие функции субъекта-исполнителя у испытуемых третьей группы, формируясь целенаправленно, незначительно зависит от количества детей в семье и мало подвержено изменениям. Однако в ситуации семьи со структурой «трое детей» повышение значений

функции субъекта-исполнителя может демонстрировать, что данная структура способствует большему включению субъекта в систему. При увеличении количества детей в семье («более трех детей») снижается развитие функции субъекта-исполнителя.

Испытуемые продемонстрировали следующие особенности развития функции субъекта-оценщика: в ситуации развития семьи со структурой «двое детей» – 26,9 %, «трое детей» – 20,8 %, «более трех детей» – 27,8 %.

В ситуации развития семьи со структурой «трое детей» испытуемые, продемонстрировав меньшие значения в развитии функции субъекта-оценщика (20,8 %), демонстрируют большие значения функции субъекта-координатора (25,2 %). Мы предполагаем, что ситуация развития младшего ребенка в структуре семьи значительно обусловлена особым отношением к субъекту, как к «младшему», в результате чего значительно депривируется развитие базисных функций.

Интерпретируя результаты по третьей группе в структуре семьи, можно предположить, что развитие младшего ребенка имеет некоторые особенности в зависимости от количества детей в семье. В частности, развитие ребенка в структуре семьи «двое детей» демонстрирует относительно высокие значения развития функции субъекта-исполнителя (40,7); относительная разница значений развития функции субъекта-оценщика (26,9 %) составляет (13,8 %). Различия этих же функций в структурах семей «трое детей» составляет – (20,9 %), «более трех детей» – (9,7 %).

Мы предполагаем, что развитие субъекта, занимающего позицию младшего ребенка в структуре семьи «двое детей», отличается от развития этой позиции в структуре «трое детей». Выше нами описывались особенности развития среднего ребенка в структуре казахской семьи, согласно которым позиция среднего ребенка отличается тем, что взрослые манипулируют позицией субъекта, относя субъекта то к позиции младшего, то к позиции старшего ребенка. Мы предполагаем, что именно эти особенности детерминируют развитие младшего ребенка в структуре семьи, т. е. наличие среднего ребенка в структуре семьи создает ситуацию «двух младших детей», которых взрослые стремятся учить, манипулируют ими и др. Именно поэтому, по нашему мнению, в ситуации со структурой семьи «трое детей» выявляется наибольшая разница в развитии опосредованных функций. Но ситуация значительно меняется при большом количестве средних детей. Относительные различия между развитием базисной и опосредованной функций становятся меньше. Основываясь на результатах исследования можно предположить, что большое количество детей в структуре семьи (средних детей больше одного) создает достаточно напряженную ситуацию в развитии субъекта, занимающего позицию младшего ребенка.

Основываясь на данных эксперимента, мы предполагаем, что в данном случае большое количество средних детей в структуре семьи способствует выделению младшего ребенка. Большое количество детей с одинаковой позицией определяет развитие позиции младшего ребенка в структуре семьи.

Сравнения значений каждой субъектной функции между испытуемыми всех трех групп, в зависимости от пола и структуры семьи (исследовались типы семей «двое детей», «трое детей», «более трех детей») показали незначимые различия. Значимые различия обнаружены в росте склонности принимать функцию субъекта-оценщика в группе «младших детей» в 15–16 лет. Взрослые и другие дети, являясь старшими по отношению к младшему ребенку, демонстрируют свою позицию, отнимая у младшего возможность самостоятельного выполнения практических действий. Такая ситуация развития приводит к повышению функции субъекта-оценщика. Но в 17–20 лет различия этой же субъектной функции уже не значимы, что можно объяснить конкретной функцией младшего ребенка в семье и подготовкой его к ее выполнению. Понижение функции субъекта-оценщика в последующем возрасте, объясняется изменением социальной ситуации развития началом профессионального обучения, где индивид уходит от жесткой семейной опеки.

Значимые различия обнаружены и в группе «средних детей». Ими продемонстрировано увеличение функции субъекта-объекта потребности (в 15–16 и 17–20 лет), но в 21–26 лет

различия этой же функции уже не значимы.

Ситуация развития «средних» детей отличается тем, что они не имеют такой четкой функции в семье, как субъекты, занимающие позиции «старших» и «младших» детей. Соответственно, средние меньше ощущают потребность в себе. В результате у них обостряется ориентировка на фактор своей необходимости, которая и ведет к формированию позиции «объекта потребности».

У всех испытуемых обнаруживается значимое преобладание функции субъекта-исполнителя, она доминирует во всех группах. Сравнения значений субъектных функций оценщика, координатора и потребителя показали незначительные различия.

Учитывая этническое своеобразие казахской социальной среды, мы сравнили наши результаты с данными Е.В. Трифионовой (2001) и И.В. Шабельникова (2003), полученными на представителях европейской культуры (Москва и Обнинск). Там у испытуемых сходных возрастов заметно более выражены другие субъектные функции. Можно говорить о доминировании функции «исполнителя» именно у казахов и объяснить это следующим: функция «исполнителя» наиболее потребна в условиях коллективной деятельности. В казахской семье детям предлагается принимать на себя функции исполнителя в общении с родителями, братьями и сестрами, другими родственниками.

Подготовка ребенка к той или иной роли в семье предполагает развитие опосредованных функций. Старший и младший ребенок в структуре казахской семьи, являются наследниками родителей и выполняют функции опекунов по отношению к ним. Но старший и младший ребенок являются наследниками разных родителей. Старший ребенок передается на воспитание в семью своего деда. Затем он автоматически, согласно традиции, занимает главенствующую позицию в отношении братьев и сестер. В результате ребенок, занимающий позицию старшего, приобретает управленческий опыт, осуществляемый при активной поддержке взрослых.

Опека родителей младшим ребенком отличается от сходной опеки старшим ребенком. Младший ребенок остается жить в родительской семье и является наследником отца. Но интериоризация функции отца осложнена тем, что отец, являясь главой семьи, одновременно подчиняется руководителю семейно-родового клана. Позиция отца, не имеет четкости и целостности, она не достаточно «отточена», так как он непосредственно включен в структуру семьи и семейно-родового клана, в отличие от позиции деда – признанного координатора субъектов в семейнородовом сообществе.

Роль среднего ребенка практически не представлена в этнографических исследованиях. Но подчеркивается (А.Т. Бекмуратова 1967; И.А. Кисляков 1969), что средние дети отделяются от основной семьи и проживают поблизости, но не вместе. В нашем исследовании «средние дети», продемонстрировали значимые отличия от «старших» и «младших» по нарастанию у них функции объекта потребности (в 15–16 лет, 17–20 лет). Отсутствие у средних детей четкой роли в семье является условием роста склонности выполнять функцию объекта потребности.

Проанализируем результаты исследования самооценки у испытуемых, отличающихся порядком рождения. Самооценка группы «старших детей», распределяется на четырех уровнях («высокий», «выше среднего», «средний», «ниже среднего»). Доминирует самооценка «выше среднего», «низкий» уровень самооценки – нехарактерен. Сравнения значений по полу, возрасту и количеству детей, показывает, что самооценка остается неизменной, что указывает на ведущее положение старших детей в семье. Высокая самооценка испытуемых группы «старших детей» обусловлена наличием у них постоянной функции в структуре семьи, особыми формами взаимодействия взрослых со старшим ребенком (передача на воспитание в семью «дедов», положение «старшего» среди детей, активное включение в позицию взрослых при решении вопросов, связанных с образованием, вступлением в брак).

Самооценка группы «средних детей» распределяется на всех уровнях, но доминирует «средняя» самооценка. Самооценка при сравнении значений в зависимости от пола – не

различается, но изменяется в зависимости от возраста (в 17–20 лет доминирует уровень «выше среднего») и от типа семьи (в семье «трое детей» – доминирует уровень «выше среднего»).

Средние дети не имеют стабильной функции в семье и более управляемы старшими детьми. Взрослые не склонны к особым средствам взаимодействия с ними (непостоянный характер предъявляемых требований).

Младшие дети имеют «среднюю» самооценку, которая не изменяется в зависимости от пола, но изменяется в зависимости от типа семьи («более трех детей» доминирует самооценка «ниже среднего») и возраста (в 15–16 лет – «ниже среднего»). Младшие дети имеют стабильную функцию в семье. Взрослые склонны к особым средствам взаимодействия с ними (большое количество опекунов, постоянный строгий контроль, отсутствие возможности самостоятельных действий), что значительно подавляет младшего ребенка.

Для всех групп «старших» и «средних» детей мужского пола характерен «высокий» уровень самооценки, в отличие от групп «старших» и «средних» детей женского пола, для которых она не характерна. Ситуация развития детей мужского пола в семье обусловлена их статусом. Они являются субъектами семейно-родового клана, который сохраняется независимо от вступления в брак.

Это отличает их от развития и воспитания женщин, которые после вступления в брак выбывают из семьи, утрачивая свою функцию. Развитие самооценки групп «старших» и «средних детей» женского пола обусловлено и представлениями о женской функции, что также показывают В.И. Гарбузов, Э.Г. Эйдемиллер, А.С. Спиваковская, А.Я. Варга, А.Д. Кошелева, В.И. Перегуда и

др., о их будущей материнской роли (М.И. Лисина, Е.О. Смирнова, Н.Н. Авдеева, С.Ю. Мещерякова, О.В. Баженова, Л.Л. Баз, Г.В. Скобло, А.Д. Кошелева, В.И. Перегуда и др.).

Для группы «младших детей» мужского пола «высокий» уровень самооценки не характерен, в отличие от группы «младших детей» женского пола, где она выражена. Младший сын в казахской семье с детства подготавливается к своей будущей функции (преемник отца), но до наступления этого этапа все члены семейно-родового клана склонны подавлять его мнение и активность. Младшая дочь не выполняет функцию няни (как это характерно для старших и средних сестер), наоборот, опекается родителями, братьями и сестрами, другими родственниками, они балуют ее, ребенок растет капризным и требовательным.

Все группы испытуемых в периоде от 15–16 лет (выпускники средней школы) показали отсутствие «высокого» уровня самооценки, на что, видимо, повлияло окончание средней школы. В исследованиях детей данного возраста (И.В. Дубровина, И.С. Кон, Л.И. Божович) отмечен рост самооценочной тревожности и болезненной психологической перестройки к новой общественно значимой позиции.

В отличие от возраста 15–16 лет, 17–20 лет – в группах «средних» и «младших детей» самооценка распределена на всех уровнях. Профессиональное самоопределение обуславливает качественное изменение личности, которое происходит вследствие принятия на себя ответственности за профессиональную деятельность.

В возрасте 21–26 лет самооценка «старших детей» распределена на трех уровнях: «высокий», «выше среднего», «средний». Самооценка же группы «средних детей», распределена на иных трех уровнях: «выше среднего», «средний», «ниже среднего». Самооценка группы «младших детей» распределена на четырех уровнях: «выше среднего», «средний», «ниже среднего», «низкий».

Особенности развития испытуемых в возрасте 21–26 лет обусловлены моментом завершения образования и получения профессии, влиянием семейно-брачных факторов и др. моментами развития личности. Возраст можно охарактеризовать, как период относительной стабилизации в субъективных ролевых позициях. Согласованность личности со сроками реализации себя (профессиональная деятельность, создание своей семьи) обуславливает

особенности самооценки. Старшие дети в семье демонстрируют большую успешность (наличие «высокого» уровня самооценки), и менее успешно на их фоне выглядят средние и младшие дети в семье.

В семьях, где только двое детей, у «старших детей» обнаруживается отсутствие «высокого» уровня самооценки. Для группы «младших детей» – она наоборот характерна, хотя доминирует самооценка «выше среднего». Это позволяет говорить о том, что меньшее количество детей (отсутствие средних детей) не только повышает самооценку младшего ребенка в семье, но и создает конкурентную среду для старшего брата (сестры).

В типе семьи «трое детей», самооценка «старших детей» распределена на уровнях «выше среднего» и «средний», а самооценка группы «младших детей» распределена на уровнях «средний» и «ниже среднего». Самооценка в группе «средних детей» распределена на всех пяти уровнях (доминирует уровень «выше среднего»). В семье «трое детей» средний ребенок больше фиксирован на своем положении и более определен в своих обязанностях, правах и др.

В семье «более трех детей» самооценка в группе «старших детей» распределена на уровнях: «высокий», «выше среднего», «средний»; в группе «средних детей» распределена на уровнях «выше среднего» и «средний», но доминирует «средний» уровень самооценки.

В ситуации семьи, где несколько средних детей, взрослые, по традиции, склонны «дробить» средних детей на подгруппы (младшая(-ий) из девочек (мальчиков), старшая(-ий) из девочек (мальчиков), что влияет на развитие самооценки среднего ребенка в семье, так как создается ситуация еще большей неопределенности функции среднего ребенка в семье.

Самооценка в группе «младших детей» распределена на уровнях: «выше среднего», «ниже среднего» и «низкий», а доминирует уровень самооценки «ниже среднего». В семьях «трое детей» и «более трех детей» младшие дети попадают под опеку и воспитание старших и средних детей в семье. Родители во взаимоотношениях с младшим ребенком используют «договоры»: «ты еще маленький», «посмотри как это делают другие», «учись», «когда подрастешь, тогда и будешь все делать», «еще успеешь, твое дело учиться» и др. В результате такого взаимодействия понижается возможность самостоятельных действий и уровень самооценки.

Таким образом, в зависимости от порядка рождения детей в казахской семье у них обнаруживаются психо-семантические различия в восприятии членов семьи: старшие дети воспринимают мать наиболее идеализированно, в отличие от отца, который воспринимается как более достигаемый образ. Свою позицию старшие дети видят близко к позиции отца, а позицию матери – как близкую к себе в будущем; средние дети воспринимают мать менее идеализированно, а отец воспринимается ими как ответственный человек. Свою позицию средние дети видят близко к позиции старшего брата (сестры), а позицию отца – как близкую к себе в будущем. Отсутствие ясной функции в семье у средних детей сближает их с отцом, функция которого в семье также мало выражена; младшие дети воспринимают мать более идеализированно, а отец ими воспринимается как идеал общества, но оценка отца носит чрезвычайно жесткий характер. Младший ребенок в семье наследует дела отца, но направленность отца на внесемейные функции, подрывает отношение к нему, и его роль усваивается медленнее. Свою позицию младшие дети склонны воспринимать близко к идеальным образам, которые ими рассматриваются как близкие себе в будущем.

Дети в казахской семье, независимо от порядка рождения, склонны принимать во взаимодействии позицию субъекта-исполнителя.

Самооценка личности зависит от порядка рождения ребенка в семье: старшие дети имеют самооценку «выше среднего», не изменяющуюся в зависимости от пола, возраста и количества детей в семье; средние дети имеют «среднюю» самооценку, которая не изменяется в зависимости от пола, но изменяется в зависимости от возраста и типа семьи. В 17–20 лет доминирует уровень «выше среднего», а в типе семьи «трое детей» уровень «выше среднего» доминирует во всех возрастных группах; младшие дети имеют «среднюю» самооценку, изменяющуюся в зависимости от типа семьи. В семье «более трех детей»

доминирует самооценка «ниже среднего», в семье «двое детей» – «выше среднего».

Литвинова А.В., Нажесткина Ж.Ю

Взаимосвязь целеполагания и типов переживаний у младших школьников с принятием субъектных позиций во взаимодействии (на примере моно– и разноэтнических семей)

Современную ситуацию, сложившуюся в России, характеризуют стремительные изменения уклада общественной жизни, которые требуют от человека умения самостоятельно ставить и достигать социально значимые цели. Вместе с тем, события не только в социальной, но и личной жизни, и связанные с ними переживания, побуждают каждого человека пересматривать отношение и к себе, и к своему окружению, переоценивать выработанную и устоявшуюся за годы систему ориентировки в ситуации. Центральным механизмом, инициирующим целеполагание, является переживание. Связь индивида с детерминирующими ситуациями разворачивается через переживания эмоций, которые презентуют напряжения целостной ситуации. Нами исследованы следующие виды переживаний: социальные переживания, отражающие оценку своего места в социальных отношениях, я-переживания, связанные с отношением к себе, интеллектуальные переживания, отражающие отношение к ситуации. Совокупность переживаний помогает осознать противоречие, а так же интегрировать объективные и субъективные параметры ситуации в целостном целеполагании. Переживания способствуют становлению содержания целеполагания, делая его более реалистичным и адекватным ситуации в зависимости от возраста школьника.

Согласно нашей гипотезе, существует взаимосвязь целеполагания и типов переживаний с принятием субъектных позиций у младших школьников из моноэтнических и разноэтнических семей. Нам нужно было выявить специфику принятия субъектных позиций младшими школьниками из моноэтнических и разноэтнических семей, обеспечивающих их включение в ситуацию взаимодействия; изучить взаимосвязи типа переживаний (я-переживания, социальные и интеллектуальные переживания) и принятия субъектных позиций с характеристиками целеполагания младших школьников из моно– и разноэтнических семей.

Для этого были применены стимульный материал С. Розенцвейга, обработка результатов проводилась на основе классификации типов субъектных позиций в межличностном взаимодействии, разработанной В.К. Шабельниковым; методика полярной шкалы для выявления особенностей типов переживаний использовалась и методика исследования целей А.К. Марковой «Неоконченные предложения». В исследовании принимали участие 25 учеников 4 класса из моноэтнических семей и 30 учеников 4 класса из разноэтнических семей школ г. Павловского Посада.

По результатам исследования выявлена общая субъектная позиция, свойственная для младших школьников из моноэтнических и разноэтнических семей. Ею является субъектная позиция «субъект-исполнитель» по типу аккомодация (моноэтнические – 44 %, разноэтнические – 40 %), выражающаяся в стремлении к активному личному действию в ситуациях с учетом интересов партнера по взаимодействию для достижения совместного результата. Различие этих групп состоит в том, что для младших школьников из моноэтнических семей характерна функция субъект-исполнитель по типу ассимиляция (56 %), представленная в стремлении к активному действию ради удовлетворения собственных потребностей без учета интересов другого. Младших школьников из разноэтнических семей характеризует принятие субъектной позиции – субъект-потребитель по типу ассимиляция (60 %), выражающейся в претензии на действия других и на потребление ситуации.

Различие этих групп состоит в том, что для моноэтнической группы младших школьников характерна функция субъекта-исполнителя по типу ассимиляция, т. е.

стремление к активному действию ради удовлетворения собственных потребностей без учета интересов другого. В то время как для разноэтничной группы характерна функция субъекта-потребителя по типу ассимиляция, где в реакциях субъекта явно выражены претензии на действия других и на потребление ситуации. Принятие именно этих субъектных функций при взаимодействии свидетельствует о том, что младшие школьники моноэтнической группы часто в ситуациях взаимодействия стремятся к активному действию ради удовлетворения собственных потребностей, а также к получению обоюдно выгодной работы. Школьники разноэтнической группы довольно часто выражают претензии на действия других и на потребление ситуации, но также стремятся к активному личному действию с учетом интересов партнера по коммуникации.

Анализ результатов позволил выявить специфику переживаний младших школьников в зависимости от принятия ими субъектных позиций во взаимодействии. Результаты исследования показали, что большинство младших школьников испытывают интеллектуальные переживания. У школьников из моноэтнических семей в субъектной позиции субъект-потребитель по типу аккомодация – 90,9 % случаев, а субъект-исполнитель по типу ассимиляция – 57,1 % случаев; у школьников из разноэтнических семей с субъектной позицией субъект-потребитель по типу аккомодация интеллектуальные переживания наблюдаются в 58,3 % случаев, а в позиции субъект-потребитель по типу ассимиляция – 33,3 % случаев.

Для общей субъектной позиции субъект-исполнитель по типу аккомодация в группах младших школьников характерны различия в компонентах интеллектуальных переживаний. Страдание, рациональность свойственны для младших школьников из моноэтнических семей. По мнению В.К. Шабельникова (2004), страдание – это функционально необходимое качество русской души, архетип русского народа. Младших школьников из разноэтнических семей отличает преобладание любопытства, сомнения и логики. Декарт раскрывает, что чувство сомнения возникает в ходе познания, а переживание сомнения выступает в качестве показателя протекания мыслительного процесса – если субъект сомневается, то, следовательно, он мыслит. Рассматривая проблему интеллектуальных чувств, Рибо отмечает, что их основу составляет инстинкт любопытства.

Школьникам из разноэтнических семей с субъектной позицией субъект-потребитель по типу аккомодация характерны я-переживания, связанные с отношением к себе, что совсем не характерно для этой же субъектной позиции для школьников из моноэтнических семей. Также в общей субъектной позиции субъект-исполнитель по типу аккомодация для этих групп характерны социальные переживания, отражающие оценку своего места в социальных отношениях (моноэтнические – 9,1 %, разноэтнические – 8,3 %). Для разных субъектных позиций характерно преобладание разных типов переживаний. У младших школьников из моноэтнических семей с субъектной позицией субъект-исполнитель по типу ассимиляция преобладают интеллектуальные переживания, также для этой группы характерны в равной мере я-переживания и социальные переживания. В группе младших школьников из разноэтнических семей с субъектной позицией «субъект-потребитель» по типу ассимиляция преобладают я-переживания, далее по мере выраженности проявляются интеллектуальные и социальные переживания.

Исследование взаимосвязи типов переживаний младших школьников из моноэтнических и разноэтнических семей показало, что для общей субъектной функции субъект-исполнитель по типу аккомодация в моноэтнической и разноэтнической группе характерно преобладание интеллектуальных переживаний. Различия для этих групп состоят в компонентах интеллектуальных переживаний. В отличие от школьников из моноэтнических семей с субъектной позицией субъект-исполнитель по типу ассимиляция у младших школьников из разноэтнических семей с субъектной позицией субъект-потребитель по типу ассимиляция преобладают я-переживания и социальные переживания.

Анализ целей у младших школьников из моноэтнических и разноэтнических семей в зависимости от принятия ими субъектных позиций во взаимодействии показало, что все

младшие школьники предпочитают нелокальные цели (общие, глобальные). Субъектные позиции разноэтнической группы демонстрируют симметричное соотношение нелокальных и локальных целей. В субъектных позициях моноэтнической группы доля нелокальных целей, называемых ребенком, больше, чем локальных (различия достоверны). В нелокальных целях ведущими выделяются окончание школы, устройство на работу, поступление в институт и т. д., причем по значимости цели выстраиваются именно в такой последовательности, нереальной и нелогичной. Это может быть объяснено тем, что, переполненный планами и надеждами, он весь устремлен в будущее, мысленно переживает их свершение, воспринимает долгий путь к намеченным целям уже почти реализованным. Созерцательность, мечтательность, интуитивность мышления в сочетании с эмоциональностью, с ослабленной деловой логикой обуславливает неумение русского человека планомерно и последовательно доводить начатое дело до конца, определяет его увлеченность фантазиями и мечтами о «коммунистическом рае» или «мгновенном рыночном процветании». Это есть, с нашей точки зрения, мифологизация и фантазирование по поводу своего будущего, но, конечно же, не построение реальных жизненных планов, в отличие от школьников разноэтнической группы.

Различия составляют дополнительные параметры целей: субъектная позиция субъект-исполнитель по типу аккомодация у младших школьников из разноэтнических семей является более значимой по параметрам субъектности и конфликтности локальных целей; субъект-исполнитель по типу аккомодация для младших школьников из моноэтнических семей является пиковым по параметру оценочности локальных целей. В субъектной позиции субъект-потребитель по типу ассимиляция выделился параметр субъектности в нелокальных целях, а в субъектной позиции субъект-исполнитель по типу ассимиляция – параметр оценочности в нелокальных целях.

Нами выявлена значимая корреляционная связь между типами переживаний и целями с принятием субъектных позиций у младших школьников из моноэтнических и разноэтнических семей. В группе младших школьников из моноэтнических семей в субъектной позиции субъект-исполнитель по типу ассимиляция корреляционные связи установлены между нелокальными целями со всеми типами переживаний (интеллектуальными, я-переживаниями и социальными). Связь с локальными целями в этой подгруппе не обнаружена. В субъектной подгруппе субъект-исполнитель по типу аккомодация картина немного другая: установлены связи между интеллектуальными переживаниями и локальными и нелокальными целями, а также связь между социальными переживаниями и нелокальными целями. Общими для младших школьников из моноэтнических семей с разными субъектными позициями являются следующие связи: между интеллектуальными, социальными переживаниями и нелокальными целями.

Наибольшее количество корреляционных связей наблюдается в субъектной позиции субъект-исполнитель по типу аккомодация у младших школьников из разноэтнических семей. Картина взаимосвязей между показателями целеполагания и типами переживаний здесь немного другая, хотя и прослеживаются связи, которые есть в моноэтнической группе. В субъектных позициях этой группы появилась связь эго-переживаний с локальными целями, что не было характерно для младших школьников из моноэтнических семей. В субъектной позиции субъект-исполнитель по типу аккомодация установлены многообразные связи между локальными и нелокальными целями и типами переживаний, что не характерно для этой же субъектной позиции в группе младших школьников из моноэтнических семей. Следует отметить, что ни в одной субъектной позиции не выявлена связь социальных переживаний с локальными целями.

Были получены матрицы корреляции, на основе которых построены корреляционные плеяды, отражающие значимые корреляции. Так как в исследовании рассматривается три типа переживаний (интеллектуальные, я-переживания и социальные), то логично изучить взаимосвязь целей (локальных и нелокальных) с каждым из этих компонентов. Также представляет интерес сравнение взаимосвязей разных субъектных позиций во

взаимодействии в разных этнических группах (моно и разнотнической).

В моноэтнической группе в субъектной позиции исполнитель по типу ассимиляция выявлены корреляционные связи между нелокальными целями со всеми типами переживаний (интеллектуальными, я-переживаниями и социальными). Связь с локальными целями в этой подгруппе не обнаружена. В подгруппе субъект-исполнитель по типу аккомодация картина немного другая: установлены связи между интеллектуальными переживаниями и локальными и нелокальными целями, а также связь между социальными переживаниями и нелокальными целями. Общими для моноэтнической группы являются следующие связи: между интеллектуальными, социальными переживаниями и нелокальными целями.

Взаимосвязи между показателями целеполагания и типами переживаний в разнотнической группе несколько другие, хотя и прослеживаются связи, которые есть в моноэтнической группе. В субъектных позициях этой группы появилась связь я-переживаний с локальными целями, что не характерно для моноэтнической группы. В субъектной позиции исполнителя по типу аккомодация установлены многообразные связи между локальными и нелокальными целями и типами переживаний, что не характерно для этой же субъектной позиции в моноэтнической группе. Следует отметить, что ни в одной субъектной позиции не выявлена связь социальных переживаний с локальными целями.

Исследование целей младших школьников в зависимости от принятия ими субъектных позиций во взаимодействии показало, что все младшие школьники предпочитают нелокальные цели (общие, глобальные). Различия составляют дополнительные параметры целей: субъектная позиция исполнитель по типу аккомодация в разнотнической группе является более значимой по параметрам субъектности и конфликтности локальных событий; субъект-исполнитель в моноэтнической группе является пиковым по параметру оценочности локальных целей. В субъектной позиции потребитель по типу ассимиляция выделился параметр субъектности в нелокальных целях, а в субъектной позиции исполнитель по типу ассимиляция – параметр оценочности в нелокальных целях.

Глава III. Развитие личности: семейные детерминанты

Трифопова Е.В

Разновозрастной брак: психология развития ребенка

В связи с усложняющейся системой социальной жизни, общество предъявляет более высокие требования к индивиду и к формированию его субъектной позиции, что с неизбежностью увеличивает нагрузку на семью как систему воспитания и подготовки человека к активной социальной жизни. На фоне социально-экономических и политических реформ в России, семья выступает, с одной стороны, носителем традиционных форм воспитания ребенка, а с другой стороны, индикатором новых отношений в обществе.

Одним из феноменов, характерных для современной семьи, является тенденция к увеличению числа заключаемых разновозрастных браков, в которых один из супругов значительно (на 10 и более лет) старше другого. Согласно терминологии, принятой в нашем исследовании, такие пары обозначены, как разновозрастные. Супружеские пары, у которых эта разница, практически, отсутствует, или же она не превышает 10 лет, обозначены нами как одновозрастные (моновозрастные).

В настоящее время в больших городах России у 13 % пар разница в возрасте составляет десять и более лет; у половины из них – эта разница – в пятнадцать и более лет. Статистические данные по Москве и Санкт-Петербургу свидетельствуют о том, что 2 % от всех супружеских пар, проживающих в данных городах, составляют пары с разницей в возрасте двадцать и более лет.

Рассмотрение данной проблемы представляется нам необходимым и важным в связи с

тем, что формирование и воспитание ребенка в супружеской паре с разницей в возрасте между партнерами в десять и более лет, обладает рядом специфических признаков, как положительных, так и отрицательных, поскольку и сами эти пары характеризуются особыми свойствами и чертами. Нас интересовал более распространенный тип разновозрастных браков – семьи, в которых муж старше своей жены.

Стереотипно фиксированной и привычной, а также социально одобряемой обществом, остается разница в возрасте супругов в пять-шесть лет, составляющая незначительный количественный разрыв.

В России женщины довольно рано вступают в брак (в Москве средний возраст вступления в брак у женщин составляет 21,5, а у мужчин – 22,5 года), поэтому подавляющее большинство жен младше своих мужей.

Однако сейчас мы являемся свидетелями тенденции к увеличению числа разновозрастных браков. Это подтверждается статистическими данными.

Если в 1993 г. ни одна девушка не вышла замуж за мужчину 50–54 лет, то по данным Государственного комитета по статистике, в 1994 г. уже шесть несовершеннолетних россиянок выбрали себе мужей старше 50. Среди совершеннолетних эта цифра еще более значительна: 538 молодых женщин в возрасте от 20 до 30 лет нашли себе мужей в возрасте от 50 до 60 лет, а 138 женщин вышли замуж за мужчин старше 60 лет.

По официальной статистике, в 1993 г. ни один молодой человек, не достигший совершеннолетия, не выбрал жену старше 45 лет. А в 1994 г. уже двое несовершеннолетних нашли себе невест, возраст которых был за 50 лет. Этот показатель у мужчин до 30 лет составил 124 подобных брака.

Семья – это социальное пространство развития личности. Семейные отношения являются той средой, которая формирует личность ребенка и детерминирует его психическое развитие (А.А. Бодалев, И.С. Кон, М.С. Мацковский, М. Мид, А.В. Мудрик, В.С. Мухина, В.С. Собкин, А.С. Спиваковская, В.В. Столин, А.Г. Харчев, В.К. Шабельников, Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкий и др.). Важнейшим компонентом этой детерминации является позиция ребенка в системе семейных отношений. В семье, как социальной системе, существует распределение субъектных функций или позиций участников семейных взаимодействий. В разновозрастных семьях складывается специфическая для развития детей ситуация, которая приводит к формированию у ребенка иного типа субъектных позиций, чем в семьях с родителями, близкими по возрасту.

Субъектная позиция, или особое положение человека во взаимодействии с другими людьми и с окружающим миром, в отечественной психологии в качестве объекта исследования рассматривалась как социальная позиция или положение в обществе, группе; как позиция личности или позиция как отношение человека к действительности в целом или к различным ее областям; как ролевая позиция или позиция человека в непосредственном взаимодействии, в актуальной ситуации (Г.М. Андреева, А.Г. Асмолов, Л.И. Божович, А.Л. Венгер, Н.Е. Веракса, А.Б. Добрович, И.С. Кон, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Парыгин, Л.А. Петровская, А.В. Петровский, А.С. Спиваковская и др.).

В организации деятельности взаимодействие рассматривается как форма субъект-субъектного «интерпсихического» действия, предполагающего распределение функций субъектов в организации взаимодействия. Анализ распределения функций субъектов в их взаимодействии в семье, а также влияния особенностей этого распределения на формирование у детей их субъектных позиций, является актуальной проблемой психологии.

Прежде, чем перейти к непосредственному рассмотрению данной проблемы, остановимся более подробно на современном понимании и определении понятия семьи, а так же специфике организации супружеских отношений в разновозрастном браке.

Психологические аспекты формирования разновозрастной супружеской пары

Глобальные социальные изменения XX в. (индустриализация, рост мобильности

населения, урбанизация, секуляризация и др.) некоторыми авторами напрямую связываются с расшатыванием семейных устоев, таких как: преданность браку на всю жизнь, физическая безопасность индивида, эмоционально положительный домашний фон, стереотипное беспристрастное отношение к воспитанию потомства. Проявления так называемого «кризиса семьи» во всех развитых странах мира стали заметны в самых разных областях – снижение рождаемости, увеличение числа разводов, рост детской преступности, увеличение числа психических заболеваний и многое другое¹⁴.

В свою очередь 15 кризис традиционных форм организации семьи вызывает интенсификацию разводов и распад браков, увеличение числа неполных семей и семей с неродными родителями, широкое распространение аборт и внебрачных рождений, нарастание семейного насилия и т. п.

Естественно, что все это вызывает серьезные изменения в области семейно-брачных и детско-родительских отношений. Главным образом, эти изменения выразились в том, что основным узлом, скрепляющим семью, стали не законы, обычаи или экономическая необходимость, а характер взаимоотношений самих супругов, их удовлетворенность друг другом, и своим браком. Современная семья весьма существенно отличается от семьи прошлых лет коренным изменением ее эмоционально-психологических функций. Говоря иначе: «брачно-семейная жизнь стала приобретать более личностный характер. Снизилась роль внешних факторов в обеспечении устойчивости брака¹⁶ и, соответственно, возросло значение его внутреннего содержания». Подобные изменения в характере организации семьи приводят к тому, что современная семья все в большей мере зависит от своеобразия личностных отношений между родителями и все в меньшей от традиций общества.

В последние годы значительно вырос интерес специалистов различных областей к проблемам семьи и ее влияния на формирование личности ребенка или отдельных аспектов его поведения. Семья как первичная социальная система формирует личность ребенка. Семья – это та среда, в которой ребенок начинает жить и к которой, поэтому, он очень восприимчив. В этом смысле в семье важно абсолютно все: и социальное положение, и род занятий, и уровень образования родителей, и сама внутрисемейная атмосфера.

Семья играет огромную роль, как в жизни отдельной личности, так и всего общества в целом. Значение семьи иллюстрируется и тем фактом, что подавляющее число людей живет в семье (88,4 % населения России живут в семьях). Семья является особым видом малой группы, поскольку она обладает целым рядом специфических характеристик. К их числу можно отнести¹⁷, прежде всего, такие ее особенности, как гетерогенность состава группы, тотальность включенности человека в семью, полифункциональность и т. д.

Отмечается многообразие функций современной семьи – специфических и неспецифических. К специфическим функциям семьи, определяющим ее сущность, относят рождение детей, их воспитание, защита членов семьи от различных катаклизмов и общественных кризисов. Неспецифические функции семья вынуждена осваивать под давлением меняющихся социально-исторических условий. Например, в последнее время

14 Хоментаскас Г.Т. Отражение межличностных отношений в диагностических рисунках семьи: автореф. дис... канд. психол. наук. – М., 1985; Ackerman N.W. The Psychodynamics' of Family Life. – N.Y.: Basic Books, 1998; Duvall E.M. Family Development. – Chicago, 1957.

15 Голод С.И., Клецин А.А. Состояние и перспективы развития семьи. Теоретико-типологический анализ. Эмпирическое обоснование. – СПб.: СПбФ ИС РАН, 1994.

16 Основные тенденции и изменения брачно-семейных отношений в СССР // Современная социология. – Т. II. Динамика социальных процессов в СССР. – М.: Наука, 1982. – С. 152–163.

17 Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я. Семья как объект социальной психологии // Личность в системе общественных отношений. Социально-психологические проблемы в условиях развитого социалистического общества. – Ч. 4. Тезисы научных сообщений советских психологов к IV Всесоюзному Съезду Общества психологов СССР. – М., 1983. – С. 831–832.

произошел «перехват» семей функций других социальных институтов – образовательных, правовых, обслуживающих, досуговых и др. Неспецифическими функциями семьи являются: накопление и передача собственности и статуса, организация производства и потребления, ведение домашнего хозяйства; организация досуга, связанного с заботой о здоровье и благополучии членов семьи, микроклимате, способствующем снятию напряжения, развитию каждого члена семьи.

В настоящее время доминирует европейский тип супружества, который возник более 300 лет назад, хотя история возникновения моногамной семьи насчитывает многие и многие тысячелетия. В нем содержание ценностей, установок и ожиданий, помимо культурно-этнической детерминированности, зависит от комплекса факторов, среди которых: установки родительской семьи, характер взаимоотношений с родителями, влияние референтных групп сверстников и значимых взрослых, особенности личности и характера конкретной личности. Это во многом определяет успешность семейной жизни.

Прямое влияние на стабильность брака имеет непосредственно предшествующий его заключению период предбрачного общения и выбора спутника жизни. Возможности выбора могут определяться демографическими, статусными, территориальными границами, а на пути от знакомства к браку играют роль такие факторы, как продолжительность предбрачного общения и его содержание, степень сходства партнеров по различным параметрам: социокультурным (мировоззрение, идеалы, культурно-образовательный уровень, профессия); социально-психологическим (представление о семейной жизни и распределении семейных ролей); психологическим (направленность личности, самооценка и уровень притязаний, лидерство, контактность, способность к сопереживанию, особенности характера, тип темперамента, уровень интеллекта и т. д.); психофизиологическим, определяющим интимно-сексуальное соответствие¹⁸.

Нестабильность будущей семьи во многом предопределяется ошибками, совершаемыми на этапе выбора партнера: легкомысленным отношением молодых людей к браку и подбору спутника жизни, неумением разобраться в чувствах друг друга, влиянием неосознаваемых мотивов предпочтения и влечения, незнанием специфики предбрачного общения. Наиболее значимыми для предбрачного периода являются мотивация вступления в брак, содержание и динамика взаимных чувств, оценок и представлений, характер общения и взаимодействия. На практике встречаются самые разнообразные мотивы заключения супружеских союзов¹⁹, включающие в себя меркантильно-экономические интересы, желание преодолеть одиночество, легализацию интимных отношений или добрачной беременности, потребность в самоутверждении, повышении социального статуса, освобождение из-под опеки родителей и др. Такие мотивы не всегда осознаются и включаются в механизм возникновения любви, проявления и признаки переживания которой зависят от индивидуально-типологических и половозрастных особенностей человека.

Существуют так называемые «ловушки влюбленности», которые часто возникают в предбрачный период и могут стать ведущим мотивом для вступления в брак:

- 1) обоюдное актерство (партнеры играют романтические роли в соответствии с ожиданиями друг друга, друзей и близких);
- 2) общность интересов, которая принимается за «родство душ»;
- 3) уязвленное самолюбие (мотив победы);
- 4) «ловушка неполноценности» (брак заключается «в благодарность», или же из-за ощущения «последнего шанса»);
- 5) интимная удача;
- 6) «ловушка жалости» (брак заключается из чувства долга, желания

¹⁸ Кутсар Д., Тийт Э. Формирование брака по поведенческим признакам // Исследования по качеству брака. Проблемы семьи. – Тарту, 1982.

¹⁹ Харчев А.Г. Брак и семья в СССР – М.: Политиздат, 1979.

покровительствовать, когда понятие «любить», равно понятию «жалеть»);

- 7) «ловушка порядочности»;
- 8) «ловушка выгоды или пристанища»;
- 9) «ловушка мести»;
- 10) «боязнь одиночества».

При формировании супружеской пары неизбежен компромисс со стороны партнеров, так как вероятность встречи человека, полностью соответствующего имеющемуся эталону спутника жизни, крайне мала. Отсюда вытекает необходимость самоопределения в плане выбора оптимального соотношения конкретных достоинств – недостатков будущего партнера по браку и впоследствии принятия избранника таким, каков он есть.

Рассмотренные нами понятия в большей мере относятся к молодым семьям, в которых разница в возрасте партнеров, не превышает обычного показателя. В равной степени эти характеристики можно отнести и к парам, с большой разницей в возрасте. Но в то же время, эта категория имеет ряд специфических, присущих исключительно ей особенностей, отличительных признаков.

Можно выделить две основных группы причин, обуславливающие влечение мужчин к более молодым женщинам и стремление создать с ними семью:

- 1) социальные причины;
- 2) психологические причины.

К социальным причинам можно отнести следующие:

1) это социально одобряемая и поощряемая обществом форма взаимоотношений между мужчиной и женщиной;

2) такой брак способствует повышению престижа мужчины в общественной иерархической структуре, а следовательно, открывает перед ним некие новые возможности и перспективы;

3) формирование супружеской пары с женщиной, значительно младше мужчины, является подтверждением проявления молодости не только в собственных глазах мужчины, но и общества в целом.

В 1980-е годы в США Ч. Браун и Д. Никсон проводили исследования по данной проблематике, изучая зависимость социальной оценки восприятия возраста мужчин, от количественной характеристики возраста их жен.

Для этого группе испытуемых через равный промежуток времени предъявлялись фотографии двух групп мужчин:

- 1) жены которых были моложе на два-три года;
- 2) жены которых моложе на десять-тридцать лет.

И неизменно, внешний вид мужчин, жены которых были значительно моложе, оценивался выше, чем мужчин, женатых на женщинах с небольшой разницей в возрасте.

Среди группы психологических причин, обуславливающих влечение мужчин к женщинам, младше на десять и более лет, можно выделить следующие:

1) близкие эмоциональные и интимные (сексуальные) отношения с молодой партнершей, способствуют идентификации мужчины с более молодым возрастом, своеобразному психологическому «омолаживанию» мужчины, некому переносу в более ранний возраст, что, в конечном итоге, помогает преодолеть бессознательный страх смерти, выраженный у многих мужчин;

2) женщины более молодого возраста являются для мужчины в большей степени чувственно привлекательными, но не в силу привлекательности их тела по сравнению с ровесницами, как это принято думать, а потому, что на бессознательном уровне, они меньше ассоциируются с образом Матери и интимная жизнь с ними менее табуирована и предполагает большее влечение, большую раскрепощенность.

Согласно психодинамическому подходу теории личности, воздействие человека на окружающую среду в том или ином направлении, определяется конфликтом между силами его подсознания и внешней реальностью. Для психоаналитиков поведение отдельного

человека детерминируется прошлым опытом.

Сторонники психоаналитического подхода считают, что каждый человек в своем сексуальном развитии проходит, так называемую, «ситуацию треугольника», когда (приблизительно в возрасте трех лет) ребенок начинает понимать сексуальные различия пола и у него формируются сексуальные фантазии, сексуальное влечение, направленное на родителя противоположного пола²⁰.

Для мальчика мать – единственный объект сексуальных контактов, его фантазий, а обладает ей – отец. Таким образом, в этот период формируется комплекс Эдипа, характеризующийся влечением сына к матери и недоброжелательным отношением к отцу, стремлением его «устранить», а также непосредственно связанный с ним кастрационный комплекс – вследствие детских кастрационных фантазий, когда мальчик испытывает страх, что отец в наказание за сексуальную активность по отношению к матери, узнав об этом, отрежет ему пенис. Ситуация «семейного романа» непосильна для ребенка и он пытается защититься, вытесняя воспоминания, создавая защитную ширму-экран. Выходом из конфликта является отождествление себя с конкурирующим партнером. При нормальном развитии личности сексуальные представления, связанные с прегенитальным периодом, полностью вытесняются в сферу бессознательного, а соответствующее им представление сублимируется. Однако, нередки случаи, при которых вытеснение инфантильных представлений совершается не полностью, и тогда «ущемленный комплекс» проявляется в виде ошибочных действий, оговорок, в сновидениях, а в более тяжелых случаях – в форме невротических расстройств.

Для мальчика в матери сочетаются два образа: Мать – Великий Угнетатель; Мать – Великий Утешитель. С одной стороны, мальчик ищет у матери безраздельную, всепоглощающую любовь, любовь-обожание, любовь-слияние, безусловную любовь, которую он испытывал в возрасте до полутора лет, в период «абсолютного слияния» (период «первичного всемогущества»), когда ребенок не отделяет свое тело от тела матери, она же по малейшему крику подходит к ребенку. Этот период, в среднем, продолжается около шести месяцев. И всю свою жизнь мальчик (мужчина) стремится к этому слиянию, к повторению ощущения такой любви. Он жаждет ее, но не получает такой любви: ни одна самая замечательная мать не может быть столь любящей, всепонимающей, всепрощающей, бесконечно доброй, как этого хочет трех-пятилетний мальчик. Детские фантазии о материнской любви остаются нереализованными.

В то же время мать является для мальчика Великим Угнетателем и становление личности мальчика, будущего мужчины, происходит как раз через бунт против матери, через нарушение ее запретов и ограничений, мальчик восстает против ее материнской власти.

По мнению психоаналитиков (Ч. Бруйнер; С. Форард 1989), трагедия мужчин заключается в том, что они должны жениться на женщине – предмете подсознательной агрессии, так как часто образ жены сливается с образом Матери, что проявляется в серии сновидений (мужчины видят своих жен в одежде матери, в доме матери и т. п.). А более молодая жена в наибольшей степени отдалена от символического образа Матери в подсознании мужчины. Таким образом, влечение мужчин к партнерам, младше на десять и более лет, кажется вполне, если не закономерным, то объяснимым.

А вот влечение молодой женщины к более старшим партнерам и стремление создать с ними супружескую пару, кажется наиболее таинственным и трудно объяснимым. Оно остается в определенной степени загадочным потому, что молодая женщина заранее соглашается на:

1) некоторое общественное неодобрение, непонимание и возможное осуждение супружеских взаимоотношений с партнером старше ее на десять и более лет;

2) возможное противодействие со стороны родителей женщины и взрослых детей от вероятных предыдущих браков ее мужа;

20 Лейбин В.М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. – М., 1990.

3) в целом на образ жизни более замкнутый и менее интенсивный, направленный на развлечения, чем у женщин с мужьями-ровесниками;

4) она соглашается иметь своим партнером менее эстетически привлекательно выглядящего человека, потому что объективно такой партнер по своим внешним данным, привлекательности, энергии не может конкурировать с ровесниками молодой женщины;

5) на то, что в старости она станет «сиделкой», т. е. на ее плечи лягут все заботы о престарелом муже;

6) на менее чувственную интимную (сексуальную) жизнь.

Психологические исследования подтверждают, что среди тех женщин, которые вступили в длительные близкие эмоциональные отношения или вышли замуж за партнера, старше на десять и более лет, можно условно выделить две группы, наиболее интересной из которых представляется первая.

Первую группу составляют женщины, которые на протяжении всей своей жизни никогда не вступали в интимные (сексуальные) отношения с ровесниками-мужчинами, и для которых те не обладают никакой привлекательностью.

Вторую группу составляют женщины, которые на протяжении всей своей жизни вступали в чувственные (сексуальные) отношения и с ровесниками, и с более старшими мужчинами, но в качестве постоянного партнера предпочитавших старших.

В процессе изучения детства и взаимоотношений в родительской семье этих двух категорий женщин, обнаружилось, что первую группу составляют женщины из семей, где муж значительно старше своей жены (в среднем, разница в возрасте у родителей составляла 13,7 лет в сторону преобладания возраста отца).

Ко второй же группе относятся женщины, у родителей которых разница в возрасте отсутствовала полностью (отец и мать – ровесники), либо составляла, в среднем, два-три года. Однако выявлено, что лидером в таких семьях являлся отец, он был более эмоционально зрелым, то есть психологически он был старше своей жены, что естественным образом отражалось и на восприятии девочкой родительских взаимоотношений, и на психологическом климате семьи, и на особенностях детско-родительских отношений в целом, что, в конечном итоге и приводило к «особой» сформированности психики девочки и ее представлений о женско-мужских отношениях и идеальном партнере.

Установлено, что стратегия отношений с противоположным полом усваивается детьми от родителей еще в раннем детстве. Для формирования самооценки детей очень важно то, как их оценивают родители. Исследования Ш. Хайт выявили закономерную зависимость уровня самооценки, способности к социальной адаптации человека, от того, насколько быстро подходила мать к кричащему младенцу: если мать подходила к ребенку в течение первых 3-х секунд, то он вырастал с твердой уверенностью, что ему помогут в любой жизненной ситуации, с более низким уровнем тревожности (по сравнению с детьми, к которым мать подходила позже указанного временного периода), у них формировался более высокий уровень самооценки, и они обладали лучшей приспособляемостью к изменениям, происходящим в социуме.

Замечено и то, что оценка родителя одного пола с ребенком, в большей степени влияет на его самовосприятие и веру в себя. А то, как оценивал ребенка родитель противоположного пола, формирует ожидание им такой же оценки со стороны возможного партнера.

Согласно «теории моделирования», которая восходит к взглядам З. Фрейда, ребенок, не осознавая этого, идентифицирует себя с родителем своего пола и имитирует его поведение. Позже моделирование стали связывать с имитацией поведения не только родителей, но и других людей. Ребенок наблюдает и неосознанно фиксирует поведение родителей, их взаимоотношения, степень эмоциональности общения, их близость, а также степень критичности или безусловности по отношению к нему самому²¹.

21 Лейбин В.М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. – М., 1990.

Безоценочная любовь матери, конечно, очень важна для девочки, но от мужчин она будет ожидать к себе такого же отношения, каким было отношение к ней отца. И если отец очень критично относился к девочке и не давал ей почувствовать безоценочную, безусловную любовь, то девушка будет ждать и большей критичности от мужчин. Она может опасаться, что не достойна любви своего избранника.

Как считают психоаналитики, девушка, имевшая «холодного», критичного и отстраненного отца, при выборе партнера, будет ориентирована на мужчину, максимально на него похожего, но в отношениях с которым она видит для себя положительную перспективу: чтобы влюбиться, ей необходимо увидеть, что его можно «улучшить», изменить в свою сторону, к благоприятному результату, почувствовав возможность получения недополученного, недостающего в детстве тепла, ласки, внимания, то есть происходит, так называемая, реконструкция с инверсией: повторение детской психотравмирующей ситуации, но уже с положительным знаком, то есть, преодоление проблемы.

Такая ситуация взаимоотношений с отцом часто наблюдается у женщин первой группы. При рассмотрении ситуации их детства, важно отметить, что ими всегда неосознанно избирался заведомо недоступный, самый «холодный» партнер: в школе эти девочки влюблялись в своих учителей-мужчин, а также становились настоящими фанатками эстрадных артистов и т. п.

Но среди категории женщин, относящейся к первой группе, можно выделить тех, чьи взаимоотношения с отцом характеризовались чрезмерной, эмоциональностью, открытостью, и близостью на фоне взаимоотношений с отстраненной и «холодной» матерью. Эта часть женщин при выборе партнера, стремилась к мужчинам, значительно старше себя, которые были бы максимально похожи на отца, и с которыми женщина смогла бы испытывать привычное чувство психологического комфорта, защищенности и близости.

Среди вышеперечисленных причин (ведущих мотивов) для формирования супружеской пары с партнером, который старше женщины на десять и более лет, можно выделить еще одну, которая представляется очень актуальной – экономическая причина.

Психолого-социологические исследования подтверждают тот факт, что число разновозрастных браков увеличивается во времена тяжелого экономического кризиса в стране проживания пары.

Это стремление продиктовано социальными причинами. Женщина получает возможность обрести сразу же, не затратив усилий:

- 1) положение в обществе, соответствующее положению ее мужа;
- 2) обретает материальный достаток;
- 3) получает возможность не работать, а полностью посвятить себя ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей (часто в разновозрастные браки вступают женщины, не нашедшие себя в профессиональной сфере).

Таким образом, решение о вступлении в разновозрастный брак, полимотивировано. Оно детерминируется группой мотивов, как осознаваемых, так и неосознаваемых и реализует актуальные потребности брачных партнеров.

Динамика межличностных отношений в разновозрастной супружеской паре

Говоря о проблемах первых лет супружеской жизни, необходимо отметить ²², что первые год-два совместной жизни – это время формирования индивидуальных стереотипов общения, согласование систем ценностей, выработка общей поведенческой линии. В этот период происходит взаимное приспособление супругов, поиск такого типа взаимоотношений, который удовлетворяет обоих. На этом этапе решаются следующие задачи:

²² Калмыкова Е.С. Психологические проблемы первых лет супружеской жизни // Вопросы психологии. – 1983. – № 3. – С. 86.

- 1) формирование структуры семьи,
- 2) распределение функций (ролей) между мужем и женой,
- 3) выработка общих семейных ценностей.

Сюда, прежде всего, относят такие наиболее важные вопросы²³, как стиль взаимных отношений: формирование устойчивого семейного уклада, распределение бытовых и психологических ролей, выработка приемлемого стиля общения друг с другом, выработка приемов разрешения и профилактики конфликтов и разногласий, определение взаимоотношений с микроокружением по типу открытой или закрытой группы; материально-бытовые проблемы; семейный бюджет; духовная жизнь и проведение досуга и отдыха; интимная жизнь, ожидание и рождение ребенка; взаимоотношения с родителями, отношение к общественным ценностям.

Рассматривая факторы, влияющие на показатель благополучия семьи, можно выделить внутренние и внешние объективные и субъективные факторы:

К внешним объективным факторам мы относим:

- 1) стабильность социальной системы, в которую включена семья;
- 2) уровень жизни в стране проживания супружеской пары.

К внутренним объективным факторам относятся жилищные и материальные условия жизни конкретной семьи.

Внешние субъективные факторы включают в себя:

- 1) силу социального контроля;
- 2) эффективность правовых и моральных норм;
- 3) традиции.

Внутренние субъективные факторы включают в себя:

- 1) межличностные чувства членов семьи (любовь, долг, ответственность, взаимопонимание);
- 2) совместимость супругов и удовлетворенность браком.

Для молодой семьи до рождения детей наиболее характерны²⁴

трудности выработки своего семейного уклада, разочарование друг в друге как результат более глубокого узнавания, конфликты по поводу распределения функций, проблемы во взаимоотношениях с родственниками, материальные и экономические проблемы. В начале супружеской жизни²⁵ нередко так называемые «клановые конфликты», когда связь с семейной группой, из которой вышел один из супругов, препятствует образованию новой связи в новой семейной группе. Существенное значение в возникновении супружеского конфликта имеют те ожидания, которые сложились у партнеров к моменту вступления в брак. Для молодых супругов наиболее типичны²⁶ повышенные ожидания по отношению друг к другу, что нередко является основой конфликта при несовпадении ожиданий с действительностью.

На первый-второй год супружества, приходится примерно 20 % разводов. Около 2 % распадающихся браков существуют менее года. Это связано с трудностями первого-второго годов совместной жизни молодых²⁷, когда зачастую спадают «маски», опровергаются более ранние представления друг о друге, наступает острое разочарование, всплывают

²³ Балл Г. А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности // Вопросы психологии. – 1989. – № 1. – С. 98.

²⁴ Волкова А.Н., Трапезникова Т.М. Методические приемы диагностики супружеских отношений // Вопросы психологии. – 1985. – № 5. – С. 112.

²⁵ Обозов Н.Н. Психология межличностных отношений. – Киев, 1990. – С. 65.

²⁶ Левкович В.П., Эуськова О.Э. Методика диагностики супружеских отношений // Вопросы психологии. – 1987. – № 4. – С. 94.

²⁷ Сысенко В.А. Супружеские конфликты. – М.: Финансы и статистика, 1983.

принципиальные разногласия...

Таким образом, брачно-семейную адаптацию необходимо рассматривать как сложный, многоуровневый целостный процесс взаимного приспособления супругов друг к другу и к семейной жизни.

Выделяют четыре уровня супружеской совместимости²⁸:

- 1) социокультурный (мировоззрение, идеалы, культурно-образовательный уровень, профессия);
- 2) социально-психологический (социальные роли, семейные ролевые ожидания);
- 3) психологический (направленность личности, самооценка и уровень притязаний, лидерство, контактность, способность к сопереживанию, особенности характера, тип темперамента, уровень интеллекта и т. д.);
- 4) психофизиологический (определяющий интимно-сексуальное соответствие).

Однако нельзя говорить о совместимости, как о некой сумме совпадающих характеристик личностей супругов. Наиболее целесообразным нам кажется комплексный подход к определению и трактовке супружеской совместимости, включающий в себя:

- 1) структурный анализ (структура «Я» супругов);
- 2) функциональный анализ (семейные роли);
- 3) адаптивный анализ (механизмы приспособления супругов друг к другу).

Любое нарушение данной структуры неизбежно приведет к дисгармонии во взаимоотношениях супружеской пары, к затруднениям или невозможности выполнять семьей ее функций.

В основе классификации конфликтов, возникающих в супружеских отношениях, предложенной В.А. Сысенко, находятся неудовлетворенные потребности одного или обоих супругов. Если структурировать супружеские проблемы, которые являются наиболее частыми для обращения в психологическую консультацию, то можно выделить следующие:

1. Различного рода конфликты, взаимного рода недовольство, связанные с распределением супружеских ролей и обязанностей.
2. Конфликты, проблемы, недовольство супругов, связанные с различиями во взглядах на семейную жизнь и межличностные отношения.
3. Сексуальные проблемы, недовольство одного супруга другим в этой сфере, и взаимное неумение наладить нормальные сексуальные отношения.
4. Сложности и конфликты во взаимоотношении супружеской пары с родителями одного или обоих супругов.
5. Болезнь (психическая или физическая) одного из супругов, проблемы и трудности, вызванные необходимостью адаптации семьи к заболеванию, негативным отношением к себе и окружающим самого больного или членов семьи.
6. Проблемы власти и влияния в супружеских взаимоотношениях.
7. Отсутствие тепла в отношениях супругов, дефицит близости и доверительности, проблемы общения.

Наверное, этот перечень может быть продолжен, хотя нам он представляется достаточным. Каждый его пункт включает в себя множество более частных случаев и типов ситуаций, и уже поэтому расширение списка представляется нам нецелесообразным.

На базе неудовлетворенных или частично удовлетворенных потребностей в семье может возникнуть временное или хроническое физиологическое, психическое напряжение, которое постепенно подтачивает эмоционально-психологическую стабильность брака. Один из супругов может быть преградой для удовлетворения каких-то личных потребностей другого, а любая блокада интересов и желаний личности сопровождается совокупностью отрицательных чувств и эмоций, которые разрушают устои семьи. К тому же очень часто

²⁸ Жукова Н.О. К проблеме специальной подготовки к браку // Служба семьи: изучение опыта и принципов организации. – М., 1981. – С. 79–81; Чуйко Л.В. Браки и разводы. – М., 1975. – С. 87; Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В. Семейная психотерапия. – Л.: Медицина, 1989.

оказывается, что конфликт выгоден одному из супругов. Конфликты не являются неизменной, статичной величиной, они трансформируются и видоизменяются на различных этапах жизненного цикла семьи.

Рассмотрим особенности функционирования семьи на различных этапах ее развития, сравнив соответствующие характеристики у обычных семей, супруги в которых не имеют значительной разницы в возрасте, с семьями, где муж старше жены на десять и более лет, то есть, где возрастной показатель имеет яркую выраженность.

О проблеме взаимной адаптации супругов мы подробно писали в начале главы. Сейчас же мы хотим остановиться на социально-психологическом, функциональном компоненте супружеской совместимости. Главным, ключевым, определяющим понятием здесь является понятие о семейных ролях и семейных ролевых ожиданиях. Человек, живущий в той или иной культуре, а нас сейчас интересует культура семейных отношений, соотносит свое поведение с присущими этой культуре стереотипами. Он может стремиться как можно полнее им соответствовать или наоборот, не соответствовать им, но в любом случае они служат для него точкой отсчета. Даже если он вырос в условиях одной культуры, а ориентируется на стереотипы другой, он отталкивается все же от «своей», хотя она по каким-то причинам и не удовлетворяет его. Соответствовать определенному социально-культурному стереотипу – значит играть определяемую им социальную роль. Понятие роли, как социальной функции личности, ввел Дж. Мид, обозначив им отвечающий принятым нормам способ поведения людей в системе межличностных отношений, зависящий от их позиции или статуса в обществе.

В ходе жизнедеятельности семьи у ее членов формируются представления о семье: о себе, как о члене семьи, личности других ее членов, условиях жизни, целях, основных ситуациях, с которыми семья имеет дело, проблемах, с которыми сталкивается, социальном окружении и взаимоотношениях семьи с ним. Представления эти играют огромную роль в жизни семьи. От того, как индивид представляет себе личность других членов (их психологические особенности, чувства, мысли), возможности, которыми располагает семья, в чем усматривает основные проблемы, во многом зависит и то, какие потребности он стремится удовлетворить в семье, как он относится к различным сторонам ее жизни, как он понимает поступки и намерения других членов семьи, относится к удачам и неудачам.

Роли и пары в семье разделяются на супружеские, где участники – муж-жена; родительско-детские – отец-дочь, мать-дочь, отец-сын и т. д.; и детские – брат-сестра. Роли в семье всегда бывают парными²⁹. Нельзя играть роль жены при отсутствии мужа, так же как роль отца или матери при отсутствии сына или дочери и так далее.

Существуют разные представления о семейных ролях. Одна и та же роль связана с разными ожиданиями. Поэтому очень важно выяснить, что означает данная роль для каждого члена семьи. Конфликты и недоразумения по поводу распределения ролей и обязанностей являются весьма характерными для супружеских пар.

Отметим, что само понятие ролевого конфликта является достаточно широким и опирается на представление о семейных ролях как о некой системе дел и обязанностей, обеспечивающих повседневную жизнь супругов и тесно связанных между собой. На начальном этапе совместной супружеской жизни эта проблема является наиболее типичной, потому что в паре нормы отношений только устанавливаются, причем, сказанное относится как к семьям, не имеющим большой возрастной разницы, так и к семьям, где эта разница присутствует.

Каждый партнер вступает в супружеские отношения с определенными «уставами» и «сценариями», определенными представлениями о том, какими они должны быть. Представления образуют целую систему, в которой расписано все супружеское взаимодействие. И в образовании системы данных ожиданий огромное место отводится роли родительской семьи. Это представление базируется на идеях психоанализа о том, что

29 Сатир В. Как строить себя и свою семью. – М.: Педагогика-пресс, 1992. – С. 190.

каждый супруг (в более широком смысле – каждый взрослый человек), взаимодействуя с представителями противоположного пола, в том числе в своей семейной жизни, стремится реализовать те паттерны взаимодействия, которые были усвоены в детстве в семье родителей. Причем, стремления к реализации «родительских» паттернов взаимодействия чаще всего носит компенсаторный характер, то есть человек стремится получить от своего партнера любовь и признание в той области, в которой в детстве он ощущал дефицит подобного общения, чаще всего от родителя противоположного пола. Строится, так называемый, «контрсценарий».

Таким образом, многие ситуации и способы взаимодействия с партнером, которые обычно и являются конфликтогенными служат не развитию отношений, не достижению каких-то жизненных целей, а часто представляют собой лишь способы компенсации трудностей и проблем детства.

Так, для женщин, отнесенных нами к первой группе (никогда не вступавшие в эмоциональные (интимные) связи с ровесниками-мужчинами), выявлено, что их требование, чтобы муж не оставлял их подолгу одних и которые болезненно переживали каждую его отлучку из дома, более поздний, чем обычно, приход с работы и т. п., часто бессознательно реализуют не свое реальное «взрослое» желание как можно больше времени находиться с мужем, а тот дефицит внимания и любви со стороны отца, который когда-то испытывали в детстве. Тот же самый паттерн поведения может быть следствием того, что женщина идентифицируется со своей матерью, которая, с ее точки зрения, постоянно ощущала себя брошенной, так как муж (отец женщины) часто и подолгу отсутствовал дома. В своей собственной семейной жизни она пытается «изжить» эту материнскую травму.

Для семейных союзов, в которых у одного из партнеров это – не первый брак, борьба «уставов», «кодексов» осложняется и стереотипными представлениями, формами поведения, набором правил, оставшимися от предыдущего брака, так как может срабатывать закрепившаяся ранее модель поведения, выработанная в процессе семейных отношений с предыдущим партнером. И часто такая ригидность может оказывать отрицательное воздействие на формирование нового, общего, единого «устава» для новообразованной семьи. Этот фактор, присущий в большей степени разновозрастным супружеским союзам, может оказывать значительное влияние на стабильность брака.

Тесно связан с вышеизложенными представлениями еще один конструкт, который выражает представление о том, что в своем большинстве, существующие в отношениях проблемы и конфликты являются следствием бессознательной борьбы супругов за власть и влияние в отношениях, их конкуренции друг с другом. Для торжества над партнером могут использоваться любые средства, в том числе:

- 1) отказ от участия в сексуальных отношениях – чтобы продемонстрировать другому низменность его стремлений, унижить и наказать за что-либо;
- 2) поздние приходы как доказательство собственной независимости и самостоятельности;
- 3) обвинения и претензии по мелочам – для того, чтобы убедить партнера в том, что он (она) ни на что не способен (-на) и т. д.

Борьба за власть, признание и влияние являются естественной реальностью любых отношений. В супружеских же парах необходимо установление некоторого баланса между мужем и женой, когда, условно говоря, все выигрыши и проигрыши одного компенсируются и уравниваются выигрышами и проигрышами другого, потому что главным является добровольное согласие на соответствующий тип отношений, его принятие и поддержка со стороны обоих супругов. Если же в семье существует неправильное распределение лидерских, либо каких-то других семейных ролей, это порождает взаимную агрессию супругов и приводит к многочисленным конфликтам.

Считается, что анализ структуры семьи (которая включает в себя число и состав семьи, а также совокупность взаимоотношений между ее членами) дает возможность ответить на вопрос, каким образом реализуется функция семьи: кто в семье осуществляет руководство и

кто – исполнение, как распределены между членами семьи права и обязанности. С точки зрения структуры семьи можно выделить такие семьи, где руководство и организация всех функций сосредоточены в руках одного члена семьи. В других семьях имеется ярко выраженное участие в управлении семьей всех ее членов. В первом случае говорят об авторитарной системе отношений; во второй – о демократической.

Структура семьи может быть различной и с точки зрения того, как в ней распределены основные обязанности: большинство обязанностей сосредоточено в руках одного члена семьи или обязанности распределяются равномерно. Чаще всего семья ориентирована на равноправное распределение обязанностей, а также на равное участие в решении всех семейных проблем. В ходе психолого-социологических опросов 30 на предпочтительность такой структуры взаимоотношений указывает большая часть опрошенных.

На распределение лидерских ролей оказывают влияние и внутрисемейные установки супругов: возможна ситуация, когда оба супруга не стремятся занимать лидирующее положение и обладать большей степенью власти по отношению к своему партнеру. В таких семьях процесс распределения обязанностей, а также ответственность за принятие решений менее конфликтногенны, по сравнению с супружескими парами, где оба супруга стремятся к лидерству и между которыми происходит борьба, часто носящая скрытый характер, но, как отмечалось раньше, отрицательно влияющая на психоэмоциональный климат семьи и стимулирующая высокую степень конфликтности взаимоотношений. В наибольшей степени такое развитие внутрисемейных отношений характерно для одновозрастных браков, в которых наиболее ярко проявляется борьба за власть и за распределение функций, в процессе которой один из супругов берет большую часть ответственности, влияния в какой-то одной области, а его партнер – в другой. И если такого перераспределения не происходит или же оно не удовлетворяет потребностям хотя бы одного из супругов, чаще всего, такой брак распадается.

В разновозрастных же парах можно говорить об атипичном развитии отношений в семье. И главной их особенностью является то, что в первые три года в данных супружеских союзах не происходит борьбы за лидерство, так как обычно власть, значительное влияние и лидерство в них, в большей степени принадлежат старшему партнеру. И можно считать, что начальный период совместной жизни, по данному фактору, у них проходит менее конфликтногенно, по сравнению с одновозрастными.

Также необходимо отметить, что преимущество семей, в которых мужчина старше женщины на десять и более лет, заключается в том, что в начальный период адаптации и интеграции супругов,

хотя бы один из них обладает большей зрелостью, терпимостью и опытом, а следовательно, умением разрешать конфликты. Это фактор – положительно влияющий на стабильность брачного союза в первые три года совместной жизни. Однако, через три-четыре года, младший партнер начинает ощущать себя более самостоятельным и независимым, он «дорастает» до уровня своего супруга, за этот период у него формируется несколько иное мировоззрение, он получает новый социальный статус и в это время начинается борьба за переход власти и перераспределение ролей и функций в семье.

Таким образом, кризисный период, совпадающий с началом совместной жизни, и характерный для одновозрастных пар, во взаимоотношениях партнеров с большой разницей в возрасте, смещен на три-четыре года.

Это подтверждается исследованиями, проведенными в США в 1989 г.: процент расторжения браков среди общего числа разводов семейных пар с разницей в возрасте в десять и более лет, спустя четыре года совместной жизни, составил 19 % (С. Форард, Ч. Бруйнер).

Если рассматривать динамику семейных взаимоотношений у супругов, где один партнер значительно старше другого, то можно отметить, что конфликты, характерные

данным супружеским союзам, имеют некоторые отличия и несут специфические признаки.

В предбрачный период, в момент ухаживания и в начале совместной жизни, происходит некоторая гипермобилизация более старшего партнера. Он становится более активным, коммуникабельным, лабильным, чем обычно. В процессе же совместной жизни, после «завоевания» женщины, мужчина возвращается к своему обычному психофизиологическому состоянию, энергетический потенциал снижается и ему требуется больший отдых.

Неудовлетворенность в разновозрастном браке больше связана с несоответствием образа жизни супругов и их представлений о коммуникативной функции семьи, взаимодействии семьи с социальным окружением, поскольку:

1) друзья мужа-жены, в связи со значительной разницей в возрасте, не так интересны друг другу;

2) существуют различные системы ценностей и жизненных ориентиров супругов: большая ориентированность на профессиональную деятельность мужчины и на отдых, развлечения, общение – молодой женщины;

3) направленность женщины на образ жизни, более энергичный, подвижный, ориентированный на поездки и интенсивное общение, и некоторая замкнутость, консервативность со стороны более старшего партнера.

Нередко причиной конфликтов в таких семьях служат взаимоотношения с родителями молодой женщины и детьми от предыдущего брака мужчины (совместное проживание с теми или другими при этом не является определяющим).

Как отмечалось нами ранее, очень часто такой «неравный» брак вызывает неприятие, непонимание, а иногда и открыто агрессивные формы поведения со стороны общества, что, несомненно, отражается на обоих супругах и нередко вынуждает их скрывать друг друга от своих знакомых.

В результате социологических опросов выявлено, что 26 % конфликтов и разводов, по оценке самих разводящихся, происходят от взаимоотношений с родителями. В двадцать один год (а это, как отмечалось нами раньше, – средний возраст вступления в брак в Москве), никто из молодых людей, как правило, психологически не отделился от своей семьи, даже если они отделились территориально, от влияния оценки родителей, зависимости и стремления в максимально допустимой мере соответствовать идеальному представлению родителей о нем. Поэтому молодому супругу приходится, с одной стороны, нивелировать, нейтрализовать влияние, воздействие родственников на себя (а в молодых семьях, на второго партнера оказывают влияние его родители, то есть происходит двойное воздействие на семью) и строить, одновременно с этим, новые отношения в своей собственной семье.

На стабильность брачного союза в разновозрастной паре существенное влияние оказывает факт невозможности иметь детей, потому что наличие высоких репродуктивных установок у молодой женщины является вполне закономерным. Также в этих парах часто существуют проблемы в сексуальной жизни, что является фактором, отрицательно влияющим на семейные отношения и стабильность, прочность брачного союза.

В семьях, где один из партнеров значительно старше другого, высок риск подмены любовных отношений родительской заботой, что порождает не свойственный семейным отношениям, специфический конфликт «отцов и детей», характерный для родительской семьи и стимулированный конфликтом поколений, так как муж и жена имеют большую разницу в возрасте и принадлежат к разным поколениям с различными нормативными установками и ценностями (Руф МакКлендор, 1988). Их несовпадение, а также возможная авторитарность поведения более старшего партнера, могут спровоцировать агрессивное поведение младшего, желание во что бы то ни стало отстоять свою независимость и индивидуальность (происходит своеобразная регрессия в подростковый возраст и соответствующий ему кризис).

Трудности психологического приспособления к партнеру, особенно в начале

совместной жизни, обычно приходится преодолевать более младшему супругу: как правило, чем старше человек, тем более он консервативен и ригиден, тем тяжелее ему менять свои взгляды и привычки.

Таким образом, динамика межличностных отношений в разновозрастной супружеской паре характеризуется рядом специфических, отличающихся от одновозрастного брака, механизмов, как положительно, так и отрицательно влияющих на стабильность брачного союза.

Влияние семейных отношений на формирование субъектных позиций у детей

В современной социальной ситуации возрастает роль личности как субъекта организации своей жизни и деятельности. Это связано как с явной дестабилизацией общественных отношений, так и с отказом государства от организации общественных отношений во многих сферах жизни. Эти функции передаются индивиду как «кузнецу своего счастья». Человек должен уметь строить и перестраивать свои отношения, создавая свою профессиональную и личную среду. В такой ситуации способность личности принимать на себя те или иные функции в организации совместной деятельности определяет очень многое.

В связи с усложняющейся системой социальной жизни, предъявляются более высокие требования к индивиду и к его субъектным позициям, что с неизбежностью увеличивает нагрузку на сферу воспитания и подготовки человека к активной социальной жизни. Изначально можно было предполагать, что склонности и способности человека занимать ту или иную субъектную позицию в организации деятельности формируются в детстве, в семейном воспитании. Однако более конкретное понимание этого требовало специального исследования.

В семье, как социальной системе, существует распределение субъектных функций или позиций участников межличностных взаимодействий. Нами было проведено эмпирическое исследование влияния семейных отношений на формирование субъектных позиций у детей.

Субъектная позиция, или особое положение человека во взаимодействии с другими людьми и с окружающим миром, в отечественной психологии в качестве объекта исследования рассматривалась как социальная позиция или положение в обществе, группе; как позиция личности или позиция как отношение человека к действительности в целом или к различным ее областям; как ролевая позиция или позиция человека в непосредственном взаимодействии, в актуальной ситуации (Г.М. Андреева, О.С. Анисимов, А.Г. Асмолов, Л.И. Божович, А.Л. Венгер, Н.Е. Веракса, А.Б. Добрович, И.С. Кон, М.Ю. Кондратьев, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Парыгин, Л.А. Петровская, А.В. Петровский, А.С. Спиваковская и др.).

В теории деятельности взаимодействие рассматривается как форма субъект-субъектного «интерпсихического» действия, предполагающего распределение функций субъектов в организации этого взаимодействия (В.К. Шабельников). Личностные качества формируются как психологическое обеспечение субъекта деятельности, включенного в социальные ситуации. Особенности включения человека в ситуацию определяют выбор позиции, реализуемой им как субъектом во взаимодействии.

Социальные изменения XX в. привели к кризису традиционных форм организации семьи (С.И. Голод, М.С. Мацковский, А.Г. Харчев и др.). Основным узлом, скрепляющим семью, стали не законы, обычаи или экономическая необходимость, а характер взаимоотношений супругов, их удовлетворенность друг другом, и своим браком. Говоря иначе: брачно-семейная жизнь стала приобретать более личностный характер. Снизилась роль внешних факторов в обеспечении устойчивости брака и, соответственно, возросло значение его внутреннего содержания. Подобные изменения в характере организации семьи приводят к тому, что как социальная ситуация развития ребенка, семья все в большей мере зависит от своеобразия личностных отношений между родителями и все в меньшей от традиций общества.

Традиционный тип семьи – это многоуровневая семейная система, лежащая в основе

родовых и этнических социальных систем. Она отличается сложными внутрисемейными и межсемейными отношениями, создающими устойчивую структуру общества (рода, этноса, клана). Современный тип семьи – это локальные семейные системы, включенные в современные формы государственной и профессиональной деятельности. Отличается от традиционной семьи, прежде всего, разрушенностью стабильных межсемейных родовых отношений (В.К. Шабельников).

Одним из феноменов, характерных для современной семьи, является тенденция к увеличению числа заключаемых разновозрастных браков, в которых один из супругов значительно (на 10 и более лет) старше другого. Нас интересовал более распространенный тип разновозрастных браков – семьи, в которых муж старше своей жены.

Проблема разновозрастных семей является, фактически, неразработанной. Основная часть исходного материала нами была почерпнута из зарубежных источников (Г. Навайтис, Ч. Браун, Д. Никсон, Д. Форард, К. Бруйнер и др.). Влияние же семейных отношений на формирование субъектных позиций у детей в семьях с разновозрастными родителями, не описывается вообще.

Динамика семейных отношений в разновозрастной супружеской паре характеризуется рядом специфических механизмов. Прежде всего, особое внимание привлекает полимотивированность формирования разновозрастных пар, а также существенная роль неосознаваемых мотивов в этом процессе, которые реализуют актуальные потребности брачных партнеров. Выделяются группы психологических и социальных причин создания данных супружеских союзов.

Необходимо отметить, что число разновозрастных браков увеличивается в ситуации нестабильности, а в настоящее время Россия как раз переживает такой кризис. Кроме того, в разновозрастных парах отмечается нетипичное развитие отношений в семье. Кризисный период, совпадающий с началом совместной жизни, и характерный для одновозрастных пар, во взаимоотношениях партнеров с большой разницей в возрасте, проходит менее конфликтно, и смещен на три-четыре года, так как обычно власть, значительное влияние и лидерство в них, в большей степени принадлежат старшему партнеру. Однако вскоре у младшего партнера формируется несколько иное мировоззрение, он получает новый социальный статус и в это время начинается борьба за переход власти и перераспределение ролей и функций в семье.

Конфликтность в разновозрастном браке больше связана с несоответствием образа жизни супругов и их представлений о коммуникативной функции семьи, о взаимодействии семьи с социальным окружением и т. д. В данных семьях высок риск подмены любовных отношений родительской заботой, что порождает несвойственный семейным отношениям специфический конфликт «отцов и детей», характерный для родительской семьи и стимулированный конфликтом поколений, (происходит своеобразная регрессия в подростковый возраст и соответствующий ему кризис).

Для семейных союзов, в которых у одного из партнеров это – не первый брак, борьба «уставов», «кодексов», с которыми супруги приходят в брак, осложняется и стереотипными представлениями, формами поведения, набором правил, оставшимися от предыдущего брака, так как может реализовываться закрепившаяся ранее модель поведения, выработанная в процессе семейных отношений с предыдущим партнером. И часто такая ригидность также оказывает отрицательное воздействие на формирование нового, общего, единого «устава» для новообразованной семьи. Этот фактор, присущий в большей степени разновозрастным супружеским союзам, может оказывать значительное влияние на стабильность брака.

Таким образом, динамика супружеских отношений в разновозрастной супружеской паре характеризуется рядом специфических, отличающихся от одновозрастного брака, механизмов, как положительно, так и отрицательно влияющих на стабильность брачного союза. Данные особенности оказывают существенное влияние на внутрисемейное взаимодействие, детско-родительские отношения и являются определяющими в формировании субъектных позиций и в целом, личности ребенка.

Цель исследования заключалась в выявлении особенностей формирования субъектных позиций у детей в семьях с разновозрастными и моновозрастными родителями, а также зависимости формирования этих позиций от характера внутрисемейных отношений.

В своей работе мы придерживались положения о том, что субъектные позиции проявляются, как склонность индивидов принимать на себя во взаимодействии с другими людьми те или иные субъектные функции. Мы использовали определения функций субъектов во взаимодействии, по классификации, разработанной В.К. Шабельниковым (потребитель, исполнитель, координатор, оценщик, объект потребности).

Определяющим ядром любой социальной системы является функция субъекта-потребителя, которая обозначает центр системы и очерчивает пространство функций жизнедеятельности. Последние, по сути, структурируют означенное пространство, т. е. задают, «рождают» мотивы деятельности и векторы ее направленности.

Функция субъект-потребитель – это функция естественного (первичного) организатора действия, т. е. субъекта, определяющего своими потребностями направленность и смысл действий. Для формирования у ребенка устойчивого стремления демонстрировать в общении функцию потребителя, очевидно, необходимы условия, когда эту функцию действительно нужно демонстрировать, т. е. эта функция не должна обеспечиваться родителями сразу, автоматически. Снижение функции потребителя можно ожидать в тех условиях воспитания, когда потребности ребенка удовлетворяются достаточно автоматически, либо же не удовлетворяются вовсе, а попытки их демонстрировать подавляются как неприемлемая форма поведения.

Функция субъекта-исполнителя выделяется в оппозицию функции потребления и проявляется как активная реализация собственных и чужих потребностей. Для формирования устойчивой позиции субъекта-исполнителя также необходимы условия, когда ребенку необходимо как можно чаще принимать на себя функции исполнителя в общении с родителями. Это, как и в случае с формированием позиции потребителя, предполагает определенную степень депривации со стороны родителей. Человек вынужден действовать сам, когда окружающие не становятся быстрыми исполнителями его требований. Подавление же склонности ребенка к принятию функции исполнителя может определяться условиями, когда эта функция активно выполняется родителями. В этих случаях либо желания ребенка быстро выполняются так, что ему нет необходимости что-то активно предпринимать самому, либо его активность исполнителя жестко подавляется авторитарным контролем и запретами.

Функция субъекта-координатора заключается в согласовании действий субъектов системы. Человек занимает позицию организатора деятельности. Функция координатора дает субъекту возможность участвовать в деятельности, но не самому, а управляя другими. Ее можно рассматривать двояко: с одной стороны – это проявление достаточной зрелости личности для координации и руководства деятельностью своей и других людей, но с другой стороны – это избегание функции исполнителя и передача ее другому лицу.

Развитие у ребенка позиции субъекта-координатора предполагает наличие заметных рассогласований в позициях и действиях родителей от координирующей функции ребенка. Подавление же этой функции может обеспечиваться либо высокой согласованностью позиций родителей, либо закрытостью их взаимодействия от участия ребенка.

Функция субъекта-оценщика – это функция судьбы, наблюдающего как бы со стороны за развитием системы и качеством исполнения ролей другими субъектами. Функция оценщика – это уход и от функции потребления и от исполнения. Это своеобразное «нависание» над ситуацией, отстраненность от нее. Вместе с тем, функция оценщика дает возможность рассматривать ситуацию как бы от лица некоторой более значимой системы. В семейных взаимодействиях можно видеть стремление субъекта-оценщика не быть внутренним компонентом этой системы, стремление к некоторой отстраненности от нее.

Для формирования у ребенка склонности занимать позицию судьбы-оценщика в семье тоже должны быть созданы условия для развития этой функции. Во-первых, это признание

прав ребенка на оценку действия либо отца, либо матери, а во-вторых, потребность семьи в реализации этой функции. Речь здесь может идти о рассогласовании у родителей их точек зрения на события в доме, включая поведение ребенка, или на оценку друг друга. Подавление же развития этой функции у ребенка может обеспечиваться как согласованностью позиций родителей, так и отстраненностью их решений и действий от мнения ребенка.

Функция субъекта-объекта потребности – достаточно редкая и «изысканная» форма участия субъекта в организации деятельности. Данная функция начинает работать, когда функции субъект-потребитель и субъект-исполнитель слиты в партнере, когда нужно спровоцировать эти две функции через актуализацию потребности другого человека в себе как в субъекте (или объекте), способном удовлетворить потребности этого другого в ситуации, в деятельности. Эта функция проявляется в демонстрации своего стремления удовлетворять или не удовлетворять потребности другого субъекта, а также в зависимости субъекта от интереса к нему, от его принятия другими. Это – тип отношений и взаимодействий, характерный для современной жизни (тезис: «Если тебе что-то нужно (*от меня*), то ты сам и делай!»). Сам же ребенок как субъект-объект потребности занимает здесь выжидательную позицию, ждет действий другого.

Развитие у ребенка склонности занимать позицию субъекта-объекта потребности связано с первоначальной невостребованностью его в ситуации семейного взаимодействия. Возможна ситуация, когда позиция ребенка занята и его функции выполняются каким-то другим членом семьи, а ребенок, таким образом, «выпадает» из структуры, частью которой является. Эта ситуация депривации ребенка приводит к тому, что он не уверен в себе как в объекте потребности, в первую очередь, со стороны папы и мамы. Поиск своего места и возможностей к реализации своей функции объекта потребности приводит к тому, что ребенок вынужден включаться в данную нестабильную ситуацию единственным доступным ему на данном этапе способом: занимая выжидательную позицию, но при этом провоцируя другого на свое участие во взаимодействии (привлекая тем самым к себе внимание родителей).

Функции субъекта-исполнителя, субъекта-потребителя предполагают непосредственное участие, включенность человека (в нашем случае – ребенка) в действие. Если организация деятельности стабильная, то субъект остается на уровне реализации базисных потребностей (функция потребления). По мере усложнения организации деятельности, из первичных функций потребления и исполнения выделяются функция оценщика или более активная функция координатора.

Мы предположили, что в разновозрастных семьях складывается специфическая для развития детей ситуация, которая приводит к формированию у ребенка иного типа субъектных позиций, чем в семьях с родителями, близкими по возрасту.

Гипотеза исследования состояла в предположении, что взаимоотношения в семьях с разновозрастными и одновозрастными родителями по-разному влияют на формирование у детей их субъектных позиций.

На основе центральной гипотезы были выдвинуты несколько частных гипотез:

1) в семьях с одновозрастными родителями у детей в основном формируются субъектные позиции к выполнению функций субъекта-исполнителя или субъекта-потребителя, как базисных в организации деятельности;

2) в семьях с разновозрастными родителями у детей в основном формируются субъектные позиции к выполнению функций субъекта-координатора, субъекта-оценщика или субъекта-объекта потребности, что определяется более сложной организацией внутрисемейных взаимодействий в данном типе семьи.

С учетом поставленной цели и сформулированных гипотез, нами были выдвинуты следующие задачи исследования:

1. Выявить различия в особенностях отношения родителей к ребенку в семьях с одновозрастными и разновозрастными родителями;

2. Выявить субъектные позиции, проявляющиеся у детей в ситуациях взаимодействия с другими людьми;

3. Сравнить субъектные позиции детей из семей с разновозрастными и моновозрастными родителями;

4. Проанализировать зависимость между отношением родителей к ребенку в семье и предпочитаемыми субъектными позициями ребенка во взаимодействии.

Предметом исследования была зависимость формирования у детей субъектных позиций от характера семейных отношений в семьях с разновозрастными и моновозрастными родителями.

При построении нашего исследования мы подбирали методы таким образом, чтобы можно было получить информацию о родительской позиции как направленности на тот или иной тип воспитания и о субъектных позициях, проявляющихся у детей в ситуациях взаимодействия с другими людьми.

Для выявления особенностей родительского отношения к детям и для выявления субъектных позиций детей, мы применяли следующие методики:

1. Тест-опросник «Измерение родительских установок и реакций» (PARY).

2. Тест-опросник родительского отношения (ОРО) А.Я. Варги и В.В. Столина.

3. Модифицированный проективный метод исследования фрустрационной толерантности С. Розенцвейга в нашей работе использовался для выявления типов субъектных позиций, характерных детям из разновозрастных и моновозрастных семей (обработка результатов проводилась по классификации типов позиций субъекта в межличностном взаимодействии, разработанной В.К. Шабельниковым).

В эксперименте участвовало 100 детей и 180 родителей из 90 семей (45 семей с разновозрастными родителями и 45 семей с моновозрастными родителями) в г. Москве и г. Обнинске Калужской обл. Исследование проводилось на протяжении 1996–2001 гг. Всего в эксперименте приняли участие 280 человек.

Выявлены качественные отличия в отношении отцов и матерей к воспитанию ребенка в семьях с разновозрастными и моновозрастными родителями. Впервые выявлены качественные различия в формирующихся субъектных позициях у детей из семей с разновозрастными и одновозрастными родителями и проанализированы причины их возникновения.

Для получения наиболее полной картины влияния семейных отношений в разновозрастной и моновозрастной семье на формирование субъектных позиций ребенка, мы выделили три возрастные группы детей: 6–8, 11–12 и 18–20 лет. Таким образом, мы имели возможность проверить: проявляются ли выделенные нами особенности субъектных позиций у детей в определенном возрасте или они формируются как достаточно устойчивая характеристика личности, которая зависит от типа семьи, в которой воспитывается ребенок, т. е. изменяется ли у ребенка склонность к принятию субъектных функций с возрастом.

Средняя разница в возрасте между моновозрастными родителями составляла 2–3 года, а между разновозрастными родителями – 26 лет в сторону преобладания возраста мужчины.

В ходе исследования с помощью опросника Столина-Варги, нами было установлено, что для одновозрастных и разновозрастных родителей характерны разные типы родительского отношения.

У отцов из разновозрастных и матерей из одновозрастных семей типы родительского отношения к ребенку наиболее схожи. Лишь по шкале «Отвержение»: у «одновозрастных» матерей значения на 22,78 % выше. Показатели же «разновозрастных» матерей и «одновозрастных» отцов – зеркально противоположны.

В одновозрастных семьях для матерей характерен тип родительского отношения, определяемый как «авторитарно-симбиотический», т. е. авторитарное подавление личности ребенка при полном, симбиотическом слиянии и ощущении себя с ним единым целым, что приводит к постоянной опеке при значительном уровне контроля. Для отцов же характерна наибольшая дистанция в отношениях с ребенком. При таком типе родительского отношения

ребенку приписывается личная и социальная несостоятельность, его стремятся инфантилизировать, требуют безоговорочного послушания и дисциплины, явно прослеживается авторитаризм.

У матерей и отцов из одновозрастной семьи отмечается высокая согласованность родительского отношения к детям по типу «Маленький неудачник» и «Авторитарная гиперсоциализация». Обычно матери более авторитарны и являются лидерами в данном типе семьи. Однако если они демонстрируют «авторитарно-симбиотическое» отношение к ребенку, т. е. доминирующую гиперпротекцию, с положительным отношением и близкую эмоциональную дистанцию с ребенком, то для отцов чаще характерен авторитаризм и отвержение ребенка.

В разновозрастных семьях для матерей характерен кооперативный тип отношений с ребенком при высоком принятии его как личности. Для разновозрастных отцов так же, как и для одновозрастных матерей, характерен авторитарно-симбиотический тип родительского отношения, но с более высоким уровнем принятия ребенка. Разновозрастные отцы при значительной любви к ребенку, заинтересованности в его делах, стремлении проводить много времени с ребенком, реализуют это авторитарным, строгим отношением и контролем за всем, что происходит с ребенком. Авторитарным лидером в данном типе семьи является мужчина. Можно видеть, что родительские функции в данном типе семьи взаимодополнительны, но позиции родителей не являются согласованными.

По данным методики PARY нами было установлено, что преобладающим типом семейного воспитания в одновозрастных семьях для матерей является «концентрация на ребенке, гиперопека» (86,25 %), у отцов же преобладает «эмоциональная дистанция, диктат в воспитании» (91,65 %). Преобладающим типом семейного воспитания в разновозрастных семьях для матерей является «оптимальный эмоциональный контакт, демократичность» (92,5 %), а для отцов – «концентрация на ребенке, гиперопека» (89,37 %).

Родительские позиции по вопросам воспитания детей у отцов из разновозрастных и матерей из одновозрастных семей, фактически, совпадают. Их отношение к ребенку отличается большей концентрированностью и фиксированностью.

В одновозрастных семьях отцы чаще дистанцируются в отношениях с ребенком. Преобладающим типом семейного воспитания для этих отцов является «эмоциональная дистанция», диктат в воспитании (91,65 %), что соответствует полученному нами ранее родительскому отношению по типу «отвержение», отдаленности от ребенка, непринятию его как личности.

В разновозрастных семьях преобладающим типом воспитания для матерей является «оптимальный эмоциональный контакт, демократичность» (92,5 %). Полученные данные соотносятся с выявленным ранее типом родительского отношения матерей «принятие» и «кооперация».

Отношение же родителей к семейным обязанностям и к выполнению семейной роли характеризуется следующим.

У одновозрастных родителей фактической главой семьи является женщина. Отцы склонны недооценивать, а матери – переоценивать хозяйственные сложности. Женщины в одновозрастной семье значительно выше, чем мужчины, оценивают собственную роль в семье и безучастность мужа, подчеркивают большую потребность в помощи мужа в решении семейных проблем. Отцы же считают, что матери меньше устают от детей, чем это оценивают сами матери.

В разновозрастной семье реальным главой семьи является мужчина. Матери менее включены в организацию быта семьи, в ее хозяйственно-бытовые аспекты. Женщины несколько выше оценивают собственную значимую роль в жизни семьи и самостоятельность в воспитании ребенка, отцы же, напротив, склонны подчеркивать зависимость и несамостоятельность супруги.

Таким образом, можно отметить, что семейные отношения в разновозрастных и моновозрастных семьях имеют существенные отличия, как в позиции родителей в

отношении к домашним обязанностям и семейной роли, так и в типе детско-родительских отношений, что влияет на формирование определенных субъектных позиций детей.

При изучении субъектных позиций у детей, были установлены качественные различия этих позиций в зависимости от типов семьи. В то же время у детей, принадлежащих к каждому определенному типу семьи, в разных возрастных группах не было выявлено, практически, никаких отличий. То есть, у детей в возрасте 6–8, 11–12 и 18–20 лет, принадлежащих к одному типу семьи, прослеживались идентичные склонности занимать определенные субъектные позиции.

Так для детей из семей с одновозрастными родителями наиболее характерны функции субъекта-исполнителя (30,67 %); субъекта-потребителя (34,79 %) и менее – субъекта-объекта потребности (2,07 %), субъекта-координатора (13,45 %) и субъекта-оценщика (18,97 %). Для детей из семей с разновозрастными родителями наиболее характерны функции субъекта-оценщика (32,09 %), субъекта-объекта потребности (27,15 %), субъекта-координатора (23,69 %) и менее – субъекта-потребителя (5,74 %) и субъекта-исполнителя (11,27 %).

Данные, полученные нами в результате экспериментального исследования, свидетельствуют о том, что в семье с одновозрастными родителями функцию основной опеки и контроля занимает мать. Она более авторитарна в отношениях с ребенком, причем, симбиотически-авторитарна. Во взаимодействии с ребенком она демонстрирует опеку через подавление, она действует и исходит из собственных потребностей и представлений о том, что лучше для ребенка, тем самым подавляет его волю и потребности. Отец занимает более отстраненную, но, как и мать – авторитарную позицию и не является лидером в данном типе семьи. Ребенок вынужден активно заявлять о своих потребностях и реализовывать собственную активность. Поэтому данная ситуация гиперопеки и подавления провоцирует демонстрацию ребенком позиций потребителя, а необходимость решать многие проблемы самостоятельно – развивает позицию исполнителя. В ситуациях частых напряжений между родителями и ребенком (и в особенности – между матерью и ребенком), формируется активный тип личности ребенка.

Ребенок из разновозрастной семьи склонен принимать во взаимодействиях функции субъекта-оценщика, субъекта-координатора и субъекта-объекта потребности. Можно предположить, что такие изменения в позиции ребенка определяются более сложной организацией межличностных отношений между разновозрастными родителями. Степень и глубина межличностных противоречий качественно выше в разновозрастных семьях, по сравнению с одновозрастными, что связано с трансляцией родителями различных типов субкультуры, их принадлежностью к разным поколениям. Разновозрастная семья интериоризирует значительное количество социальных позиций, точек зрения и эмоциональных стереотипов в свою внутреннюю структуру (разные типы культуры, друзей и т. д.). Такая сложно организованная структура семьи включает в себя ребенка, формируя у него иные функции по сравнению с традиционным типом семьи.

Ребенок в семье с разновозрастными родителями находится между двумя различными конкурирующими позициями (возрастными родительскими), и, как следствие, у него формируется функция субъекта-координатора и субъекта-оценщика. Основным условием формирования субъектных функций координатора и оценщика ребенка в данном типе семьи, является рассогласование позиций отца и матери. Как следствие данного рассогласования родительских и возрастных позиций отца и матери, возрастает личностная позиция ребенка в семье, при данном, постоянно возникающем типе взаимодействия он начинает занимать позиции субъект-оценщик и субъект-координатор сначала во взаимоотношениях с родителями, а затем склонность к принятию данных функций транслируется и на внесемейное взаимодействие.

Кроме того, необходимо отметить характерное для разновозрастной семьи определенное смещение в структуре детско-родительских отношений. Как уже было отмечено, мужчина часто в данном типе семьи занимает по отношению к жене позицию «муж-отец», соответственно женщина по отношению к мужу – «жена-ребенок». Данная

диспозиция ролей является самодостаточной, а позиции супругов – комплиментарными. Поэтому ребенку сложно включиться в семейное пространство стандартным, стереотипным образом: его позиция «ребенка» в семье уже занята, причем матерью, которая еще не стала в позицию «матери» и сама играет роль «ребенка», а отец уже имеет «ребенка» и возможность выполнять свои опекающе-контролирующие функции (потребности) во взаимодействии с женой. Ребенок начинает бороться за свою значимость в семье, за свою функцию объекта потребления в этой социальной системе. Он должен реализовывать это путем активных действий, но не может выполнять функции субъекта-потребителя и субъекта-исполнителя. Система комплиментарна, и поэтому он, через функцию субъекта-оценщика, занимает в ней значимое место объекта потребности или координатора действий родителей.

Данные нашего исследования подтверждают тот факт, что в семье с разновозрастными родителями, позиции матери и ребенка близки друг к другу. Они – соратники, партнеры. Разновозрастные же отцы выполняют функцию социальной защиты, они опекают и контролируют как собственного ребенка, так и жену. Отец в данном типе семей более авторитарный и опекающий. Эти условия создают возможность ребенку занять в семье позицию оценщика или координатора, что вообще является наиболее характерной ролью для старших и опытных субъектов в организации деятельности.

Таким образом, можно отметить, что функции субъекта-координатора, субъекта-оценщика и субъекта-объекта потребности являются более опосредованными, по сравнению с функциями субъекта-потребителя и субъекта-исполнителя, то есть человек менее склонен непосредственно проявлять в действии свои потребности и свою активность, это более отстраненные от непосредственного исполнения позиции. То есть дети разновозрастных родителей, по сравнению с детьми моновозрастных родителей, склонны к более сложным формам реализации себя; они не непосредственно действуют или заявляют о своих потребностях, а реализуют себя через оценку или координацию действий другого человека.

Исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. В одновозрастной родительской паре матери склонны занимать более опекающую и контролирующую позиции в воспитании ребенка. Отцы из одновозрастной родительской пары обычно эмоционально дистанцируются в отношении с ребенком.

2. Расхождение взглядов родителей на распределение хозяйственно-бытовых функций в одновозрастных семьях, свидетельствует о низкой интеграции супругов в организацию внутрисемейного взаимодействия и недостаточной включенности отца в проблемы семьи.

3. В разновозрастной родительской паре отцы склонны занимать более опекающую и контролирующую позиции в воспитании ребенка. Матери из разновозрастной родительской пары обычно занимают более кооперативную, сотрудицескую позицию в воспитании ребенка по сравнению с собственным супругом.

4. Матери из разновозрастных семей не претендуют на лидерство в семье, но при этом не склонны подчеркивать свою несамостоятельность и ожидание помощи в воспитании ребенка. Реальным главой семьи в данном типе семей является мужчина. В разновозрастной семье позиции родителей в отношении к домашним обязанностям и семейным ролям, фактически, совпадают.

5. Дети, воспитываемые одновозрастными родителями, чаще, чем дети из разновозрастных семей, склонны принимать на себя субъектные функции субъекта-потребителя и субъекта-исполнителя. Гиперопека и подавление провоцируют ребенка активно заявлять о своих потребностях и реализовывать собственную активность.

6. Дети, воспитываемые разновозрастными родителями чаще, чем дети из одновозрастных семей, склонны принимать на себя субъектные функции субъекта-оценщика, субъекта-координатора и субъекта-объекта потребности, что определяется более сложной организацией внутрисемейных взаимодействий в данном типе семьи.

Выявленная зависимость формирования субъектных позиций личности от типа семьи позволяет более конкретно понять механизмы детерминации личности в семье. Исследование влияния семейных отношений на формирование субъектных позиций может

способствовать формированию более адекватных типов субъектных позиций во взаимодействии между ребенком и другими людьми, что может обеспечить более успешную социальную адаптацию детей. На основании результатов работы могут быть сделаны конкретные рекомендации по коррекции процесса воспитания ребенка в семье для организации эффективных способов взаимоотношений родителя и ребенка и создания адекватных, конструктивных отношений в семье. Полученные данные могут быть использованы в работе психолого-консультационных центров, школьных психологов, педагогов.

Лукьяненко С.А., Голышева И

Влияние стиля межличностного взаимодействия родителей и стиля семейного воспитания на развитие личности подростка

Психологическое изучение формирования и развития личности невозможно без учета конкретных условий жизнедеятельности человека, того реального жизненного контекста, в котором осуществляется развитие личности ребенка. Подлинно научное понимание личности достигается лишь тогда, когда она рассматривается не изолированно, а в целостности ее социальных связей и межличностных коммуникаций, в частности, когда развитие и формирование личности изучается в рамках семейных взаимоотношений.

Большинство исследователей отмечают, что семье принадлежит важнейшая роль в формировании личности ребенка. Без изучения развития и деятельности человека в процессе развития в семье, нельзя достаточно глубоко раскрыть действительные, объективные закономерности и особенности формирования личности.

Л.С. Выготский рассматривал развитие психики ребенка как процесс усвоения сложившихся, выработанных в истории общества форм поведения. Сущность закона состоит в том, что в процессе развития, ребенок начинает принимать по отношению к себе те самые формы поведения, которые другие первоначально применяли по отношению к нему. Ребенок сам усваивает социальные формы поведения и переносит их на себя.

Понятия «родительское отношение», «родительские позиции», «родительские установки» используются как синонимы «типа воспитания». В ряде работ они определяются как направленность родителей на тот или иной тип воспитания.

В психологии существует большое число классификаций типов семейного воспитания, составленных по разным основаниям, но единой основы классификации типов семейного воспитания – нет. Под типами семейного воспитания подразумеваются различные системы воздействия и способы обращения родителей с ребенком, виды отношения к нему, а также представление о нем. В ряде работ берется лишь один из трех аспектов. Иногда за основу брался эмоциональный компонент воспитания, иногда – способы воздействия на ребенка и т. д. Поэтому, хотя различные исследователи предлагают разные классификации, но часто их можно соотнести между собой.

Рассмотрим наиболее часто встречающиеся в литературе типы родительского отношения.

Крайне неблагоприятен для развития ребенка тип родительского отношения, называемый отвержением (отсутствие любви, ненависть, диктат). Он проявляется в негативном отношении к ребенку, неприятии его индивидуальности, неодобрении его склонностей и интересов. Эти родители пытаются жестко контролировать, ограничивать поведение ребенка, оценивая послушание как добродетель. Холодный психологический климат в семье редуцирует потребность в одобрении со стороны близкого взрослого, а также способствует формированию у ребенка невротических проблем, нерешительности в общении со сверстниками, склонности к ссорам, социальной отсталости.

Другой тип воспитания называется авторами по-разному: гиперсоциализация, повышенная моральная ответственность, условная любовь. Родители устанавливают для ребенка уровень достижений в различных областях жизни не соответственно его возрасту,

питают большие надежды в отношении его будущего. Родители любят не самого ребенка, а его соответствие своему внушенному или навязанному образу «Я». Все исследователи относят этот тип семейного воспитания к неблагоприятным для ребенка, вызывающим невротические состояния.

Третий тип неправильного воспитания – гиперопека, гиперпротекция или симбиотические типы родительского отношения. Выделяют два основных типа гиперпротекции – доминирующая и потворствующая, или авторитарно-симбиотический и симбиотический тип родительского отношения.

А.Я. Варга выделяет в авторитарно-симбиотическом типе родительского отношения, кроме авторитарного контроля всей психической жизни ребенка, положительное отношение к нему и близкую межличностную дистанцию. А.Я. Варга считает, что этот тип родительского отношения может быть как благоприятным, так и неблагоприятным для ребенка. Субъективно неблагоприятен он только в том случае, когда фрустрируются психические потребности ребенка. Последствиями воспитания, в котором сочетается родительская любовь и ограничительство, будут такие качества личности ребенка, как покорность, зависимость, мнимая агрессивность, отсутствие дружелюбия.

При потворствующей гиперпротекции (эгоцентрическое воспитание по типу «кумир семьи») бесконтрольность и вседозволенность в отношении к ребенку сочетается с некритичным отношением к его поведению. Ребенок находится в центре внимания семьи. Родители стремятся к максимальному удовлетворению его потребностей, потакают всем прихотям ребенка, освобождают от различных нагрузок, стараются оградить от сверхтрудностей.

Как уже было отмечено, проблема влияния семейных отношений на формирование субъектных позиций ребенка, является недостаточно разработанной. Поэтому цель нашего исследования состояла в изучении этого явления. Каким образом склонность ребенка занимать определенную субъектную позицию, зависит от отношения к нему родителей, от стиля межличностных взаимоотношений родителей?

Знание системы отношений ребенка дает возможность воздействия на эти отношения, позволяет сознательно и целенаправленно влиять на дальнейшее развитие его личности. Как отмечалось нами ранее, факторы, составляющие основу семейного воспитания, являются важнейшим механизмом формирования личности, особенно в плане приобретения навыков социального поведения, а исследование влияния семейных отношений на формирование субъектных позиций может способствовать формированию наиболее адекватных типов субъектных позиций, благоприятствующих эффективному взаимодействию между ребенком и другими людьми, определяющих социальную адаптацию детей.

Подростковому возрасту сензитивна сторона деятельности, акцентирующая развитие взаимоотношений. Присущее дошкольнику стремление быть как взрослый трансформируется у подростка в потребность быть взрослым, быть самостоятельным, быть значимым в мире взрослых, потребность осознать себя как личность, отличную от других людей.

Подростка уже не удовлетворяет позиция школьника, которую он занимал в начальных классах. Сформированная на базе учебной деятельности (предметно-практическая сторона деятельности) способность детей к обобщению определяет возможности подростка к построению обобщений уже в более сложной деятельности по усвоению норм человеческих взаимоотношений. Пытаясь занять значимое место в обществе, утвердить свою новую социальную позицию, он стремится выйти за рамки ученических дел в какую-то новую сферу дающую возможность проявить себя, самоутвердиться.

Подростковый возраст – особый этап в развитии социальной активности ребенка. Деятельность, которая обеспечивает наиболее интенсивное развитие активности подростка, с одной стороны, должна отвечать его потребностям в самоутверждении, с другой – создавать условия развертывания определенных форм отношений. Но не просто отношений понимания, взаимопонимания с товарищами, а признания реальной значимости подростка

как полноправного члена общества. Участие подростков в социально признаваемой и социально одобряемой деятельности обеспечивает признание взрослых и в то же время создает возможности для построения разнообразных отношений со сверстниками.

Социально признаваемая и социально одобряемая деятельность обеспечивает возможности расширения всех форм общения подростка и выход его на высший, наиболее значимый уровень общения со взрослыми – на основе морального сотрудничества. Не общение как тяга к товарищу, а просоциальная деятельность, обеспечивающая развертывание разнообразных форм общения, расширение общения в системе «я и многие (близкие и далекие) люди», «я и общество» является ведущей деятельностью, обуславливающей главные изменения в психологических особенностях личности подростка (Д.И. Фельдштейн).

В подростковом возрасте формируются нравственные принципы, которыми ребенок начинает руководствоваться в поведении, упорно их отстаивать. С развитием сознания, с ростом интереса к нравственным качествам людей и к их взаимоотношениям у подростков появляются идеальные образы поведения. Нравственный идеал подростка – это исключительно эмоционально окрашенный образ, становящийся не только образцом для подражания, но своеобразным внутренним критерием самооценки, регулятором собственного поведения. Все это создает ту внутреннюю среду подростка, которая обеспечивает ему «возможность стать самостоятельным и самому в большей или меньшей степени управлять своим развитием» (Л.И. Божович).

В качестве критерия формирования личности подростка мы рассматриваем степень принятия им той или иной субъектной позиции, субъектной функции в распределении действия. Нашему пониманию субъектных позиций соответствуют выделенные В.К. Шабельниковым следующие социальные роли, представляющие собой типы субъектных позиций во взаимодействии: субъект-координатор, субъект-исполнитель, субъект-оценщик, субъект-потребитель.

Очевидно, что другой субъект тоже может брать на себя определенные роли в субъект-субъектном взаимодействии. И от соответствия (либо несоответствия) этих ролей в субъект-субъектных отношениях зависит эффективность процесса коммуникации. Исходя из этой классификации, можно выявить, какие субъектные функции принимаются каждым из партнеров во взаимодействии; какие функции организации деятельности (субъект-координатор, субъект-исполнитель, субъект-оценщик, субъект-потребитель) уже усвоены, а в каких человек отдает роль субъекта другому человеку. Таким образом, мы можем определить уровень интериоризированности подростком функций в организации деятельности. Функционально-системное рассмотрение межсубъектных отношений и принятие ролевых позиций в них более дифференцировано позволяет исследовать и яснее понять механизм взаимодействия ребенка и родителей.

Исходя из полученных экспериментальных данных, мы можем говорить о существовании тенденции к следующим сочетаниям типа воспитания, стиля межличностных отношений родителей и субъектной позиции ребенка:

1. При сочетании альтруистического стиля межличностных отношений родителя и гиперопеке ребенок в организации действия склонен занимать позицию судьи-оценщика.

2. При сочетании дружелюбного стиля межличностных отношений родителя и демократического типа воспитания ребенок, в абсолютном большинстве случаев, склонен занимать позицию субъекта-исполнителя.

3. При сочетании авторитарного стиля межличностных отношений родителя и авторитарном типе воспитания ребенок склонен к принятию позиции судьи-оценщика.

Чтобы объяснить, почему именно осуществляется принятие той или иной функции подростком при том, или ином наличествующем типе воспитания, необходимо снова обратиться к более подробному рассмотрению основных ролевых позиций.

Функция субъекта-исполнителя проявляется как активная реализация собственных и чужих потребностей. Эта функция устойчиво формируется в условиях, когда ребенку

необходимо как можно чаще становиться исполнителем при взаимодействии с родителями. Более того, необходимо отсутствие подавления этой функции в ребенке со стороны родителей. Именно такие или максимально приближенные к подобным условия создаются именно при демократическом стиле воспитания, где инициатива и самостоятельность ребенка поощряется, а не подавляется. Снижение функции исполнителя можно ожидать в тех условиях, когда эта функция выполняется родителями. Когда потребности ребенка удовлетворяются родителями автоматически, т. е. у него нет необходимости к собственной активности. Такую ситуацию мы наблюдаем при гиперопеке, где резко снижается количество подростков-исполнителей. Возможен противоположный вариант, когда потребности ребенка не удовлетворяются вовсе, а его собственная активность исполнителя жестко подавляется. Подобное наблюдается при авторитарном типе воспитания, когда все решения за ребенка принимаются родителями.

Функция судьи-оценщика – это функция судьи, наблюдающего как бы со стороны за развитием системы и качеством исполнения своих ролей другими субъектами. Функция оценщика – это уход от любого проявления активности. В наших результатах возрастание функции оценщика происходит при явном снижении функции исполнителя, а именно при гиперопеке и авторитарном стиле воспитания. Общая особенность этих полярных стилей воспитания заключается в создании таких условий развития ребенка (немедленное удовлетворение всех его потребностей либо неудовлетворение их при подавлении собственной активности ребенка) при которых он в первом случае не испытывает потребности к принятию одной из активных позиций, а в другом случае – просто оказывается лишенным возможностей и средств для принятия этой активной функции.

С другой стороны, формирование у ребенка функции судьи-оценщика возможно при условии признания прав ребенка на оценку действия либо отца, либо матери либо при условии потребности семьи в реализации этой функции. Речь здесь может идти о невозможности родителей осуществить эту функцию. Такую ситуацию можно наблюдать при подчиняемом и альтруистическом стиле межличностных отношений, присущих родителям, которые связаны с таким типом воспитания, как гиперопека. В этом случае тоже наблюдается возрастание функции судьи-оценщика.

Таким образом, можно отметить, что, принимая на себя функцию субъект-исполнитель, ребенок занимает позицию непосредственного участника взаимодействия, а принимая на себя функцию субъект-оценщик, ребенок занимает позицию внешнего наблюдателя, для которой характерны большая отстраненность и рефлексивность.

Литвинова А.В

Роль образов родителей в становлении личности

В настоящее время проблемы семьи обострились не только в нашей стране, но и во всем мире. Одной из причин этого является утрата отношения к личности, достоинству, жизни человека как к высшей ценности. Поэтому вопрос сохранится ли семья? – равносителен вопросу – сохранит ли человек свою созидательную творческую природу или станет неким деструктивным существом? Ответ на него зависит от того, каким вырастет человек в современной семье.

Формирование личности ребенка начинается в семье, именно родители выступают в роли важнейшей детерминанты в становлении человека. В нашем исследовании мы основываемся на представлениях Л.С. Выготского о социальной среде, как факторе развития личности. Согласно Л.С. Выготскому, орудиями психической деятельности выступают различные знаки, в том числе и речевые. Вначале ребенок в своих действиях следует знакам, которые направляет к нему взрослый. Далее с помощью усвоенных социальных знаков он регулирует свою деятельность и становится социально адаптивным представителем общества. Таким образом, использование в качестве средства развития знаков и стимулов со стороны взрослых, становится одной из линий передачи человеку качеств субъектности,

появляются механизмы индивидуальной психической самоорганизации и управления собственными действиями через орудия, которые являются компонентами активности³¹. Главную роль в становлении этих механизмов у ребенка на первых этапах жизни, конечно, играют наиболее близкие ему взрослые – родители.

В функциональной психологии (В.К. Шабельников 1986, 1997, 2004) семья понимается как детерминирующая система формирования личности, развертывающаяся в логике ее функций в детерминирующих системах. Процесс развития личности рассматривается как взаимодействие двух разнородных систем по согласованию ценностей, потребностей, интересов, стремлений человека и общества. Это происходит в процессе «изначальной социальной детерминации развития человека в семье»³². В нашем исследовании мы конкретизируем представления о психологических характеристиках образа родителей (согласование, рассогласование), детерминирующих формирование личности ребенка на разных возрастных этапах (от дошкольного до юношеского).

Обратимся к изучению природы психического образа, которое начинается с античных времен и изменяется на протяжении многих веков. Платон рассматривает образ как отражение материального мира, как копию копии идеи, которая пребывает в вечности, в мире идей. По Аристотелю образы формируются во взаимодействии человека с окружающим миром и выступают как психические посредники между внутренним миром сознания и внешним миром материальной реальности. Несмотря на принципиальные различия в понимании природы образа, Платон и Аристотель считают, что образ создается в процессе копирования, имитации, а не творения.

В средние века складываются разные подходы к пониманию образа в философии и теологии. В философии, образ рассматривался в виде вторичной копии изначальной истинной сущности, а в теологии – образ отражал «истинный» источник смысла, который находился за пределами человеческого мира (Бог, метафизические или физические формы) и был недоступен человеку в силу несовершенства его природы. Однако постепенно расшатывается уверенность в том, что образ – это только копия ранее появившегося оригинала (материи, формы, разума, чувства, Бога, духа). Представление об образе изменяется в период Ренессанса. Бруно и другие философы XV и XVI вв. начали развивать еретическую идею о том, что сила, ответственная за воображение и творчество, исходит от человека. Новое понимание образа заключалось в том, что образ представлялся трансформирующей и изначальной силой, действующей внутри человеческой природы.

Следующий значительный шаг в теории образа был сделан в XVII столетии Рене Декартом. Он заложил основы современной точки зрения о разделении мира на объекты и субъекты. Развивая тезис «*Cogito ergo sum*», Декарт взял за основу действие познающего субъекта, а не существование не трансцендентного Бога, объективную материю или вечные формы. Декарт отдал приоритет человеческому разуму перед объективной сущностью или божественным началом. По Декарту, человек стал первичным источником ощущений смысла, уверенности, бытия и истины. Однако, он все еще продолжал считать образ порождением воспроизводящей активности.

Кант раскрыл, что процесс формирования образа представляет собой условие любого знания. Он показал, что процесс создания образов является как воспроизводящим, так и производящим. Он поместил категории (пространство, время, число и др.) и процесс создания образов трансцендентно по отношению к разуму. Если согласно платоновской метафизике, трансцендентная сущность пребывает в вечности, непостижимая человеческим разумом, то Кант утвердил новое основание, находящееся внутри человеческого разума, но трансцендентное по отношению к познающему субъекту. Необходимо отметить заслугу Канта в том, что после его работ философская мысль перестала рассматривать психические

31 Шабельников В.К. Функциональная психология. – М.: Академический проект, 2004. – С. 448–474.

32 Шабельников В.К. Функциональная психология. – М.: Академический проект, 2004. – С. 446.

образы как копии или копии копий и придала им роль творящего начала, источника смысла и нашего ощущения бытия и реальности.

Новая трансформация концепции образа происходит спустя столетие в психоанализе. Зигмунд Фрейд проводил исследование тайн человеческого разума с помощью анализа психических образов. Он изучал сны, фантазии, ассоциации с целью понимания того, как психические образы участвуют в развитии личности. Если Фрейд развивал идею о том, что психические образы – это репрезентация влечений, то в отличие от него, Юнг попытался рассмотреть образ как первичный феномен, автономную активность души, способную как к созданию, так и к воспроизведению.

Юнг считал, что душа человека обладает своими собственными категориями – архетипами, которые подобны логическим категориям разума. Архетипы связаны с такими важными видами человеческой деятельности, как материнство, отцовство, рождение и перерождение, идентификация, самоопределение, старение и др. Юнг рассматривал душу, с ее способностью творить образы, как промежуточное звено между сознательным миром эго и миром объектов (как внешних, так и внутренних). По Юнгу, внутренний и внешний мир человека соединяются в психических образах, давая человеку жизненно важное ощущение связи с этими мирами. Переживание реальности – это следствие способности психики создавать образы. Он полагал, что психические образы означают неведомые глубины, трансцендентные субъективности, которые сознание не в силах ухватить. Поэтому психические образы нужно искать в мире объектов и в мире идей, истории и вечности.

По Юнгу, источником развития личности служит образ отца, матери или вымышленный собирательный образ, выступающий необходимым условием принятия решений, реализации действий и контактов с социумом. Он утверждал, что чем сильнее бессознательное влияние родительского образа, тем чаще предпочтение отдается человеку, способному позитивно или негативно заменить родителей.

Проблему образа в отечественной психологии поставил и развивал А.Н. Леонтьев. Он считал, что образ, обогащаясь и изменяясь на протяжении всей жизни субъекта, играет важнейшую роль в регуляции его жизнедеятельности. По мнению А.Н. Леонтьева, важно было перейти от преимущественно аналитических исследований психического отражения к изучению интегрального Образа мира, который является как важнейшей предпосылкой, так и аккумулятором результатов любого отдельно взятого акта отражения. Он рассматривал функцию образа как самоотражение мира, как функцию «вмешательства» природы в самое себя через деятельность субъектов, опосредствованную образом природы, т. е. образом объективности, т. е. образом мира.

В настоящее время образ 33 определяется как субъективная картина мира или его фрагментов, включающая самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий. В психологии понятие «образ» используется в нескольких значениях. Наряду с расширительным толкованием, синонимичным понятиям «отражение» и «психика», существует традиция, связывающая с образом преимущественно перцептивные формы знания. Образ предполагает интериоризацию схем действия с предметами (Дж. Бруннер, А.В. Запорожец, Ж. Пиаже). В работах А.Н. Леонтьева была выдвинута гипотеза об образе как многомерном психологическом образовании.

В исследовании проблемы природы психического образа мы исходим из понимания П.Я. Гальпериним психической деятельности как ориентировки субъекта в плане образа, а также из представления В.К. Шабельникова о том, что образу свойственна функция согласования личностных, психологических напряжений, для разрешения которых этот образ выстраивается, а также его представления о роли рассогласования родовых линий родителей для формирования личности ребенка. В.К. Шабельников отмечает, что самые существенные проблемы психологии – это проблемы образа, коллективного образа, эмоциональной структуры образа, проблема захватывания образом. Он считает, что образы

есть продукт деятельности психики, ее активности, но активная сторона остается за рамками видения и понимания. Образ структурирован логикой тех напряжений, которые движут человеком и структура образов определяется не предметным содержанием, а ориентировочной функцией и логикой тех личностных и психологических напряжений, для разрешения которых этот образ выстраивается как запасное поле для ориентировки в проблемах.

В нашем исследовании под образом родителей мы понимаем результат отражения ребенком их психологических качеств личности, определяющих формирование его личности.

Таким образом, характерные особенности становления личности ребенка объясняются первоначальным опытом взаимоотношений и взаимодействий в семье.

Рассматривая семью как социальное пространство формирования личности, мы исходим из следующих методологических положений: представления Л.С. Выготского о социальной ситуации развития и роли взрослого в ее организации; представления Ж. Пиаже о разуравновешивании как механизме развития личности; представления В.К. Шабельникова о степени рассогласования между линиями родителей, отражающего развитие индивидуальной субъектности. Степень рассогласования между линиями родителей создает расстояние между центрами родового генезиса матери и родового генезиса отца, и чем сильнее рассогласование родительских линий, тем больше мощь индивидуальной субъектности.

Рассогласование образов родителей мы рассматриваем как основу разуравновешивания в развитии личности. В настоящее время разрушаются традиционные отношения, стереотипы, изменяются исторически сложившиеся типы мужчины и женщины, отца и матери, поэтому проблема роли образов родителей как устойчивых образований, задающих структуру личности, пробуждающих творческую активность и духовность, приобретает особую важность в психологическом исследовании.

В психологии семейных отношений исследованы различия роли отца и матери как представителей рода человеческого в жизни ребенка на каждом возрастном этапе. Раскрыта главная роль матери в младенчестве (Э. Эриксон 1989; Л. Хьел, Д. Зиглер 1997; Д.В. Винникот 1998; Ф. Риман 1998; Г.Е. Филиппова 1999 и др.). Важность взаимоотношений с матерью и с отцом, подражания им в раннем возрасте (Д.К. Паттерсон 1987; Б. Спок 1990; Р. Сирс 1998; А. Адлер 1998; З. Фрейд 1996; М.И. Лисина и др.). Особенности «овладевания» ребенком родителями (Д.Б. Эльконин 1991; Э. Берн 1997; Ф. Дальто 1997 и др.) в дошкольном и младшем школьном возрасте. Взаимодействия подростков с родителями обоего пола (А.Е. Личко 1989; И.С. Кон 1989; С. Кратохвил 1997; В.С. Мухина 1997; Раттер 1998 и др.), влияние матери на эмоциональную сферу, а отца на план самореализации. Однако проблема роли рассогласования образов родителей в формировании личности не разработана.

Проблемы включенности человека в материнскую и отцовскую орбиту рассматриваются философами, социологами, психологами. Так Баховен³⁴ раскрыл ведущую роль привязанности к матери для развития человека: люди – дети природы, дети своих матерей и имеют равные права на любовь и заботу, в этом позитивный аспект. Негативный аспект заключается в том, что привязанность к матери препятствует развитию индивидуальности и разума человека.

З. Фрейд³⁵ считал, что только отец является самой важной фигурой в эмоциональном мире ребенка, поэтому устранил фигуру матери определив ей роль объекта сексуального наслаждения.

Э. Фромм³⁶ выделяет три формы отказа человека покинуть материнскую орбиту.

34 Фромм Э. Искусство любить. – СПб., 2001. – С. 39.

35 Фрейд З. Художник и фантазирование. – М., 1995. – С. 234.

Самая сложная форма выражена стремлением вернуться в материнское чрево. В данном случае человек не способен брать на себя даже элементарные функции ребенка, поэтому чувствует себя и действует как плод в утробе матери. Эта форма может наблюдаться в виде вытесненного стремления в символике сновидений. Поведение такого человека характеризуется страхом перед жизнью и стремлением к смерти. Следующая форма, фиксации на матери, проявляется у человека, который разрешил себе родиться, но боится быть отнятым от материнской груди. Такому человеку нужно, чтобы рядом с ним постоянно находился реальный или воображаемый человек, выполняющий материнскую функцию защиты. Э. Фромм находит аналоги форм фиксации на матери в эволюции человечества. Это табу на инцест, выступающее важным условием человеческого развития. Философ раскрывает эмоциональный аспект табу как преодоление стремления остаться привязанным к матери, в отличие от Фрейда, уделяющего внимание, прежде всего сексуальному аспекту. Изначальную функцию, матери по отношению к ребенку принимают на себя семья и нация, церковь и государство. Человек идентифицирует себя с ними не в качестве отдельного индивида, а только как их частицу.

Таким образом, сложность включенности испытуемых в орбиты матери и отца повышает степень рассогласования образа родителей. Далее мы проанализируем влияние согласования и рассогласования образа родителей на формирование личности дошкольников, школьников и студентов.

Роль образов родителей в формировании целеполагания дошкольников

Мы предполагаем, что существует зависимость между сформированностью целеполагания игровых действий младших дошкольников и рассогласованием образов родителей: у детей с выраженным согласованием образов родителей в игровых действиях проявляются предпосылки продуктивного целеполагания, а для детей с выраженным рассогласованием образов родителей характерно продуктивное целеполагание.

Для подтверждения сформулированного предположения нами использовались проективная методика «Рисунок семьи»; индивидуальное и свободное групповое наблюдение игровой деятельности дошкольников; диагностика сформированности целеполагания. Исследование проходило на базе муниципального дошкольного образовательного учреждения – «Центр развития ребенка», детский сад г. Каширы (дошкольники из полных и неполных семей – 30 человек в возрасте от 3,5 до 4,5 лет).

Проективная методика «Рисунок семьи», средствами анализа выполненных изображений, предпочтений цветов и комментариев ребенка в ходе выполнения задания, позволила выявить особенности восприятия детьми образов родителей. В процессе интерпретации рисунка особое внимание было уделено элементам диагностики «внутреннего мира» ребенка и эмоционального отношения ребенка к происходящему в пространстве семьи (отсутствие члена семьи на рисунке, отсутствие себя на рисунке, расстояние от любимого человека, разделение членов семьи стенами и другими предметами). На основе результатов группы испытуемых с разным типом семьи (полная и неполная) были разделены на подгруппы – с более выраженным согласованием и рассогласованием образов родителей. В выявленных группах проанализированы цветовые предпочтения детей и связанные с ними черты характера, как основной индикатор эмоционального отношения ребенка к окружающим.

Полученные результаты раскрывают, что по численности подгруппы распределилась следующим образом:

- с согласованием образов родителей в полных семьях – 33,33 %,
- с согласованием образов родителей в неполных семьях – 16,66 %,
- с рассогласованием образов родителей в полных семьях – 13,33 %,

– с рассогласованием образов родителей в неполных семьях – 36,68 %.

На наш взгляд, преобладание детей с рассогласованием образов родителей из неполных семей, можно объяснить исходными напряжениями, связанными с отсутствием отца, и их стремлением идеализировать его в образе. Детей из неполных семей с рассогласованием образов родителей отличает относительно низкая удовлетворенность своим положением в группе (ниже, чем в группе из полных семей с согласованием образов родителей); ребенок негативно относится к своему положению (рисует себя маленьким). Детям свойственна неуверенность в себе, наряду с преувеличенной значимостью (размером) родителей. Наиболее выбираемыми цветами были синий и зеленый, демонстрирующие выраженность таких качеств как потребность в расслабляющей обстановке, отдыхе (физическом и психическом), а так же потребности снять напряжение, вернуться в мир гармонии.

В следующей по численности группе выявлено, что дети из полных семей с согласованием образов родителей испытывают чувство дискомфорта в процессе общения с одним из родителей, проявляются эмоциональные напряжения в отношениях с родителями. Наиболее выбираемым цветом стал красный цвет (70 % выборов), отражающий упорство, лидерство, а так же излишнюю динамичность и подвижность детей данной группы, вплоть до проявлений физического насилия и жестокости.

Дети из неполных семей с согласованием образов родителей переживают недовольство собой (относительно низкое положение в окружающем мире); и нежелание преодолевать эти барьеры (80 % испытуемых), нежелание определить для себя значимость своих родителей. Анализ цветовой гаммы показал, что предпочтений в выборе цвета не выявлено, обнаружено, что зеленый цвет никто не выбрал. Избегание зеленого цвета может означать то, что в дети данной группы не испытывают чувства относительной стабильности и постоянства во взаимодействии с окружающими.

У детей из полных семей с рассогласованием образов родителей была выявлена неудовлетворенность положением в группе сверстников – ниже, чем во всех остальных группах; определено «низкое» положение в окружающей среде (в частности в семье) и наличие эмоциональных и других барьеров коммуникации. Однако, в отличие от дошкольников других групп, выявлен общий позитивный настрой детей к окружающим и к себе, отсутствие чувства неопределенности и неустойчивости у детей данной группы. Особенных предпочтений в выборе цвета нет.

Итак, отличительными характеристиками детей с рассогласованием образов родителей стали: в полной семье – низкая неудовлетворенность своим положением среди сверстников, «низкое» положение, в частности, в семье и, как результат, наличие эмоциональных и других барьеров коммуникации. В неполной семье – высокая неудовлетворенность своим положением в окружающей среде (в частности в семье), отсутствие чувства неуверенности и нестабильности, выраженная самостоятельность, невозмутимость, настойчивость³⁷. Общая характеристика состоит в негативном отношении к своему положению в социальной группе.

Основными характеристиками детей с согласованием образов родителей стали: в полной семье – удовлетворительное отношение к своему положению в окружающей среде, лидерство, энергия и активность, переходящие в агрессивность. В неполной семье – недовольство собой и относительно низким положением в отношениях с окружающими, тревожность, отсутствие веры в свои силы, стремление уйти из неприятной ситуации. Общая характеристика заключается в нежелании детей преодолевать возникающие проблемы.

Для определения уровня сформированности целеполагания проводилось наблюдение игровых действий дошкольников в ситуации свободной от установок игры в игровой комнате группы (периодическое, открытое, со стороны) и в ситуации оговоренных заранее условий.

Перед началом наблюдения у ребенка спрашивали о том, что он будет делать и во что он будет играть. Основу наблюдения составили такие критерии продуктивного

37 Символическое значение зеленого цвета приведено по М.М. Семаго, Н.Я. Семаго.

целеполагания, как конституирующей характеристики действия. Оценивалась спонтанность возникновения действия, его относительная независимость от внешних обстоятельств, внутренняя обусловленность. Внимание экспериментатора было направлено на выяснение того, что конкретно ребенок собирается сделать из предложенного ему материала. Фиксировались высказывания ребенка и способы действия с выбранным материалом: начинает его преобразовывать, действуя специфическими для данного материала способами, не отвлекается, корректирует собственные действия; четко обозначает конец действия, останавливается после достижения цели. Данный показатель – один из критериев оценки действия, регулируемого целью, выступает в виде полученного результата и формы его обозначения (словом, жестом, взглядом, предложением и т. д.). Наличие в деятельности ребенка этих двух факторов позволяет судить о сформированности у него продуктивного целеполагания. Анализ результатов наблюдения проходил в направлениях:

- 1) ознакомление с предметом, игрушкой (характерна манипулятивная деятельность, продуктивного целеполагания нет);
- 2) действия, связанные с обозначением целей: обозначение конкретного объекта вне зависимости от ситуации;
- 3) обращение к взрослому для обозначения конкретного объекта;
- 4) обозначение конкретного объекта в зависимости от сложившейся ситуации.

В процессе наблюдения результаты фиксировались каждые 4–5 минут в течение 25 минут.

Так же проводилось наблюдение игровых действий дошкольников в кабинете психолога (периодическое, открытое, спровоцированное в естественных условиях) с предоставлением ограниченного количества игрушек (2 различных цветных пирамидки, 1 функциональный домик, 3 автомашины, 2 куклы, посуда, кубики деревянные настольные – 24 шт., мини – игра «Рыбалка», 1 мягкий матерчатый дракончик, набор (мелких) деталей конструктора «Лего», 3 различных (картинками, конфигурацией, материалом изготовления) настольных лото, детские пазлы, маленькие фигурки героев мультфильмов – 8 шт.), – но таких, каких нет в игровой группы.

Перед началом наблюдения ребенку «задавалось направление деятельности»:

«Посмотри, какая большая и светлая игровая комната. В ней очень много игрушек для детей, которых нет у тебя в группе. Осмотрись и выбери игрушку, с которой ты хотел бы поиграть. В какую игру ты будешь играть (кем будешь ты сам и твоя игрушка)»;

«Возьми игрушку, которую ты выбрал, – она ждет, когда ты начнешь с ней играть. Поиграй с ней, пожалуйста, – ей скучно было стоять на полке.»

Наблюдение основных характеристик игры помогло определить основные характеристики:

- 1) составление предварительного «плана» – во что будет играть;
- 2) активное участие в игровой деятельности, период времени занятия игрой 20–25 минут;
- 3) следование намеченному ранее в течение всего периода наблюдения;
- 4) обыгрывание ролей выбранного объекта (выполнение роли сводится к реализации свойственных ей действий).

Результаты исследования показали, что для детей с рассогласованием образов родителей свойственны такие характеристики игровых действий, как наличие продуктивного целеполагания, самостоятельное обозначение объекта игровой деятельности, развернутое описание полученного результата деятельности. Большая часть детей выслушивает инструкцию взрослого, но составление плана действий для них не характерно. Распределение ролей происходит под руководством взрослого, однако присутствуют отдельные элементы самостоятельного их распределения. Дети выполняют действия с предметом в соответствии с реальностью, роли же выполняются через реализацию действий. В данной группе у детей проявляется тенденция к расширению спектра жестко фиксированных игровых действий.

Для детей с согласованием образов родителей характерны предпосылки продуктивного целеполагания. Полученные результаты демонстрируют ориентацию детей на инструкцию взрослого и составление плана действий, но в ходе игры они не действуют в соответствии с ним. Распределение игровых ролей происходит под руководством взрослого. В данной группе наблюдается выполнение роли через реализацию действий с тенденцией к управлению действиями в соответствии с ролью, самим ребенком. Выявлено, что расширение спектра фиксированных действий приводит к тенденции появления в игре логичных и последовательных действий.

Рассмотрим специфику сформированности игровых навыков в каждой группе. У детей из неполных семей с рассогласованием образов родителей преобладает тенденция к хаотичному распределению ролей (кто завладел предметом, тот и будет в него играть) и распределение ролей взрослыми. Названная детьми роль сводится к выполнению игровых действий, а действие с предметом осуществляется в соответствии с реальностью. У детей проявляется важная тенденция к расширению спектра игровых действий.

У детей из полных семей с согласованием образов родителей распределение ролей происходит в основном под руководством взрослого, хотя наблюдаются отдельные попытки самостоятельного их распределения. В большинстве ситуаций дети стремятся называть действия, направляющие их поведение в соответствии с ролью. В данной группе наблюдается переход от жесткой фиксации действий к их многообразию.

Детям из неполных семей с согласованием образов родителей свойственно распределение ролей под руководством взрослого, с помощью наводящих вопросов. Действие с предметом выполняется в соответствии с реальностью, а названная ребенком роль ограничивается реализацией игровых действий. Отличительной особенностью детей данной группы является значительное расширение спектра игровых действий.

У детей из полных семей с рассогласованием образов родителей выявлено, что распределение ролей проводится как самостоятельно, так и под руководством взрослого. Действия с предметами осуществляются не только в соответствии с реальностью, но и, что достаточно важно, с элементами определения действий ролью. Определение роли, реализующимися игровыми действиями, взаимосвязано с расширением спектра игровых действий с тенденцией к увеличению их разнообразия.

Обобщая полученные результаты, можно констатировать, что выявлена зависимость сформированности целеполагания от выраженности рассогласования образов родителей.

Для детей с рассогласованием образов родителей характерны игровые действия с наличием продуктивного целеполагания. Большинство детей обозначает объект действия, но только половина из них составляет план игры и лишь треть – следует ему. Наличие продуктивного целеполагания у детей с рассогласованием образов родителей связано с чувством уверенности и стабильности, с проявлением самостоятельности, невозмутимости, настойчивости. В отличие от группы детей с согласованием образов родителей, для детей данной группы свойственен более низкий уровень игровых навыков и большее разнообразие игровых действий и способов их реализации. На наш взгляд, низкий уровень игровых навыков у детей обусловлен негативным отношением к самим себе и своему положению в социуме, наличием эмоциональных барьеров общения.

Детям с согласованием образов родителей характерен наиболее высокий уровень развития игровых навыков, но разнообразие игровых действий и способы их реализации ниже, чем в группе с рассогласованием образов родителей. Высокий уровень развития игровых навыков обеспечивается удовлетворительным отношением к своему положению в социуме, лидерством, энергичностью, импульсивностью. Характерны предпосылки продуктивного целеполагания. В большинстве случаев объект действий выделяется в зависимости от ситуации. Все дети выслушивают инструкцию, но среди игр предпочитают настольные. Нежелание (скорее всего неумение) самостоятельно преодолевать возникающие барьеры во взаимодействии с другими сдерживает формирование продуктивного целеполагания у младших дошкольников с согласованием образов родителей.

Результаты проведенного исследования наглядно показали, что рассогласование образов родителей, сложившееся в полной семье, является условием формирования продуктивного целеполагания в разнообразных игровых действиях младшего дошкольника.

Влияние образов родителей на формирование субъектных позиций у старших дошкольников

Исследование семьи как функциональной системы, развивающейся по внутренним законам организации общества и имеющей собственные напряжения в виде рассогласования образов родителей, позволяет выявить психологические условия формирования личности ребенка. Рассматривая особенности рассогласования образов отца и матери, мы понимаем семью с одной стороны, как функциональную систему, находящуюся в постоянном изменении и развитии, с другой, как систему, детерминирующую формирование личности.

Проблема возникновения и функционирования психических образов является актуальной, поскольку проникновение в их психологическую природу позволяет понять их функцию в ориентировке человека в ситуации. Одной из важных функций образа является функция согласования логики внутренних психологических напряжений личности. Проявление функции согласования в плане образа будет тем ярче выражена у ребенка, чем больше его личностная напряженность, закладываемая в семье на противоречии детерминирующих потоков, определяющих активность отца и матери и выражающихся в рассогласовании их образов. Целью нашего исследования является изучение влияния рассогласования образов родителей на формирование субъектных позиций старших дошкольников в разных типах семьи.

Методологическим основанием исследования является представление Л.С. Выготского о социальной ситуации как факторе развития личности, раскрывающем понимание механизма формирования психических процессов по логике действий, сложившихся в общественной практике. Концепция П.Я. Гальперина о природе психики «как ориентировочной деятельности», в которой он подчеркивает, что главное в деятельности субъекта заключается в том, чтобы правильно ориентироваться в индивидуально-изменчивых ситуациях. Такая ориентировка возможна в плане образа. Согласно концепции П.Я. Гальперина, образы возникают при рассогласовании деятельности индивидуального субъекта с изменяющимися внешними ситуациями, к которым приспосабливается схема деятельности. Структура деятельности всегда формируется в соответствии с логикой детерминирующей ее ситуации, но если внешняя ситуация меняется, то и структуру деятельности нужно перестраивать. Опробование новых форм действий производят с опорой не на опасную реальную ситуацию, а на замещающий ее психический образ.

Первый образ, который формируется у ребенка – это образ матери. Исследователи отмечают, что к восьми месяцам, ребенок интегрирует приятные, а порой и неприятные переживания по отношению к матери, в один единый образ, первый настоящий объект любви. Через некоторое время можно видеть, что личико его сияет и при узнавании отца – ребенок научился отличать отца от матери. Но это пока означает, что для младенца мать и отец – это одно целое, поскольку внешние различия родителей заключают в себе одни и те же качества. Но в дальнейшем, он начинает замечать разницу между отцом и матерью: они по-разному разговаривают, ухаживают, играют с ним, и ребенок начинает предъявлять к ним разные требования и ожидания. Постепенно к концу второго года жизни отец становится для ребенка самостоятельным, отличающимся от матери объектом. Так ребенок учится взаимоотношениям с каждым родителем. Отношения родителей демонстрируют ему модель принципиальной возможности существования независимо от матери и в тоже время сохранения с нею добрых и близких отношений. Пример отца учит гибкости, облегчает конфликты с матерью. Такие отношения в семье как детерминирующей системе создают условия для формирования у ребенка логики ориентировки в ситуации и умения налаживать одновременные отношения с разными людьми.

Следующим методологическим основанием нашего исследования является представление В.К. Шабельникова о принятии индивидом субъектных позиций потребителя, исполнителя, координатора, оценщика и объекта потребности во взаимодействии с другими. Раскрывая логику развития личности, В.К. Шабельников считает, что субъект – это изначально локальное явление. Воспринимаемый в пространственной локальности субъект противостоит окружающему миру объектов. Важный момент формирования индивидуального субъекта – это свертывание логики деятельности в структурах организма. Вначале, при усвоении индивидом социальной логики деятельности происходит разворачивание психических процессов ориентировки. Для ориентировки действий требуется значительное число ориентиров и образов, но в ходе освоения этих действий их процессуальность свертывается, обеспечивая автоматическое протекание действий по нужной логике.

Субъектная позиция раскрывает особое положение человека во взаимодействии с другими людьми и с окружающим миром. В.К. Шабельников отмечает, что в теории деятельности взаимодействие рассматривается как форма субъект-субъектного «интерпсихического» действия, предполагающего распределение функций субъектов в организации этого взаимодействия. Функция субъекта-потребителя, по В.К. Шабельникову, является центром любой социальной системы (семьи, в том числе) и задает мотивы деятельности, а также векторы ее направленности. Данная функция свойственна субъекту, как организатору действия, определяющего своими потребностями направленность и смысл действий для других. Формирование у ребенка стремления реализовывать во взаимодействии функцию потребителя, происходит в условиях непосредственного взаимодействия с родителями. В случаях механического удовлетворения родителями потребностей ребенка или их игнорирования, а также подавления, депривации, происходит снижение функции потребителя.

Функция субъекта-исполнителя составляет оппозицию функции потребления и проявляется как активная реализация собственных и чужих потребностей. Формирование устойчивой позиции субъекта-исполнителя происходит в условиях, когда ребенку предоставляют возможность как можно чаще принимать на себя функции исполнителя во взаимодействии с родителями. Все это предполагает определенную степень депривации со стороны родителей. Но родители должны понимать, что для формирования данной функции у ребенка нельзя слишком жестко подавлять и контролировать его активность.

Функция субъекта-координатора заключается в согласовании действий субъектов взаимодействия. Выполняя данную функцию, человек занимает позицию организатора деятельности. Функция координатора предоставляет субъекту возможность участвовать в деятельности, но не самому, а через организацию деятельности своей и других людей, или избегание функции исполнителя, в случае передачи ее другому лицу. Формирование у ребенка данной субъектной позиции зависит от наличия рассогласований в позициях и действиях родителей от координирующей функции самого ребенка. В.К. Шабельников раскрывает, что подавление этой функции может обеспечиваться как высокой согласованностью позиций родителей, так и закрытостью их взаимодействия от участия в нем ребенка.

Функция субъекта-оценщика предполагает уход, как от функции потребления, так и от исполнения, а ее реализация предполагает отстраненность от ситуации и наблюдение со стороны за ее развитием и качеством исполнения ролей другими субъектами.

Функция субъекта-оценщика в семейных взаимодействиях раскрывает стремление членов семьи к некоторой отстраненности. Формирование у ребенка в семье склонности занимать позицию субъекта-оценщика предусматривает признание прав ребенка на оценку действия либо отца, либо матери, а также наличие у семьи потребности в реализации этой функции. Все это предусматривает рассогласование у родителей их точек зрения на происходящие события в семье, поведение ребенка, оценку друг друга. Согласованность же позиций родителей, отстраненность их решений и действий от мнения ребенка, приводят к

подавлению у него этой функции.

Реализация субъектной позиции связана с выбором одного из типов взаимодействия: ассимиляции, аккомодации и избегания. Ассимиляция проявляется в случае, если субъект пытается приспособить новую ситуацию к своим схемам действий. Аккомодация выражается в стремлении изменить привычные схемы для адекватных действий в новой ситуации, встраивание в логику ситуации. Избегание наблюдается при отказе индивида от самостоятельного действия.

Мы считаем, что в семьях с выраженным рассогласованием образов родителей складывается специфическая для развития детей ситуация, которая приводит к формированию у ребенка иного типа субъектных позиций, чем в семьях с выраженным согласованием образов родителей. Мы предполагаем, что существует зависимость формирования субъектных позиций у детей из полных и неполных семей от выраженности рассогласования образов родителей. У детей из полной семьи с выраженным согласованием образов родителей формируются субъектные позиции по типу взаимодействия ассимиляция (подстраивания ситуации под схемы своих действий). У детей из полной семьи с выраженным рассогласованием образов родителей формируются субъектные позиции по типу взаимодействия аккомодация (подстраивания своих схем действий под логику ситуации). У детей из неполной семьи с рассогласованием образов родителей формируются субъектные позиции по типу взаимодействия, как ассимиляция, так и аккомодация.

Для достижения целей исследования использовались: проективная визуально-вербальная методика Рене Жиля, стимульный материал С. Розенцвейга (обработка результатов проводилась по классификации типов позиций субъекта в структуре взаимодействия, разработанной В.К. Шабельниковым), графически проекционный тест «Кинетический рисунок семьи». Исследовалась группа из 30-ти детей старшего дошкольного возраста, детского сада г. Кашира.

Для определения выраженности рассогласования образов родителей мы применяли такие критерии как направленность отношений к матери или отцу, которые воспринимаются ребенком как родительская чета, а также стремление к уединению или общению, чувство неполноценности или значимости. По методике Рене Жиля, нами были выявлены три подгруппы детей в зависимости от степени рассогласования образов родителей и типа семьи. Первая – дети из полной семьи с выраженным согласованием образов родителей. Вторая – дети из полных семей с рассогласованием образов родителей. И третья – дети из неполных семей с выраженным рассогласованием образов родителей.

Общими особенностями для всех испытуемых выступили, включенность детей в орбиту матери, что связано с возрастными особенностями старших дошкольников и преобладанием у испытуемых субъектной позиции субъект-оценщик. Развитие ребенка, занимающего такую позицию, требует не включенности, большей степени отстраненности от жизнедеятельности семьи, что связано с современной ситуацией социальной неустойчивости.

Дошкольники с выраженным рассогласованием образов родителей склонны принимать во взаимодействии позицию субъекта-координатора. Можно предположить, что такие изменения в позиции ребенка определяются более сложной организацией межличностных отношений между родителями. Степень и глубина межличностных противоречий качественно выше в группе дошкольников с рассогласованием образов родителей. Это связано с тем, что в такой семье ребенок интериоризирует значительное количество социальных позиций, точек зрения и стереотипов поведения родителей в свою внутреннюю структуру. Такая сложно организованная структура семьи формирует у ребенка более активные функции по сравнению с семьей, в которой позиции родителей согласованы.

Выявлено, что в семьях с выраженным согласованием образов родителей формируются субъектные позиции субъекта-потребителя, субъекта-исполнителя по типу ассимиляция, проявляющегося в стремлении разрешить ситуацию, подстраивая других под свои жесткие схемы действий. В семьях с рассогласованием образов родителей, формируются субъектные

позиции субъекта-оценщика, субъекта-координатора по типу взаимодействия – аккомодация (подстраивание), дети проявляют стремления разрешить ситуацию, гибко изменяя свои схемы под логику ситуации.

Результаты проведенного исследования показали, что дети из полной семьи с согласованием образов родителей воспринимают семейную ситуацию как благоприятную, с низкой конфликтностью и враждебностью в семейных взаимоотношениях. В детских рисунках изображены все члены семьи вместе, в основном занятые общей деятельностью. При этом родители находятся вместе, а ребенок отделен от них препятствием, что говорит о существующей дистанции, которую ребенок замечает в жизни. Дети изображают свою фигуру неуверенной, малозначимой, подводя линию пола или располагая изображение внизу листа, стараясь придать себе больше устойчивости. В старшем дошкольном возрасте это выражает проявление зависимости от родителей, давление их авторитета на детей. Дети очень зависимы от родителей, испытывают чувство неполноценности в семейной ситуации, мало общаются со сверстниками и имеют недостаточно развитые навыки общения. Поэтому преобладает стремление принимать на себя субъектную позицию оценщика по типу ассимиляция, направленное на удовлетворение собственных желаний и негативную оценку действий других людей. Большинство детей в данной группе включены в орбиту матери. В данной ситуации мать реализует семейные роли, является в семье лидером и в определенной степени подавляет субъектную активность ребенка. При этом позиция отца более пассивная по сравнению с матерью. Идентифицируя себя с отцом, мальчики в этой подгруппе копируют пассивную позицию отца. Дети воспринимают отца и мать как ориентированных на взаимоотношения с братьями, сестрами, другими родственниками. Полученные результаты показывают, что дошкольники данной группы очень зависимы от родителей, испытывают чувство неполноценности в семейной ситуации, мало общаются со сверстниками и имеют недостаточно развитые навыки взаимодействия с окружающими.

В группе детей из полной семьи с рассогласованием образов родителей преобладает роль субъекта-исполнителя по типу аккомодации, обеспечивающая защиту в случае нестабильных отношений. Ребенок ищет пути к созданию ситуации, которая устраивала бы родителей и так же была выгодна или не противоречила его потребностям, принимает на себя функцию исполнителя в общении с родителями. Сохранить их любовь и свою значимость в семейной ситуации – вот, что является смыслом данного типа взаимодействия. Роль субъекта-координатора по типу аккомодации дает нам представление об активной позиции ребенка, которая формируется совместно со взрослым, который учит активно действовать в логике ситуации под его руководством. В семейной ситуации выражается средний уровень конфликтности и низкий показатель чувства неполноценности в семейной ситуации. Большинство детей включены в орбиту матери, они еще очень нуждаются в ее заботе и поддержке. В детских рисунках это проявляется в манере изображения фигуры матери и себя, ребенок использует одинаковые приемы рисования, одежды, позы. Дети включены в согласование логики схем ситуации и действий в ней, через разное восприятие образов родителей. Мы наблюдаем противоречия в образах восприятия детьми родителей, что позволяет ребенку, общаясь с обоими родителями, включаться в направленность различных интересов матери и отца. У дошкольников данной группы образ матери значимо связан с такими показателями как общительность и любознательность, брат, сестра, другие родственники, а образ отца – лидерство, агрессивность, друг. В данном случае, в системе семейных отношений роль отца для ребенка неопределима. Общение с отцом облегчает конфликты с матерью, снижает напряженность и агрессивность ребенка, помогает строить и сохранять отношения с окружающими. Если отец не выполняет этой функции, то душевная энергия и внимание ребенка остаются направленными на его неразрешенные внутренние конфликты.

В группе детей из неполной семьи с рассогласованием образов родителей выявлены два вида субъектных позиций: субъект-оценщик по типу аккомодации, раскрывающий стремление позитивно оценивать действия других, и субъект-координатор по типу

ассимиляции, выраженный в стремлении лучше понять ситуацию, подстраивая других под свои схемы действий. Можно предположить, что наличие у дошкольников данной группы одновременно разных типов взаимодействия аккомодации и ассимиляции, повышает их внутреннюю напряженность и противоречивость.

В семейной ситуации проявляется конфликтность, враждебность и дети испытывают чувство неполноценности в семейной ситуации. Дети включены в согласование логики схем и действий, через разное восприятие образов родителей. Образ матери у детей данной группы взаимосвязан с такими показателями как брат, сестра, лидерство, агрессивность, отгороженность, образ отца взаимосвязан с показателем друг. Образ матери является особенно значимым для детей из неполных семей. Дошкольники данной группы ориентируются на образ матери в выборе модели для подражания. Индикатором включенности в орбиту матери являются такие личностные особенности детей данной группы как лидерство, агрессивность, отгороженность.

Анализируя детские рисунки, мы видим, что Сережа Я. изобразил на рисунке одного себя внизу листа, маленького размера с густой штриховкой. Мальчик рисовал с неохотой. Интерпретация рисунка была такой: «Это я. Мама на работе. Папы нет». Не рисуя членов семьи, ребенок как бы отказывается, отворачивается от них, поскольку воспоминания о них связаны с негативными переживаниями и ребенок избегает этой темы.

Юра Г. в своем рисунке не нарисовал мать, интерпретируя тем, что забыл о ней. Но на рисунке присутствует отец, с которым он встречается очень редко. На рисунке отец и сын играют в мяч. Отец держит мяч над головой, что демонстрирует типичную форму позитивного представления обобщенной энергии. В данном случае, позитивная энергия идет от отца. Ребенок признает существование связи с отцом, наличие взаимного интереса, соперничества. Мальчик не адаптировался к расставанию с отцом, эмоционально к нему привязан, считает его лидером и стремится подражать ему. В отсутствии на рисунке изображения матери раскрывается негативное отношение к ней, злость и агрессивность, из-за того, что она не смогла сохранить семью, лишила его отца. Фигура ребенка изображена маленькой, с подведенной линией пола, что показывает переживание им чувства неполноценности и неуверенности.

В своем рисунке Катя А. нарисовала солнце – символ материнской заботы и любви. Лист заполнен полностью, нет свободного места. Катя изобразила мать, а также брата и сестру, которые с ними не живут. В рисунке присутствует штриховка в части лица и нижней части тела. У брата и сестры изображены глаза большого размера с пустыми глазницами, что является символом тревоги и страха. Себя Катя изобразила рядом с мамой. Фигура девочки выглядит неуверенной, отсутствуют ступни, что придает фигуре неустойчивость. Ребенок бессознательно выражает себя в символической неустойчивости, построенной на слабом, ненадежном основании. Заполнение всего свободного пространства говорит о заполнении душевной пустоты, недостатке материнской любви, тепла, нежности.

Как мы видим, у детей из неполных семей, развод родителей порождает страх, тревогу. Дети боятся оказаться брошенными, поскольку если мама с папой бросили друг друга, значит, могут бросить и его. В такой ситуации ребенок становится более неуверенным в себе, зависимым от родителя, переживает большую привязанность к нему, потому что он единственный. Это имеет подтверждение в результатах теста Рене Жиля, поскольку все дети данной группы включены в орбиту матери. В характеристике эмоционального отношения родителей к детям проявляется нежность, спокойная уверенность и внимание, что имеет существенное значение для формирования личности ребенка. Недостаток же эмоциональной чуткости, заботы в сложный период потери одного родителя, при отсутствии поддержки со стороны второго, лишает детей чувства опоры и защищенности. Однако, необходимо помнить, что длительное пребывание детей в состоянии повышенной эмоциональной напряженности может в дальнейшем, привести к снижению активности и устойчивости поведения, а также формированию деструктивных форм поведения.

Нами проанализирована зависимость между выраженностью рассогласования образов

родителей и предпочитаемыми типами взаимодействия в субъектных позициях личности. У детей из полной семьи с более выраженным согласованием образов родителей формируется субъектная позиция субъекта-исполнителя по типу ассимиляции, которая проявляется в стремлении к удовлетворению собственных потребностей. У детей из полной семьи с рассогласованием образов родителей формируются субъектные позиции субъекта-исполнителя и субъекта-координатора по типу взаимодействия – аккомодация, испытываемые проявляют стремление разрешить ситуацию, подстраивая свои схемы под логику ситуации, а также стремление личного участия в ситуации для получения обоюдной выгоды. У детей из неполной семьи с рассогласованием образов родителей формируются субъектные позиции субъект-оценщик по типу аккомодации как стремление к эмоциональному оцениванию ситуации и принятию на себя ответственности, и субъект-координатор по типу ассимиляции как стремление разрешить ситуацию, подстраивая других под свои жесткие схемы действий.

Обнаружено, что формирование субъектной позиции субъект-исполнитель по типу ассимиляции в группе детей с более выраженным согласованием образов родителей связан с низким уровнем развития навыков общения и с присутствием значимого показателя чувства неполноценности в семейной ситуации. Выявлено, что формирование субъектных позиций субъект-координатор и субъект-исполнитель по типу аккомодации в группе детей с более выраженным рассогласованием образов родителей связано с наличием значимого показателя общения и низкого показателя чувства неполноценности в семейной ситуации, т. е. ситуация в семье обеспечивает ребенку чувство значимости и наличие развитого навыка общения. Обнаружено, в группе детей из неполных семей с рассогласованием образов родителей формируются субъектные позиции субъект-оценщик по типу аккомодации и субъект-координатор по типу ассимиляции, что связано с проявлением низкого уровня развития навыков общения, значимого показателя отгороженности и чувства неполноценности в семейной ситуации.

Результаты исследования выявили, что для формирования у детей активных субъектных позиций в структуре взаимодействия с другими необходимо наличие выраженности рассогласования образов родителей, полной семьи с присутствием обоих родителей, развитых у детей навыков общения и чувства значимости в семейной ситуации.

Влияние психологических напряжений в структуре образов родителей на формирование целеполагания школьников

В психологическом пространстве семьи через сложившуюся систему мифов, ценностей, культуру взаимодействий происходит становление мотивов, стремлений личности, формируется целеполагание как инициативная ориентировка в нестабильной ситуации. В настоящее время разрушаются традиционные стереотипы организации родительской семьи, поэтому проблема роли образов родителей, являющихся «архитектурным основанием психического мира» приобретает в воспитании школьников особую важность. В.К. Шабельников (2003) отмечает, что структура образов определяется реализацией функции согласования личностных и психологических напряжений, для разрешения которых этот образ выстраивается. В нашем исследовании мы конкретизируем представление о характеристиках психологических напряжений (эмоциональных и когнитивных), определяющих природу психического образа и позволяющих выявить выраженность согласования или рассогласования образов родителей. Мы предполагаем, что рассогласование образов родителей определяет характер сформированности компонентов целеполагания младших школьников и подростков.

В исследовании для выявления групп школьников с разной выраженностью рассогласования образов родителей был использован «Цветовой тест» Люшера. Исходя из того, что образ преимущественно имеет бессознательную природу, мы считаем, что именно через соотношение цветов более тонко можно уловить «невидимые связи» детско-родительских отношений и раскрыть особенности их эмоциональной окраски в собственном

выборе школьника, и его выборов за каждого родителя. Критериями эмоциональной напряженности выступили *эмоциональная окраска выбора по близости* основных или дополнительных цветов, указывающая на отсутствие напряжений и согласованность образов; а также *эмоциональная окраска выбора по контрасту* как показатель эмоциональной напряженности и рассогласования образов родителей.

На основании разности рангов в структуре приоритетных целей-ценностей методики «Ценностные ориентации» М. Рокича (шкалы «Я реальное», «отец во мне воспитывал», «мать во мне воспитывала») раскрывается степень когнитивного напряжения (относительное напряжение, напряжение, высокое напряжение) образов родителей.

Прием «поведение в условиях помех и препятствий» применялся для изучения компонентов целеполагания (мотивация внешняя, внешняя познавательная, внутренняя познавательная, цели стереотипные, инициативные и эмоции социальные, интеллектуальные, устойчивость к внешним воздействиям) как инициативной ориентировки при столкновении школьника с помехой.

В исследовании принимали участие 75 школьников 3-х, 5-х и 9-х классов общеобразовательных школ г. Павловского Посада.

Полученные результаты показывают, что по количеству больше группы школьников (3, 5 и 9 классов) с выраженным согласованием образов родителей, кроме 5-го класса, в котором преобладает группа детей с выраженным рассогласованием образов родителей. Такое положение мы объясняем тем, что школьники 5-го класса переживают возрастной кризис и кризис перехода на другую ступень обучения, вследствие чего у них усиливается напряжение в отношениях с родителями.

В результате анализа полученных данных выявлено, что у *младших школьников* с выраженным согласованием образов родителей в желаемых целях наблюдается предпочтение синего и красного цветов, раскрывающее стремление к отношениям, в которых есть любовь, понимание, и взаимное доверие. В существующей ситуации – желтый и фиолетовый цвета, означают развитое воображение, тонкую чувствительность, интерес к необычному. В отвергаемой ситуации преобладание коричневого и черного цветов раскрывает желание не подчиняться ограничениям и запретам.

У младших школьников с выраженным рассогласованием образов родителей в желаемых целях преобладают зеленый и синий цвета, демонстрирующие потребность доказать свою правоту, реализовать стремление к контролю и порядку. В существующей ситуации предпочтение красного и желтого цветов, показывают склонность к экспансивной деятельности, выражающейся в активной направленности на освоение новых не исследованных сфер действий. В отвергаемой ситуации – черный и серый цвета выражают желание избавиться от ощущения отдаленности от других, активную сопричастность и стремление настойчиво добиваться поставленных целей.

По результатам методики «Ценностные ориентации» М. Рокича выявлена выраженность когнитивного напряжения в образах родителей по структуре приоритетных целей-ценностей в разных группах младших школьников. У младших школьников с выраженным согласованием образов родителей преобладает относительное напряжение и напряжение. А у младших школьников с выраженным рассогласованием образов родителей наблюдается напряжение и высокое напряжение. Следовательно, напряженность в образах отца и матери явно проявляется у учащихся с выраженным рассогласованием образов родителей.

Анализ приоритетных целей-ценностей, имеющих значимые различия, показывает, что у младших школьников с выраженным согласованием образов родителей наблюдаются такие традиционные приоритетные цели-ценности, как «активная деятельная жизнь», «материально обеспеченная жизнь», «наличие хороших друзей», «счастливая семейная жизнь». А у младших школьников с выраженным рассогласованием образов родителей более значимы цели-ценности «счастливая семейная жизнь», «развитие», «счастье других».

Результаты исследования показывают, что у младших подростков с выраженным

согласованием образов родителей в желаемых целях преобладают синий и зеленый цвета, показывающие, что они стараются контролировать ситуацию и проблемы, связанные с ней, хотят избавиться от стресса, освободиться от конфликтов и разногласий. В существующей ситуации наблюдаются красный и желтый цвета, что означает легкость на подъем и отзывчивость. В отвергаемой ситуации коричневый и черный цвета обозначают желание распоряжаться своей судьбой.

У младших подростков с выраженным рассогласованием образов родителей в желаемых целях присутствуют фиолетовый и желтый цвета, т. е. жажда интересных и волнующих событий, могут очень нравиться окружающим, подкупая их неподдельным к ним интересом, искренностью и обаянием. В существующей ситуации синий и зеленый цвета показывают, что они действуют упорядоченно, методично и самостоятельно, нуждаются в сочувственном понимании кого-либо. В отвергаемой ситуации коричневый и черный цвета показывают желание распоряжаться своей судьбой. Наблюдалась напряженность в образах отца и матери в контрасте выбираемых цветов.

Результаты методики «Ценностные ориентации» М. Рокича раскрывают, что младшие подростки с выраженным согласованием образов родителей в структуре приоритетных ценностей имеют относительное напряжение и напряжение. Учащиеся с выраженным рассогласованием образов родителей имеют относительное напряжение и высокое напряжение. Следовательно, в группе младших школьников с рассогласованием образов родителей психологическое напряжение выше.

Для младших подростков с выраженным согласованием образов родителей значимы приоритетные традиционные цели-ценности «жизненная мудрость», «здоровье», «интересная работа», «материально обеспеченная жизнь». Младших подростков с выраженным рассогласованием образов родителей характеризуют такие значимые приоритетные цели-ценности как «наличие хороших друзей», «общественное признание», «жизненная мудрость», «любовь».

У старших подростков с выраженным согласованием образов родителей в желаемых целях наблюдается преобладание красного и синего цветов, означающих стремление к жизни, насыщенной действиями и впечатлениями. В существующей ситуации – зеленый и желтый цвета выражают неудовлетворенность существующим положением дел и собственным положением. В отвергаемой ситуации преобладают коричневый и серый цвета, раскрывающие, что существующая ситуация неприятна из-за неудовлетворенной потребности находиться в близких отношениях с другими.

В группе старших подростков с выраженным рассогласованием образов родителей в желаемых целях преобладают синий и желтый цвета, показывающие стремление помогать другим и идти на уступки. В существующей ситуации наблюдаются зеленый и красный цвета, означающие авторитарность, но склонность полагать, что дальнейшие успехи проблематичны из-за существующих трудностей. В отвергаемой ситуации серый и коричневый цвета указывают, что детей беспокоит ограниченная способность отдавать себя, понимаемая ими как слабость, которую надо преодолеть.

В контрасте выбираемых цветов проявлялась напряженность в образах отца и матери.

По методике «Ценностные ориентации» М. Рокича в структуре приоритетных целей-ценностей выявлено относительное напряжение у старших подростков с выраженным согласованием образов родителей. У старших подростков с выраженным рассогласованием образов родителей в структуре приоритетных целей-ценностей значимо преобладает напряжение и высокое напряжение.

Нами проанализирован характер сформированности компонентов целеполагания школьников в зависимости от выраженности рассогласования образов родителей. Изучены три компонента целеполагания: мотивационный, целевой и эмоциональный. Мотивационный компонент (внешняя, внешняя познавательная, внутренняя познавательная мотивация) создает потенциальную возможность развития ученика, поскольку его реализация взаимосвязана с целевым компонентом, т. е. умением школьников на основе ориентировки в

ситуации самостоятельно ставить цели (стереотипные, инициативные) и достигать их. Эмоции не только тесно связаны с мотивационным компонентом, но, прежде всего, они выполняют функцию ориентировки (социальные, интеллектуальные).

В исследовании выявлено, что у школьников с выраженным согласованием образов родителей преимущественно прослеживается незавершенность ситуации, однако стремление к преодолению препятствий постепенно возрастает к старшему подростковому возрасту. Направленность на замещающую цель более высокая у младших школьников и старших подростков. При выполнении этого задания учащиеся чаще испытывали социальные эмоции.

У школьников с выраженным согласованием образов родителей внутренняя познавательная мотивация не изменяется. Но от младшего подросткового возраста к старшему подростковому возрасту относительно возрастает внешняя познавательная мотивация, что вполне соотносится с изменением их интересов. Стремление к достижению результата своих действий к старшим классам начинает незначительно возрастать, но явно наблюдаются стереотипы в постановке целей. Положительный эмоциональный компонент выше, чем отрицательный (наиболее значимо выражен у младших подростков). Полученные результаты показывают, что, чем меньше возраст и ниже уровень целеполагания, тем больше возможности разрушения цели в условиях помех и избегания деятельности.

У школьников с рассогласованием образов родителей ярко выражена направленность на процесс преодоления препятствий, завершение ситуаций, особенно в подростковом возрасте. От младшего школьного возраста к подростковому наблюдается значительное увеличение интеллектуальных эмоций. У школьников с выраженным рассогласованием образов родителей внутренняя познавательная мотивация значимо возрастает к старшему подростковому возрасту. Значимо преобладает стремление к постановке инициативных целей и завершению своих действий, и с возрастом оно возрастает.

Таким образом, результаты исследования раскрывают зависимость сформированности целеполагания от проявления психологических напряжений (эмоциональных и когнитивных) в структуре образов родителей.

В случаях эмоциональной окраски по близости цветового выбора и преобладания относительного напряжения и напряжения в структуре целей-ценностей у школьников проявляется согласование образов родителей. Недостаток психологических напряжений выражается в повышении к старшему подростковому возрасту внешней мотивации, преобладании стереотипов в постановке целей действий и социальных эмоциях. Школьники с более выраженным согласованием образов родителей стараются контролировать ситуацию, избегать конфликтов, выстраивать отношения на основе понимания и доверия. К старшему подростковому возрасту у них повышается неудовлетворенность потребности в близких отношениях с другими, собственным положением, а также желание активных действий.

При эмоциональной окраске по контрасту выбора цвета, наличия напряжения и высокого напряжения в структуре приоритетных целей-ценностей наблюдается рассогласование образов родителей. Вследствие чего у школьников с рассогласованием образов родителей создается психологическое напряжение, необходимое для повышения к старшему подростковому возрасту внутренней мотивации, реализации стремления к преодолению препятствий, постановки и достижения социально значимых целей, проявления интеллектуальных эмоций. Школьники с рассогласованием образов родителей характеризуют жажда интересных событий, самостоятельность, направленность на освоение не исследованных сфер действий.

Роль рассогласования образов родителей в формировании целеполагания подростков

Изучение механизмов и закономерностей развития личности невозможно без учета особенностей психологического пространства семьи, в котором начинает формироваться личность ребенка. Понимание психологических механизмов формирования личности достигается лишь тогда, когда она рассматривается не изолированно, а в целостности ее

социальных связей и межличностных взаимодействий, в частности, в системе сложившихся семейных взаимоотношений.

Схемы взаимодействий с родителями, интериоризируясь, оформляются у ребенка в субъективный образ, который в дальнейшем определяет особенности его инициативной ориентировки в нестабильных ситуациях. Мы считаем, что напряжения в психологическом пространстве семьи представлены у ребенка в образах родителей через такие пространственные характеристики как близость – отдаленность, уединение – общение, направленность на взаимодействие к семейному окружению, сверстнику или авторитетному взрослому. Поэтому у подростков формируются различные по выраженности согласования-рассогласования образы родителей. В свою очередь, они в разной степени влияют на инициативную ориентировку подростка в нестабильных ситуациях. Целеполагание мы рассматриваем как инициативную ориентировку субъекта в ситуации. Целеполагание может выступать как в свернутой форме, выражающейся в преобладании конкретных целей, внешней мотивации и направленности на результат, так и в развернутой форме, для которой свойственно наличие общей и конкретных целей, внутренней мотивации и направленности на процесс.

Значимость, выявления специфики влияния образов родителей на формирование целеполагания подростков, определяется особенностями возраста. В подростковом возрасте происходит развертывание разнообразных форм общения в системе «я и многие (близкие и далекие) люди», «я и общество», обеспечивающих выход в пространство освоения деятельности по налаживанию межличностных коммуникаций в условиях отрицания социальной культуры, непринятия сложных уровней деятельности, позволяющих им осознать себя как личность, проявить себя и самоутвердиться. Изучение рассогласования образов родителей дает возможность проникнуть в психологическую природу образов, позволяет глубже понять их влияние на формирование целеполагания школьников, следовательно, и на развитие их личности.

Мы предполагаем³⁸, что целеполагание подростков с разной степенью рассогласования образов родителей имеет специфические особенности: у подростков с более выраженным согласованием образов родителей преобладает свернутый тип целеполагания, у подростков с более выраженным рассогласованием образов родителей преобладает развернутый тип целеполагания.

Для подтверждения выдвинутых предположений применялись проективная методика Рене Жиля; «Ценностные ориентации» М. Рокича и методика «Решение проблемных ситуаций». В эксперименте принимали участие 53 школьника 5–7—9 классов общеобразовательной школы г. Каширы.

На основе анализа пространственных характеристик по названным критериям, полученных по методике Рене Жиля, в каждом классе выделена группа учеников с выраженным согласованием образов родителей и группа с выраженным рассогласованием образов родителей.

Результаты показывают, что образ родителей в большей степени привлекает внимание у подростков с согласованием образов родителей, чем у подростков другой группы. Для подростков с согласованием образов родителей более значимы отношение к матери и к отцу, отношение к отцу и матери, как к родительской чете. У подростков с рассогласованием образов родителей значимо преобладает отношение к другу.

По отношению к матери, выявлены высокие оценки у подростков с согласованием образов родителей, по отношению к отцу оценки немного снижаются. У подростков с рассогласованием образов оценка отца значительно выше, но если в 5, 9 классах она на среднем уровне, то в 7 классе на самом высоком. Отношение к отцу и матери, как к родительской чете примерно одинаково во всех классах у подростков с согласованием

³⁸ Бушнева Ю.В. Влияние образов родителей на особенности целеполагания подростков: дипломная работа / под рук. А.В. Литвиновой. – М.: ИП РГГУ, 2003.

образов родителей, но немного выше в 7 классе, а у подростков с рассогласованием образов родителей в 5 и 9 классах в 2 раза ниже, чем у подростков с согласованием образов родителей.

По отношению к учителю (авторитетному взрослому), у подростков с согласованием образов родителей оценки значимо выше, чем у подростков другой группы. У учеников с рассогласованием образов родителей во всех классах оценки примерно одинаковые.

По отношению к другу (подруге) самая высокая оценка у подростков с рассогласованием образов родителей 5-го класса, относительно ниже в 9 классе. У подростков с согласованием образов родителей оценки по отношению к другу значимо ниже, чем у подростков другой группы. Из них немного выше оценка в 5 классе, чем в 9 и 7 классах.

Таким образом, выявлено, что группы подростков с выраженным согласованием образов родителей в каждом классе более многочисленны, чем группы подростков с рассогласованием образов родителей. Взаимодействие с родителями более значимо для подростков с согласованием образов родителей. Эти подростки ориентируются на образ матери, их интересы направлены на взаимодействие с членами семьи. В отличие от них, подростки с рассогласованием образов родителей ориентируются на отношение к другу, для них значим образ сверстника. Взаимодействия в ситуации совместного выполнения действий с родителями не входят в их приоритеты.

Как мы видим, в результате рассогласования образов родителей происходит столкновение значимых ожиданий, отношений, что является условием возникновения внутренних противоречий, необходимых для психического развития личности. При всем многообразии подходов, обострение внутренних противоречий до уровня конфликта, в психологии рассматривается как закономерное явление в развитии личности. Одним из таких внутренних конфликтов может быть ценностный конфликт, раскрывающий особенности включенности подростков в орбиту отца или матери. Для выявления специфики включенности подростков в орбиту отца или матери использовалась методика «Ценностные ориентации» М. Рокича (шкалы «Я реальное», «отец во мне воспитывал», «мать во мне воспитывала»). Анализ эмпирических данных проводился по приоритетным целям-ценностям, занимающих в системе ценностных ориентаций испытуемых со 2-го по 8-й ранг.

У подростков с выраженным согласованием образов родителей выявлены приоритетные, традиционные цели-ценности: здоровье, счастливая семейная жизнь, материально-обеспеченная жизнь и средства-ценности – образованность. В отличие от них, у подростков с выраженным рассогласованием образов родителей к девятому классу формируются духовные цели-ценности, такие как любовь и развитие, средства-ценности: ответственность, честность, смелость. Подростки с выраженным согласованием образов родителей ориентированы на образ матери, для подростков с выраженным рассогласованием образов родителей более значим образ отца.

Для исследования компонентов целеполагания подросткам были предложены три ситуации на ориентировку в общении со сверстниками и три ситуации, направленные на ориентировку в учебной ситуации. Результаты решения проблемных ситуаций показывают, что подростки с выраженным согласованием образов родителей в решении проблемных ситуаций в общении со сверстниками ставят перед собой конкретные цели. В частности, подростки 5–7 классов зависимы от группы, собственных целей практически не ставят, сами решений не принимают. Действия школьников направлены на себя, а на других значительно меньше. К 9-му классу количество целей немного возрастает, но они также направлены на себя и на достижение конкретного результата.

В учебных ситуациях у подростков 5–7 классов прослеживаются в основном внутренние познавательные мотивы как интереса к разным способам добывания знаний, а в 9-м классе учебно-познавательные мотивы сотрудничества с учителем в ходе учебной деятельности. Переживание положительных эмоций связано с поиском разных способов решения задач и соответствием внутренней оценки подростков в 5-м классе и оценки учителя. Положительные эмоции у подростков 9-го класса возникают в ситуации

достижения результата.

В отличие от подростков с выраженным согласованием образов родителей, подростки с рассогласованием образов родителей при решении проблемных ситуаций ставят перед собой не только конкретные цели, а разворачивают систему целей, доопределяя общую цель несколькими конкретными. Количество целей, у подростков с выраженным рассогласованием образов родителей, значительно увеличивается. Здесь присутствуют и инициативные цели, которых к 9-му классу становится больше. Развертывание их в целевую структуру показывает направленность на процесс выполнения действия. Учащиеся 5–7 классов в проблемных ситуациях, самостоятельно ставят цели и стараются достичь их. Подростки 5–7 классов действуют уверенно и решительно, а в 9-ом классе, подходят к проблемной ситуации, действуя творчески. В учебной ситуации у учащихся 5–7 классов прослеживаются внешние и внутренние познавательные мотивы в ходе учебной деятельности, а в 9-ом классе внутренние познавательные мотивы.

Таким образом, подростки с выраженным согласованием образов родителей, ставят перед собой конкретные цели. Они зависимы от группы и от родителей, действия направлены на достижение конкретного результата. А подростки, с выраженным рассогласованием образов родителей, разворачивают систему целей, доопределяя общую цель через ряд конкретных в ситуациях взаимодействия с другими. Эти подростки самостоятельны, они направлены на процесс выполнения действия.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать следующие выводы:

На основе анализа пространственных характеристик в каждом классе выделены группы подростков с выраженным согласованием образов родителей и выраженным рассогласованием образов родителей. Взаимодействие с родителями более значимы для подростков с согласованием образов родителей. Эти подростки ориентируются на образ матери, их интересы направлены на взаимодействие с членами семьи. А подростки с рассогласованием образов родителей ориентируются на отношение к другу, для них значим образ сверстника, что в большей мере соответствует возрастным особенностям.

У подростков с выраженным согласованием образов родителей выявлены приоритетные, традиционные цели-ценности: здоровье, счастливая семейная жизнь, материально-обеспеченная жизнь, в отличие от них у подростков с выраженным рассогласованием образов родителей к девятому классу формируются духовные цели-ценности любовь и развитие. Подростки с выраженным согласованием образов родителей включены в орбиту матери, а подростки с выраженным рассогласованием образов родителей в орбиту отца.

У подростков с выраженным согласованием образов родителей преобладает в основном постановка конкретных целей, направленность на достижение конкретного результата. Наблюдается развитие мотивации от внутренней, как интереса к разным способам добывания знаний к мотивации сотрудничества с учителем.

Выявленные особенности раскрывают сформированность у подростков с выраженным согласованием образов родителей свернутого типа целеполагания. У подростков с выраженным рассогласованием образов родителей наблюдается постановка общих и конкретных целей, ориентировка в проблемной ситуации происходит как доопределение общей цели через конкретные при направленности на процесс выполнения действия. Развитие мотивации происходит от неустойчивой, внешней мотивации ориентированной на оценку учителя к внутренней мотивации поиска способов сотрудничества с одноклассниками. Выявленные особенности раскрывают сформированность у подростков с выраженным рассогласованием образов родителей развернутого типа целеполагания.

Таким образом, мы видим, что именно в семье закладываются схемы ориентировки личности, но, насколько она будет инициативна, зависит от выраженности рассогласования образов родителей. Реализация функции согласования, возникающих напряжений проявляется в различной направленности вектора активности подростка. В случае согласования образов родителей, векторы направлены на стабилизацию отношений в

психологическом пространстве семьи. В случае рассогласования образов родителей – на расширение границ психологического пространства и выход за пределы семьи в социум.

Сравнительный анализ результатов выбора студентами субъектных позиций и типа взаимодействия с другими

Далее проанализируем результаты изучения психологических характеристик (ценностные ориентации, агрессивные реакции, субъектные позиции, эмпатия, идентификация, выбор цели) личности студентов, сформированные в зависимости от степени рассогласования образов родителей.

Для выявления включенности испытуемого в социальную ситуацию применялась методика «ценностные ориентации» М. Рокича (шкала «Я – реальное»); для определения личностных характеристик – стимульный материал PS-Study теста С. Розенцвейга в модификации В.К. Шабельникова, методика «Способность к эмпатии», анкета по целям. При выявлении степени рассогласования образов родителей предлагались методика «ценностные ориентации» М. Рокича (шкала «отец воспитывал во мне», шкала «мать воспитывала во мне»), для изучения характеристик «взаимоотношений» в семье использовались опросник «Рольные характеристики семьи» и Висбаденский опросник.

В эксперименте принимали участие студенты 3 курса педагогического колледжа № 5, студенты 4-го курса факультета управления, студенты 2-го и 4-го курса факультета документоведения РГГУ.

Рассмотрим, какие субъектные позиции сформированы у студентов. У студентов-педагогов с согласованием образов родителей значимо выражены позиции субъект-оценщик (агрессия), а у студентов-педагогов с рассогласованием образов родителей – субъект-оценщик (самоагрессия). Необходимо отметить, что у всех студентов, принимающих участие в эксперименте, субъектная функция субъект-оценщик более выражена. Однако только у педагогов наиболее высокие значения, что возможно, раскрывает взаимосвязь с будущей профессией, ведь в традиционном обучении у педагогов ведущая функция педагогической деятельности – функция контроля и оценки. В.К. Шабельников отмечает, что позиция *субъекта-оценщика* – это функция судьи, наблюдающего со стороны за развитием системы и исполнением ролей другими субъектами.

Студенты педагоги и менеджеры с согласованием образов родителей характеризуются значимо выраженной позицией субъект-оценщик (агрессия), они негативно оценивают действия других, ситуации и события, сохраняя позитивную оценку своих действий. В отличие от них студенты документоведы с рассогласованием образов родителей чаще используют субъектную позицию субъект-оценщик (самоагрессия), которая позволяет выразить эмоционально-оценочное отношение к ситуации, действию, к другому и принять ответственность.

В современной ситуации социальной неустойчивости у студентов преобладает субъектная функция субъект-оценщик. Полученные нами результаты можно соотнести с исследованием Е.А. Лукашовой, которая показывает, что в московских семьях, вследствие разрушения семьи как родовой структуры, доминирует позиция субъект-оценщик, она конкретизирует характерные особенности субъектной позиции субъект-оценщик, при которой участники выступают пассивными наблюдателями за развитием конфликтной ситуации.

Субъектная позиция во взаимодействии *субъект-исполнитель* (агрессия) как стремление к удовлетворению собственных потребностей во взаимодействии с другими, выявлена у студентов- документоведов с согласованием образов родителей. Усвоение функции субъекта-исполнителя предполагает депривированные действия со стороны родителей, усваивая эти действия, по типу – агрессия, субъект вынужден в дальнейшем действовать, подчиняя окружающих своим требованиям и логике действий.

Студентам-менеджерам с рассогласованием образов родителей свойственно

стремление занимать во взаимодействии позицию *субъекта-координатора* (самоагрессия). Реализация этой позиции отличается стремлением помочь другому адекватно выполнить свою роль. В.К. Шабельников раскрывает, что необходимость функции субъекта-координатора связана с тем, что строение любого действия зависит от большого объема информации (ритуалы, схемы и правила действия), носителями которой являются более старшие и опытные члены общества, руководители, учителя, координирующие организацию действий других. В данном случае, это соответствует профессиональной деятельности будущих менеджеров, основу которой составляет координация деятельности других.

Полученные эмпирические данные подтверждают предположение о зависимости принятия субъектных позиций и типа взаимодействия от выраженности рассогласования образа родителей. Полученные результаты раскрывают, что сложившиеся у студентов субъектные позиции и тип взаимодействия под влиянием степени рассогласования соотносятся с выбранной профессиональной деятельностью.

Проанализируем предположение о существовании взаимосвязи между формированием субъектных позиций, типом взаимодействия в зависимости от степени рассогласования образа родителей и проявлением эмпатии.

Под эмпатией мы понимаем полифункциональное качество личности, уровень развития которой является важным фактором готовности личности к тем видам деятельности (педагогической, управленческой), которые требуют эмоциональной отзывчивости, вчувствования, сопереживания другому.

Так, В.А. Сухомлинский считал, что учителю следует начинать с элементарного, но вместе с тем и наитруднейшего – с формирования способности ощущать душевное состояние другого человека, уметь ставить себя на место другого в самых разных ситуациях. Он предупреждал о том, что глухой к другим людям – останется глухим к самому себе, ему будет недоступно самое главное в самовоспитании – эмоциональная оценка собственных поступков.

У всех студентов с согласованием образов родителей, взаимодействующих по типу агрессия, выявлен средний уровень эмпатии, позволяющий понимать смысл действий, выполняемых другими. Полученные данные показывают, что испытуемых названных групп характеризует недооценка или переоценка представлений о действиях других в проявлениях взаимной эмпатии, что предполагает их склонность к конфликтам и стремление подавить другого субъекта во взаимодействии.

Студентов всех групп с рассогласованием образов родителей, взаимодействующих по типу самоагрессия, отличает более высокий уровень эмпатии, позволяющий сопереживать, понимать внутренние, глубинные состояния и движения души. Полученные данные раскрывают, что переход к самоагрессии связан с проявлением эмпатии в налаживании открытых, доверительных взаимоотношений с другими и гибкости в изменении сложившегося способа взаимодействия.

Студенты с согласованием образов родителей склонны принимать во взаимодействии с окружающими позиции субъекта-оценщика, субъекта-координатора по типу ассимиляция (агрессия), проявляющегося в более высоком уровне внешней агрессивности действий и стремлении разрешить ситуацию, подстраивая других под свои жесткие схемы действий. Студенты с рассогласованием образов родителей склонны принимать позиции субъекта-оценщика, субъекта-исполнителя, субъекта-координатора по типу взаимодействия самоагрессия и стремления разрешить ситуацию, подстраивая свои схемы под логику ситуации.

Полученные результаты демонстрируют, что у студентов с согласованием образов родителей сложились более ригидные, инертные, стереотипные, ограничивающие жизнь схемы действий, в отличие от них, студентов с рассогласованием образов родителей характеризуют гибкие схемы действий, ориентированные на приятие, открытость и способность к изменениям.

Таким образом, в каждой группе студентов выявлены подгруппы испытуемых, в

зависимости от выраженности рассогласования образов родителей, раскрыто, что чем выше рассогласование, тем выше уровень проявления эмпатии.

Определены субъектные позиции личности во взаимодействии с другими, сформированные в зависимости от степени рассогласования образов родителей. В семьях с низкой степенью рассогласования образов родителей формируются субъектные позиции субъекта-оценщика, субъекта-координатора по типу агрессия, проявляющегося в более высоком уровне внешней агрессивности действий и стремления разрешить ситуацию, подстраивая других под свои жесткие схемы действий. В семьях с высокой степенью рассогласования образа родителей, формируются субъектные позиции субъекта-оценщика, субъекта-исполнителя, субъекта-координатора по типу взаимодействия – самоагрессия, испытуемые проявляют стремление разрешить ситуацию, подстраивая свои схемы под логику ситуации.

Выявлены отличия субъектных позиций личности с разной степенью рассогласованности образов родителей. Испытуемых, с низкой степенью рассогласования образа родителей характеризует взаимодействие по типу агрессия, проявляющееся в большей

выраженности среднего уровня эмпатии, позволяющего понимать только внешние действия других. Испытуемые, имеющие относительно более высокую степень рассогласования образа родителей, взаимодействуют по типу самоагрессия, их отличает более высокий уровень выражения эмпатии, позволяющий сопереживать и понимать внутреннее, глубинное эмоциональное состояние других.

Обнаружено, что высокий уровень внешней агрессивности испытуемых, связан с недооценкой или переоценкой представлений о действиях других в проявлениях взаимной эмпатии, что выражает относительно большую склонность к конфликтам и стремлении подавить другого субъекта во взаимодействии. Выявлено, что снижение внешней агрессивности испытуемых и переход к само-агрессии, связан с проявлением высокого уровня эмпатии в налаживании открытых, доверительных взаимоотношений с другими и гибкости в изменении сложившегося способа взаимодействия.

Зависимость между степенью рассогласованности образов родителей и сформированным типом взаимодействия выражается в том, что чем выше степень рассогласования образов родителей, тем выше уровень проявления эмпатии и самоагрессии.

Итак, полученные результаты подтверждают предположение о зависимости формирования психологических характеристик личности (субъектные позиции, типы взаимодействия и эмпатия) от рассогласования образов родителей. В качестве критериев степени рассогласования выступили различия в иерархии приоритетных ценностных ориентаций родителей и студентов. Доказано, что высокая степень рассогласования образов родителей взаимосвязана с повышением уровня эмпатии и формированием субъектных позиций по типу взаимодействия самоагрессия, позволяющих личности более открыто и гибко действовать в нестабильных ситуациях.

Исследование специфики выбора субъектом жизненной цели в зависимости от рассогласования образов родителей

В исследовании изучались особенности выбора испытуемыми (студенты педагоги, менеджеры и документоведы) личностно значимой цели, связанной с профессиональным самоопределением и получением высшего образования в зависимости от выраженности рассогласования образов родителей. Ситуация выбора профессии традиционно рассматривается в контексте психологии труда и профессионального обучения. Однако такой взгляд является односторонним, поскольку не учитывает то воздействие, которое оказывает данная проблема на перспективу жизненных целей человека. Это первый в жизни вынужденный выбор, от которого нельзя уйти, но можно возложить его на других. Именно этот момент жизни является переломным для личностной позиции, поскольку

ответственность за самостоятельный выбор жизненной цели ложится на его собственные плечи. Поэтому в работе ставилась также задача исследования факторов, влияющих на способность делать самостоятельный выбор профессии, связанный с перспективой будущего.

Более выраженная согласованность с приоритетными целями-ценностями родителей студентов педагогов является предпосылкой того, что, как отмечают студенты в 42,8 % случаях, именно семья влияет на постановку ими жизненных целей. Тогда как влияние социума составляет 28,6 %, а друзей – 21,4 %. Далее, 18,2 % студентов данной группы свой выбор объяснили желанием работать с детьми, по 9,1 % связывают свой выбор с получением образования, интересом к профессии и с тем, что это «нужно» для них.

Ярко выраженное рассогласование в ценностных иерархиях приводит к тому, что только в 22,3 % случаях семья влияет на постановку ими целей, а в 66,7 % случаев студенты педагоги с рассогласованием образов родителей находятся под влиянием социума, что, скорее всего, связано и с высоким уровнем рассогласования с образом отца, отвечающего за их социализацию. Студенты данной группы выбор профессии связывают с интересом к ней – 28,6 %, с получением образования и любовью к детям по 14,3 % соответственно. Выделение критерия выбора цели быть учителем – любовь к детям, в отличие от желания работать с детьми, является очень значимым. Ведь проявление любви к детям позволяет не давить на них педагогическим авторитетом и наставлениями, а создавать условия для понимания и развития их возможностей. Раскрывая роль любви в воспитании личности, Сент-Экзюпери писал о том, что возможно, любовь является процессом, где я мягко, легко и кротко веду тебя к самому себе. Веду не к такой личности, какой я тебя вижу в моем воображении, а в развитии и проявлении твоих собственных положительных черт.

Согласование образов родителей при выраженной направленности на образ матери приводит к тому, что студенты педагоги идентифицируют себя с матерью (30,7 %), бабушкой, братом, подругой по 8,3 %. Однако 44,4 % студентов данной группы не похожи «ни на кого». Рассогласование образов родителей и значимое противостояние отцу способствует тому, что студенты идентифицируют себя с педагогами – 28,6 %, а так же с другими публичными представителями социума – значимыми взрослыми: Софи Лорен, Жерар де Пардьё, В.В. Путин – по 14,3 %, хотят быть похожими на себя – 28,6 %. Полученные результаты демонстрируют разные критерии ориентировки студентов педагогов в социальной ситуации при разной степени рассогласования образов их родителей.

Надо отметить, что при выраженном рассогласовании образов родителей у студентов документоведов, наблюдается относительно выраженная рассогласованность с образом отца, но качественно разные иерархии приоритетных целей-ценностей приводят к их разной идентификации. Так, студенты-документоведы с согласованием образов родителей идентифицированы, прежде всего, с отцом (30,7 %) и матерью (38,5 %), с рассогласованием образов – идентифицированы с родственниками только на 18,1 %. Для них значимыми являются литературные героини и герои, актрисы и актеры, женщины ученые, а так же царь – реформатор Петр I. Напротив, документоведы с согласованием образа родителей предпочли диктатора Сталина, Обломова, Шапокляк. Поэтому при выборе профессии только 28,6 % студентов-документоведов с рассогласованием образов родителей руководствовались советами родителей, а у 42,8 % выбор был связан с собственными интересами и жизненными целями. В отличие от них студенты-документоведы с согласованием образов родителей отмечают, что на выборе профессии настояли родители, сестры, братья.

Наблюдается выраженная рассогласованность с образом отца у студентов-менеджеров, которая связана с идентификацией со значимыми другими: мужчинами (А. Челлентано, Э. Фандорин, Александр Невский и др.) – 28,5 % и женщинами (Русалочка, Екатерина II, Маргарита и др.) – 42,8 %, создающим ситуацию дестабилизации, необходимую для активного психического развития.

В отличие от них студенты-менеджеры с согласованием образов родителей, идентифицированы с матерью – 54,3 % и другими родственниками (бабушкой, отцом,

сестрами) – 31,7 %.

Таким образом, раскрыто влияние социальных субъектов (семья, сверстники, социум) на выбор студентами жизненной цели, в зависимости от выраженности рассогласования образов родителей. Выявлено, что чем более выражено рассогласование образов родителей, тем ниже выраженность идентификации с семьей и больше самостоятельность в выборе жизненной цели.

Итак, проведенное исследование рассогласования образов родителей как элемента психологической структуры семьи на основе теории функциональных систем расширяет представления о детерминирующей роли семьи в формировании личности ребенка на разных возрастных этапах.

В исследовании впервые исследована роль психологических напряжений в образе родителей (эмоциональных, когнитивных и пространственных) необходимых для формирования личностных характеристик (ценностные ориентации, субъектные позиции во взаимодействии, целеполагание, эмпатия и др.) на разных возрастных этапах.

Полученные значимые результаты исследования позволяют разрабатывать систему психологического сопровождения дошкольников, школьников и студентов, направленную на развитие и реализацию личностного и профессионального потенциала, а также выполняют прогностическую функцию в профессиональном самоопределении личности.